

СБОРНИК РАССКАЗОВ

БЕСКРЫЛЫЕ

"Где Воды Отошли От Дна
И Обнажили Суть Земную
Моя Душа Бредет Одна,
Свой Путь Задумчиво Смакуя."

Воронов Роман

Роман Воронов

Бескрылые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70543120

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник рассказов о Человеке, выброшенном на пустынный берег острова под названием Планета Земля с целью поднятия на Вершину неприступной Голгофы, откуда он, окрепший, одухотворенный, но все еще бескрылый, сможет-таки воспарить и покинуть эти прекрасные, но недружелюбные берега с тем, чтобы уже никогда не возвращаться к ним в качестве потерпевшего крушение.

Содержание

Бескрылые	4
Как «слепить» Вселенную	15
Восьмая печать	30
Пока существует дуальность	42
Знакомьтесь, Иисус, или Трудно быть Человеком	56
Шутовской колпак	71
Говорящая рыба	85
Прекрасное дитя	98
Плацебо	109
Беглецы	133
Два Солнца	152
Правильный ответ	163
О пользе еды и не только	174
Красота спасет...	191

Роман Воронов

Бескрылые

Бескрылые

Молодой Ангел с пристрастием «оглядел» себя со стороны. В отличие от проявленных Бескрылых, зрение коих Создатель устроил таким образом, что для подобной процедуры им требовались приспособления, называемые обитателями плотных планов зеркалами, это не составляло труда: все безупречно – перышко к перышку, искорка к искорке и переливающийся небесно-голубым меч Истины на плече. Настоящий Воин Света.

Ангел расправил крылья, сделал взмах, и, волей Архангела Михаила, «определился» в первую шеренгу Воинства Света, рядом с Пожилым «солдатом», втиснувшись со всего маху между ним и его сверкающим соседом, едва успев сложить оба крыла и придержать меч, однако не избежал при этом поднятия облака звездной пыли, что среди Ангелов-Воинов считается дурным тоном и признаком бездумного гусарства.

Пожилый едва заметно поморщился и бросил красноречивый взгляд на соседа, тот пожал могучими плечами – что

поделаешь, новичок. Вновь прибывший, проклиная себя за неуклюжесть, замер в неудобной позе, стараясь не привлечь к себе всеобщего внимания первых двух шеренг, и устался в слабо шевелящуюся «стену» напротив.

Воинство Ангелов хранило молчание, Архистратиг не жаловал любителей разговорчиков в строю, а нарваться на полный любви взгляд военачальника никто не торопился, да и куда, срок противостояния – вечность, исход – не загадка, а служба, она же служение, есть Жизнь и Путь.

Так рассуждало большинство опытных, потрепанных в боях Воинов Света, но не Молодой Ангел, ибо как новобранец был испуган, напряжен и... любопытен. Состояние каменного истукана довольно быстро надоело ему, хотя нельзя не отдать должного ангельскому терпению – на грешной Земле, к примеру, за это время пролетело три с половиной столетия, и Молодой, сменив «смирно» на «вольно», обратился к Пожилому:

– Пока тишина, даже скучновато.

Видавший всякое Ангел снисходительно улыбнулся:

– Поаккуратней, даже слово, сказанное тобой здесь, на Небе, влияет на то, что произойдет там, внизу, на Земле.

Новобранец согласно кивнул головой:

– Да-да, я помню, но Бескрылые не зрят энергию, а когда они чего-то не видят, то полагают это либо отсутствующим вовсе, либо «назначают» ничтожным, и на фоне безобразного обращения с реальностью (как раз таки состоящей из

энергий) молятся на зримые им миражи физического мира. Они глупцы и, спотыкаясь беспрестанно, даже не соизволят поднять глаза к Небу. Что им наши слова.

Пожилой хмыкнул:

– Их деяния не в меньшей степени откликаются сюда, иной раз гораздо чувствительнее, чем можно себе представить, в Мире Создателя все взаимосвязано.

Он поправил меч, сползающий с плеча Молодого:

– Держи вертикально, Истина – стержень, а не ветка, гнущаяся на ветру.

Видели когда-нибудь построение ангельского воинства? Нет? Это точно не «черепаша», подопечные Архангела Михаила, собранные в боевой порядок, выглядят как сверкающая сфера, солнце очень подходит для воображения формы этой рати. Архистратиг в центре, он есть ядро, а наша парочка болтунов – на поверхности этого пульсирующего шара, и главнокомандующий прекрасно «видит» настроение (а также и разговоры) своих бойцов в виде изменения освещенности отдельных «точек», составляющих его подразделение. Диалог двух Ангелов Михаил зрел как более яркую на ровном фоне остальной сферы искорку, перескакивающую от одного духа к другому, но не прерывал его – в спорах, знаете ли, как и в окопах, иногда рождается истина, так говорят Бескрылые.

Молодой Ангел тем временем, выровняв как положено свое оружие, продолжил донимать соседа, то ли пытаясь

унять дрожь новобранца, то ли в силу неумолимого характера:

– А какой смысл в сражениях с альтернативой, – он кивнул в сторону серой безликой массы, – если все мы бессмертны?

Слух у Ангелов преотличный, и вся боевая сфера завибрировала от негодования, а может быть от смеха, кто их, белокрылых, поймет.

Пожилой благожелательно улыбнулся:

– Любое сражение есть диалог, выявление правды.

Молодой чуть не вывалился из строя:

– Глядя на Бессмертных, этого не скажешь.

Опытный Воин Света и бровью не повел:

– Когда в качестве правды понимается сила или собственное мнение, желание, а при уровне сознания Бескрылых так оно и есть, любое сражение в их среде имеет ту самую приущую им форму и заканчивается либо увечьем, либо гибелью плотной оболочки. В результате чего Эго получает доказательство правоты собственных воззрений, а душа – отягощение своих одежд актом грехопадения (в самом общем смысле). Чему ж тут удивляться, таков их Путь Познания.

– Ну а мы чего ради здесь стоим? – Безусый лик Молодого Ангела выразил крайнюю степень удивления вперемешку с легким оттенком возмущения.

Пожилой, не поворачивая головы к собеседнику (наблюдать за антиподами неотрывно предписывал Устав Воинства Света), строго сказал:

– Мы здесь до тех пор, пока они – Бескрылые – будут про-

должать диалог подобным (и, видимо, удобным для них) образом.

Новобранец дернулся, едва не уронив меч Истины.

– Мы разойдемся, когда Бескрылые перестанут убивать друг друга?

– Точно так, – отчеканил Пожилой, и легкая усмешка вновь тронула его сияющее лицо.

Архистратиг, слышавший все от начала до конца, согласно кивнул головой в этот миг, а боевая сфера озарилась радужными переливами всеобщего одобрения. Подобное единодушие не разделил всего один боец, новобранец.

– Они диктуют нам наше бытие?

Его голубые миндалевидные ангельские глаза полезли на лоб, а атомное сердце готово было превратиться в сверхновую тут же.

– И да и нет, – коротко прокомментировал Пожилой Ангел, снова поправив меч Истины в неверных руках сослуживца.

– Как это? – новобранец с благодарностью посмотрел на старшего товарища.

– Мы сосуществуем, как и весь Мир, все его составляющие, на приоритетных началах.

– Объясни, – голос Молодого Ангела стал тверже, что и отметил с удовлетворением Архангел Михаил в своем «ядре».

Пожилой, со взором, устремленным по уставу, то есть ис-

ключительно вперед, пояснил:

– Бог создает сына Своего, Адама, и дарует ему Рай с одним обременением – неприкосновенным Яблоком. Адам жертвует ребром и получает Еву, которая запускает процесс Познания через нарушение Запрета, получая от Бога власть над Адамом и в придачу, преступление есть преступление, муки при родах. Бескрылые все время обмениваются с Создателем энергиями, не осознавая этого, беспамятством оплачивая свою Свободу Выбора.

Сказав это, Ангел отдал честь. «Неужели Бескрылым...» – поразился новобранец, но, отогнав сию крамольную мыслишку, все же нервно спросил:

– А мы-то к ним каким боком?

– Когда начнется заварушка, ты лучше думай, каким боком стать к антиподу, – загадочно произнес Пожилой.

– А это важно? – не уловив сарказма, заинтересованно переспросил новобранец.

– Если, например, срейфишь, побежишь, он, подлец, отсечет тебе крылья и тогда ты сразу же отправишься «вниз», на Землю, в качестве новоиспеченного Бескрылого. – Бывалый воин выкатил глаза из орбит.

– А если подставлю его копыю грудь? – заносчиво воскликнул Молодой Ангел.

– После боя будешь произведен в капралы... посмертно. – «Сфера» вздрогнула от хохота, «ощетинившись» салютом из тысяч ярко-желтых искр так, что Архистратигу пришлось

прикрикнуть на подчиненных, старательно сдерживая при этом собственную улыбку.

Едва ряды Воинов Света затихли, как Пожилой Ангел прошептал:

– Смотрите, серые зашевелились.

Стоящие до этого недвижимо антиподы, отчего и напоминали своим строем серую, монолитную стену (по причине свойственных им низких, по отношению к ангельским, вибраций), произвели некоторое перемещение в сторону «боевой сферы» Михаила.

– Ой, – икнул Молодой. – Внизу началась мировая война?

– Ага, – кивнул ему невозмутимый опытный боец. – Какой-нибудь князек с дружиной человек сорок, из коих конных не наберется и половины, не поделил с соседом приграничной деревеньки в три дома, или местного значения рыцарь, упившись до полусмерти, неожиданно решил жениться, да невеста заартачилась, вот его вассалы и устроили побоище на лесной поляне с родственниками барышни, то-то щепки летят.

Пожилой Ангел подмигнул новобранцу:

– Было бы что серьезное, антиподы уже перли бы на нас с колесницами и слонами.

– Неужто, – восхитился Молодой. – Пока тамошние (и он кивнул «вниз») Бескрылые с удовольствием отсекают друг другу конечности, здесь серых разбирает легкая щекотка? Кровь на Земле на потеху Небес, – сделал он неожиданный

Вывод.

– Кровь на Земле, – было видно, опытный воин с уважением относится к этому слову, – величайшая глупость, не нужная ни там, ни тут. С энергетической точки зрения, кровопускание посредством насилия – бессмысленный акт, в процессе Самопознания обеспечивающий нулевое продвижение.

– И тем не менее, – вставил новобранец, – размахивание холодным оружием на Земле влияет на нас, по твоему же утверждению.

Пожилой возражать и не собирался:

– Стоя друг против друга здесь, мы поддерживаем Баланс Мира.

Он поправил уже свой меч, начинавший предательски сползать с плеча:

– Отвернись мы хоть на миг, они – антиподы – посрезают нам все крылья сразу же, отступят они – Мир zalьет Свет Его Величия, и самопознание прекратится.

– А я думал, мы... – начал новобранец, но Пожилой не обратил на него никакого внимания, продолжив:

– Они, как и мы, это стена Райского Сада, не будь ее, Эдем распространится на весь Универс.

– А если дрогнем мы? – Молодой Ангел понемногу начал осознавать смысл противостояния.

– Они схлопнут Рай в точку, а Свет, сжатый до такой степени, как известно, Большой Взрыв. Мы держим «стену»

с двух сторон, это наше предназначение, Ангелов и Падших.

– Если так, – новобранец начал ерзать на месте, крылья его, не привычные к долгому бездействию, «окаменели», а резкий характер требовал движения, – то какова роль Бескрылых в их влиянии на нас?

Пожилой хмыкнул:

– Ты ведь догадываешься и сам, что она не может быть ничтожной, иначе Создатель не назвал бы бескрылого Адама сыном своим. Их предназначение величественно. Если мы здесь сообщаем удерживаем стену от падения, то есть в равновесии, то они (Бескрылые) двигают ее. – Меч Истины в его руках озарился ярко-лиловым свечением. – Гея подтверждает мои слова, – закончил опытный воин.

Голубые глаза ангела-новобранца расширились от изумления (в земном эквиваленте приблизительно до размеров Женевского озера).

– Поверить не могу, мы, титаны, всего лишь удерживаем равновесие, когда они, не выдающиеся ростом, да и умом, если честно, способны перемещать «стену».

Пожилой Ангел скорчил физиономию, мол, вот так-то, братец, бывает.

– Приближаясь к Богу сознанием, они расширяют границы Рая и, соответственно, наоборот.

– Нонсенс какой-то, – воскликнул, не сдержавшись, новобранец.

– Ты о Мире и Замысле Творца? – ехидно улыбнулся По-

жилой. – Не забывай, их проявленный план дуален.

– Все равно не ясно, – спохватившись, обиженно (сам на себя) пробормотал Молодой Ангел. Темное пространство впереди опять слегка всколыхнулось. «Пьяные мужики в кабаке подрались, – «авторитетно» заметил он про себя, – или дуэль на шпагах, нет, скорее на пистолетах, впрочем, все одно, главное, чтобы из-за дамы».

Голос Пожилого Ангела вернул его в тонкую реальность:

– Когда Бог один, Ему хватает и лужайки в Эдеме, но если «Богов» становится много, расширять границы сферы обитания просто необходимо. Такая вот простая Божественная логика.

Он по-отечески коснулся крылом с несколькими вырванными перьями (боевые ранения) плеча новобранца.

– У Бескрылых своя «работа», схожая с нашей, ты ведь прекрасно знаешь: на Земле как на Небе. Их сознание – та же «стена», с одной стороны давит Эго, с другой – Искра Божья.

– Что же тогда расширяет их сознание, двигает их «стену»? – Молодой Ангел начинал запутываться в приходящей информации.

Опытный воин добродушно усмехнулся:

– То же, что и твои крылья, Любовь. Эту энергию первоначала и познает Создатель.

– Но ведь Он и есть сама Любовь? – Вид у новобранца был обескураженный, меч сполз с плеча, а крылья разошлись в стороны и щекотали носы ангелам второй шеренги.

– Так и есть, – не скрывая улыбки, ответил Пожилой. – Господь есть Любовь, а значит, процесс Самопознания – это изучение Любви, энергии сотворения Сотворяющего, идеи Возникновения и смысла Завершения, того, что пребывает в Себе, не являясь Собой, ибо не познано Собой, а стало быть, не принадлежит Себе.

Пожилой Ангел «крякнул» от удовольствия, а Молодой застыл и, опершись на меч, как на костыль, пытался вместить в себя услышанное.

В этот самый миг там, внизу, один Бескрылый, уже занесший над спящим братом сверкающую в лунном свете сталь, вдруг опустил руку со смертоносным жалом в карман и осторожно, ни разу не скрипнув, вышел вон, подставив счастливое лицо ночному ветру, принесшему от ослепительной голубой звезды из созвездия Псов тихий шепот:

– Не надо.

Как «слепить» Вселенную

Слушая или созерцая творения великих, не посещала ли вас мысль, что подобное волшебство, а иначе и не назовешь, оказалось в руках (и умах, конечно же) Человека определенно по чьей-то воле, водительству и подсказке? Не обладая, увы, талантами сами, мы восхищаемся наличием их у других и желаем знать (не правда ли?), каким образом создается неподвластное разуму и непосильное рукам человеческим и тем не менее нечто божественное представителями нашего рода.

...Пусть комната будет пустой, дабы ничто не отвлекало присутствующих от разговора, только стол и четыре стула при нем, ну, может быть, одинокая свеча для придания особой атмосферы встрече. Посадим-ка, наверное, за наш воображаемый стол Художника, Скульптора и... м-м-м, Поэта, в качестве наиболее ярких представителей творческого цеха.

– Забыли Композитора, – взволнованно добавит внимательный читатель-меломан.

– Да, пожалуй, – соглашусь я, – но вот только четвертый стул уже занят...

Художник с силой прижал лопатки к спинке стула: жестковато, но ноющая боль в позвоночнике от долгого стояния у мольберта неторопливо, но все же начала отпускать. «Стран-

новатое место, как я здесь очутился?» Он поморщился, стараясь припомнить хоть что-то, предшествующее его появлению в пустой комнате, но не смог.

По правую руку от него вальяжно развалился пижон в черном бархатном пиджаке с лиловым платком на шее. «Поэт, – решил Художник про себя, – типичный словоблуд». И (подтвердим его догадку) не ошибся. Слева нависал над столом хмурый, грозного вида тип с крепкими плечами и развитыми, цепкими пальцами, «окольцованными» желто-карированными мозолями. «По комплекции этот тянет на дровосека, но взгляд острый, внимательный, нет, скорее всего Скульптор». И тут в точку.

А вот напротив восседает персонаж, о котором ничего определенного сказать невозможно, он присутствовал как бы явственно, но при этом был размыт – некий белесый мазок, растертый на холсте большим пальцем.

Некто дал ему имя Художник, и было открыл рот представиться компании, как эта самая неопределенная персона ни с того ни с сего заговорила первой:

– Как творит Господь Бог? Вопрос риторический, не знает этого никто и даже... сам Создатель. Собственно, по этой-то причине и запущен Им процесс Самопознания. Он, Она, Оно, Абсолют «просто» произносит набор звуков, генерирует вибрации («В начале было Слово...»), что и создает в последующем форму. Процедура «не хитрая» для Творца, но непостижимая для нас и, видимо, не до конца ясная и для

Него. Возможно, принцип подобия (в малом все так же, как и в великом) «изобретен» Создателем с одной единственной целью: разделив себя на мелкие части, понаблюдать за их поведением, их бытием, их сотворчеством и на основании этих наблюдений сделать общий вывод – Кто Я Есмь.

Поэт поправил платок на вспотевшей шее:

– Весьма спорное утверждение, но, надо отдать вам, таинственный незнакомец, должное, смелое.

Художник прищурился на соседа и ехидно выдавил из себя:

– Белое на белом, ни композиции, ни пропорции, ни перспективы.

А Скульптор, расправив широченные плечи, коротко заметил:

– Ни инструмента, ни материала, – и, подумав, добавил: – Ни вдохновения.

Незнакомец, изобразив на расплывчатом лице невнятное подобие улыбки, уцепился за последнюю фразу:

– Вдохновение для человека – канал подключения к щедротам Бога, известный факт, но что есть вдохновение самого Бога? Не в этом ли основной вопрос самопознания?

Он обвел «товарищей» по столу мутным взором:

– И подводя за руку Музу к мучимому творческим поиском, осознает ли Сам подводящий, кто есть Его Муза, не покидающая стен Дома Его ни на миг?

– Я заметил вашу страсть к туманной поэтике, – откры-

венно усмехнулся Поэт. – Но сейчас вы, дорогой друг, нагнали этого самого тумана в избытке, легко можно и заплутать.

– Субстанцию этакую сложно отобразить, – согласился с Поэтом Художник, а Скульптор «поставил точку»: – В мраморе водяная смесь все равно мрамор.

– Рецепт прост. – Некто заколыхался на стуле то ли по причине особой разреженности собственной плоти, то ли просто от смеха. – Если нет осознания себя, разделись на части, помести эти части в ограниченные условия, например в «застенки» плотного плана, понизив (искусственно) степень определения себя как части целого (лишением глубинной памяти), и определи бытие частей своих через возвращение к Единому посредством страданий (поисков истины в темном лесу, утыканном перевернутыми граблями). Сбор поведенческого опыта преодоления «препятствий» и его систематизация (закон кармы) по замыслу должны привести к определению Себя как единого неразделимого и познанию «внутреннего устройства».

– Вы не пробовали себя в научно-фантастической прозе? – захохотал Поэт. – Ей-богу, там вас ждет успех.

Художник, напротив, после прослушанного, стал задумчивым.

– Чтобы раскрыть мир, я «складываю» краски, а вы предлагаете мне размыть уже готовый сюжет. Не понимаю.

– А тут и понимать нечего, – резко вступился за незнакомца Скульптор. – Иной раз мне приходится рубить форму,

чтобы понять собственное содержание.

– Друзья, – неожиданно миролюбиво произнес Некто. – Вы все правы. Мир устроен таким образом, что все происходящее в нем, даже самое незначительное, ничтожное на первый взгляд, важно для его Создателя, Господа Бога.

– Творцу Вселенной есть дело до моей мазни? – усмехнулся Художник. – Сомневаюсь.

– Творцу Вселенной есть дело до творца своей вселенной, – спокойно ответил Некто, – коим являешься ты.

А повернувшись к остальным, доверительно сообщил:

– И ты, и ты.

– В таком случае, – воскликнул Скульптор, – если вы, дорогой незнакомец, столь много осведомлены по данному вопросу, не просветите ли нас, как, извините за выражение, слепить свою вселенную?

Незнакомец закинул аморфную ногу на ногу.

– Но, друзья, это действительно не сложно, к тому же существует инструкция.

– Любопытно. – Поэт уперся локтями о стол, а подбородком – в ладони и сделал взгляд преданным и подобострастным, как у пса в ожидании подачи от хозяина.

«Расплывчатый лектор» подмигнул Поэту:

– В День Первый создал он небо, землю, свет и отделил свет от тьмы, так, кажется.

– Кажется, так, – согласился с ним Художник.

Незнакомец благодарно поклонился:

– Как поступает настоящий творец, если под рукой нет ничего, кроме Слова, но оно позволяет запустить процесс появления «Нечто» из «Ничего»?

Он произносит «Разделение», дабы проявился антипод имеющегося в наличии «Ничто». Бог так и поступил, сотворив в противоположность Небу (Ничто) проявленную Землю (Нечто). Художник на этом этапе не задумываясь делает первый мазок на чистом холсте, и вот уже у Бога имеется «Нечто», а у Художника «что-то» (мазок), но пока обездвиженное, мертвое, застывшее. Нужно идти дальше, требуется новое Слово, и оно имеется у творца – «Оживление». Бог «рождает» Свет, а Художник цвет (белый цвет). И здесь опять произносится команда «Разделение», дабы Творец отделил от Света Тьму, а у мазка на холсте (белого на белом) появился оттенок, выделяющий его на безликом фоне.

– Вся слава ему, – буркнул обиженно Поэт, имея в виду, конечно же, не Господа Бога, а Художника.

– Пардон, – спохватился Некто. – Поэт, не представляя пока еще ни текста целиком, ни первой фразы, ставит перо на бумагу, произнося в этот момент «Разделение». Поцелуй Музы вдыхает жизнь в его руку, и миру является первая буква будущего произведения. Скульптор же созерцает выбранный им кусок мрамора, его «Разделение» – это, скорее всего, фраза «Этот подойдет». Выбор сделан, «Оживление» посетит Скульптора словом «эврика», или что-то в этом духе, когда воображение мастера «впихнет» задуманный образ в

габариты мертвого камня. День Первый закончен, Бог доволен подготовленной базой для сотворения Мира, Художник – найденным цветовым решением, Поэт – рождением мысли, а Скульптор – угаданной пропорцией.

– У меня вопрос. – Художник, как примерный ученик, поднял руку. – А какое Слово рождает мои строки, ты не сказал?

Некто повернулся к Поэту:

– Обычно ты материшься, и это дает необходимый импульс.

– Надо будет попробовать, – задумчиво пробормотал Художник, а Скульптор, густо покраснев, согласился с незнакомцем: – Мне тоже помогает.

– Ну что у нас за компания, – весело рассмеялся Некто. – Чудо как хороша, но давайте переходить ко второму дню.

Он сменил ногу, сделав это ловко и незаметно для собеседников.

– В День Второй, как гласит инструкция, сотворил Бог твердь посреди воды и разделил воду на ту, что под твердью, и ту, что над нею.

– Ближе к делу, – проворчал, как самый нетерпеливый среди присутствующих, Поэт.

Незнакомец, покачав «туманной» головой, продолжил:

– На Второй День «Что-то», выделенное из «Нечто», начинается волей (Словом) Бога дробиться далее, получая свои «начала» – Истину и Антипод. На тверди Создатель выде-

ляет воду словом «Расслоение», а затем, уточняя ее нахождение, расположение, делит полученные субстанции на воды подземные и влаги небесные словом-командой «Состояние». Художник добавляет очередной мазок, на тон выше, и следующим шагом смешивает, объединяет их, проводя наложение, слияние цветов. Скульптор скалывает первый кусок камня, пробуя инструмент на заточенность, а структуру материала – на податливость. Под командой «Состояние» мастер проверит мрамор на срез во взаимно перпендикулярных направлениях. Поэт выводит первую, самую важную строку, а Муза шепчет ему на ухо, пусть еще не смысл, но уже ритм следующей. День Второй закончен.

– О боже, как это прекрасно, – всхлипнул кудесник слова.

– Ты о чем? – удивился Художник.

– Он о музе, – хохотнул Скульптор. – Вернее, о слиянии с ней.

– Чудесная компания, – подвел черту Некто. – Идем дальше?

Творческая триада дружно закивала головами.

– Тогда напомним инструкцию. – Незнакомец снова поменял ноги. – На Третий День Бог создал сушу, моря и растения. Утро этого дня начинается слово-команда «Распределение». Бог располагает воды по тверди (или наоборот, разницы в прочтении никакой), образуя сушу и моря, заселяя и то и то растениями, приспособленными к каждой среде обитания. Здесь, при «заселении», ключевое слово «Запол-

нение». Художник распределяет на холсте новые (в смысле местоположения) мазки, «уточняя» их формы многообразным оттенком и цвета. Через опыт «Распределения» Скульптор смело сбивает крупные (лишние) куски мрамора, «обрисовывая» границы формы будущего Задуманного, подгоняя на этапе «Заполнения» более чувствительным инструментом необходимые пропорции. Поэт в этот день выстроил, «распределив» правильно, вторую строку и, получив стихотворный размер, на этапе «Заполнения» начинает подбирать словесное описание возникающих в воображении образов. Третий День подошел к концу.

– Эдак и недели не хватит на четверостишие, а, брат, на что жить-то? – рассмеялся Художник, обращаясь к Поэту, на что тот недолго думая хорошо поставленным голосом продекламировал:

– Второй строкой я первую унизил,
На третьей извинился перед ней,
Четвертою финала не приблизил,
Но понял, что на первой был умней.

– Ого, день прошел не зря, – скептически заметил Скульптор, рассматривая Поэта через «прицел» скрещенных пальцев.

– Какого черта, – возмутился оскорбленный Поэт.

– Прикидываю бюстик, – улыбнулся Скульптор. – У всех же есть.

Художник загоготал как умалишенный, а Некто спокойно

произнес:

– Выдающийся коллектив у нас, можно смело утверждать – элитный клуб.

– Давайте-ка лучше перейдем к четвертому дню, – накупившись, попросил Поэт. – Как там, в Библии: «И усеял Бог небо светилами».

– Приблизительно так, – поддакнул Некто. – На этом этапе сотворения Мира Бог возвращается от «Что-то» к «Ничто» (к первоистоку), к изначальному, и словом-командой «Восполнение» компенсирует «пустоту» начала. На Небеси появляются светила, обеспечивая существование земной тверди («Что-то»). Художник бросает придирчивый взгляд на белые пятна холста и выполняет необходимую тонировку, придающую «сюжету» нужный колорит. Поэт «обнаруживает» подходящие к началу его произведения, то есть к первой строке, и смысл и рифму и «закрывает» стихотворный размер. Скульптор оценивает количество отсеченного материала и новые габариты, в очередной раз внося правки в воображаемый конечный результат с точки зрения возможной корректировки пропорций. Наступает закатный час Четвертого Дня сотворения.

Художник, как и большинство его коллег по цеху, был самолюбив сверх меры и по этой причине обидчив и самонадеян до невообразимости. В детстве, гордо принося родителям очередные каракули, в коих он, будущий великий живописец, без труда улавливал признаки гениальности, получал

в ответ снисходительную материнскую улыбку и скептический взгляд отца – все, ни намека на восторг или хотя бы капельку одобрения. Самое ценное в его жизни уничтожалось людьми, даровавшими ему эту жизнь.

– Парадокс, – вслух вырвалось у Художника.

– Первое стоящее замечание за вечер. – Скульптор, в бытность свою несколько лет прослужив в пехоте, имел склонность к прямолинейному взгляду на все и такой же броневой манере выражения мыслей по этому поводу.

– Без устали светила мечет

Господь на темный небосклон,

А у Художника бонтон,

Единственная мысль за вечер, – подключился Поэт, и оба насмешника заколыхались от удавшейся шутки.

Мутный незнакомец изобразил на лице подобие улыбки и язвительно заметил:

– Когда окажетесь в гуще боя, не подставляйте спины своему товарищу.

Чем вызвал новый взрыв хохота у Поэта и Скульптора и приступ предательского покраснения щек Художника.

– Как бы то ни было, – продолжил Некто, дождавшись тишины за столом, – наступил Пятый День сотворения, Мир обрел рыб и птиц. Здесь, на этом этапе, Творец имеет возможность опереться на «Что-то», «ступить ногой». Происходит это по команде «Движение», и все аспекты, точнее объекты сознания, получают двигающиеся, дышащие, действу-

ющие элементы. Бог населяет воды рыбами, а небеса – птицами, Художник добавляет в технику штриха или мазка эффект следящих глаз, трепещущего листа, согревающего закатного луча или «слышимого» шепота набегающей волны. Поэт на этом этапе сотворения шедевра достигает в расстановке слов силы и динамики, а поворот мраморной головы или «взмах» каменных ресниц оживляют неподвижную статую, вызывая ощущение живого организма у наблюдателя.

Скульптор разинул рот, его кажущаяся веселость испарилась, подобно плотному облаку тумана под разящим лучом утреннего солнца, а руки, крепкие, сильные и натруженные, вдруг обмякли, безвольными плетью опустившись на колени, и вроде как уменьшились в объеме.

Речь шла о мастерстве, недоступном, непостижимом, оживить камень, вдохнуть в его безмолвную плоть искру радости или горя (в зависимости от сюжета) было его заветной мечтой.

Внимательный Художник не замедлил воспользоваться моментом.

– Однако видок у Скульптора под стать его детищам, напроць парализованный, слегка глуповатый и окончательно омертвевший.

– Чужой талант несет венок на могилу моей бездарности, – ехидно вставил Поэт, незамедлительно переметнувшись на сторону Художника.

– Пауки в банке и то дружнее, – деликатно подсказал

незнакомец и тут же перевел тему. – Останавливаться не станем, отдых чуть позже, а пока впереди День Шестой, в который, если верить инструкции, были созданы звери и люди, коих иногда можно и попутать. На этом этапе сотворения Бог произносит сначала команду «Разум», а затем – «Сердце». «Что-то», практически полностью оформленное как площадка для познания себя, получает после слова «Разум» инстинктивные рефлексy, а под «Сердцем» – способность забыть об инстинктах и жертвовать себе во вред. Твердь обретает, в качестве населения, животный мир, а в роли исследователей – Человечество. Художник ставит подпись на готовом холсте в графе «Разум», но, замерев на миг, хватая кисть и делает финальный мазок, превращающий его из ремесленника в мастера, а холст – в бесценное сокровище. Так работает команда «Сердце». Поэт, заканчивая мысль одной эффектной фразой, вдруг меняет последнее слово, упрощая внешнюю оболочку написанного, но погружая при этом читателя в «Марианскую впадину» смысла. Скульптор, отточив прекрасные черты каменного лица до блеска, неожиданно решается прикрыть его мраморной вуалью, и губы, недвижимые до того, начинают «дышать».

И Поэт, и Художник присоединились к своему товарищу, и теперь все трое сидели с разинутыми ртами.

– Вот теперь полная картина, – усмехнулся незнакомец и встал из-за стола. – День Шестой закончился, и наступил Седьмой День, время отдыха, звучит команда «Осмыс-

ление», Бог отдыхает от трудов праведных, из «Ничего» сотворено «Что-то», облачено в форму и наполнено содержанием, разумом и сердечностью. Вселенная готова и начинает существовать своей жизнью, то есть познавать самое себя. Художник усаживается напротив картины и, вытерев тряпичей краску с рук, пытается понять свое творение. Поэт, поставив точку, берет паузу перед прочтением готового произведения целиком, прислушиваясь к эху начертанных строк. Скульптор обходит свое детище в поисках лишнего и, не обнаружив, смахивает мраморную пыль с ладоней, отдавая созданное на суд чужих глаз...

...Посмотри, читатель, внимательно, что видишь ты в комнате? Некто, и без того полупрозрачный, растворился окончательно, а измученная долгой беседой троица спит, похрапывая в унисон друг другу.

Мы же подведем итог, пока не проявился в нашем сознании таинственный незнакомец со своим, невесть откуда приобретенным знанием, чужим талантам и их истоку.

Дабы слепить свою собственную вселенную, надобно внимательно обозреть чистый лист Бытия, принять его за Истину (по причине Божественности) и отделить (или выделить) из нее Ложь. Да будет так в День Первый.

Затем начать работу именно с Ложью, снова деля ее на чужую, привнесенную извне, и свою собственную, коей награждаешь мир сей. Да будет так в День Второй.

После чего и чужую, и свою расложи на ложь во спасение

(неосознанную) и продуманную (от Эго). Да будет так в День Третий.

Вернись к Истине (сотвори светила на небе), ее многообразию, неисчислимому количеству маяков, указующих пути к ней. Да будет так в День Четвертый.

И снова, с небес на землю, вернись ко Лжи и под светом Истины выяви все последствия лжи и чужой, и собственной. Да будет так в День Пятый.

Далее осознай, что работать можешь только с собой (Сердце), а другие, если захотят, начнут меняться вслед (Разум). Да будет так в День Шестой.

Но не почивай на лаврах, если все удалось, помни о цикличности в бытии и сознании. Да будет так в День Седьмой, коей есть бесконечность.

Восьмая печать

Ева сидела на берегу небольшого звонкого ручья, огибающего высокий холм, увенчанный белоснежной ажурной беседкой, и с интересом рассматривала собственные ступни, погруженные в прохладные струи Живой Воды. Маленькие, аккуратные пальчики в прозрачной толще казались крупнее, и можно было разглядеть в подробностях затейливый рисунок тончайших складок кожи и идеально гладкую, блестящую поверхность ногтей.

«Надо же, – подумала вдруг Ева, – почему Отец создал их безликими, мог бы и раскрасить, например, как тот фрукт». На другом берегу ручья раскинулось «дымящейся» зеленую Древо Познания, так величал этого исполина ее друг, неприглядного вида Змий, с недавних пор ставший женщине гораздо ближе, нежели вечно угрюмый, молчаливый Адам, усыпанное ярко-красными плодами.

Стоило вспомнить скользкую рептилию, как тут же, в траве зашуршало и послышалось знакомое шипение:

– Здравствуй, Ева.

Беззаботная дева с улыбкой обернулась, за спиной, из кустов мальвы, уже торчала черная башка, поблескивая изумрудными бусинами глаз и беспрестанно «щупая» воздух рядом с собой длинным, раздвоенным языком.

– Здравствуй, Змей, – радостно начала она. – Я тут подумала...

– Знаю, – прошипел скользкий тип. – И согласен с тобой, кое-что можно было и поярче, покрупнее и покруглее.

При этом наглец уставился на ее грудь. Ева не поняла, но кивнула головой, вынула ногу из воды и, ткнув пальцем в свой ноготь, заявила:

– Как тот фрукт.

– Как яблоко, – подтвердил Змей. – Хороший цвет.

– Почему же Отец не сделал этого? – Ева надула пухлые губки.

Змей обернул свое тело вокруг нее, прикоснувшись к ногам девы холодной чешуей, она вздрогнула.

– Потому, что начал с Адама, – рептилия противно зашипела, и ее безобразный язык конвульсивно задергался, будто словил в благоухающем воздухе Рая какую-то гадость.

– Почему с него? – Ева, по-женски, не собиралась отпустить свою «жертву», набрасывая вопрос на вопрос. – Чем я хуже?

Змей довольно хмыкнул, все шло по его плану.

– С кого-то надо было начать.

Гибкое, сверкающее тело, скользнув между женских ног, обмакнулось хвостом в воду.

– Обычно начинают с простого.

– Значит, Адам проще, чем я? – в голосе Евы прозвучала непосредственная радость.

Искуситель попал в точку, дело не хитрое для профессионала, когда жертва сознанием – дитя.

– Ты ведь и сама об этом догадываешься, – прошипел он, гипнотизируя дочь Отца Небесного немигающим взглядом.

– А в чем наша разница? – продолжила «атаку» Ева, припустив веки и «повесив» на лицо загадочную полуулыбку.

Умей пресмыкающийся смеяться, захохотал бы от всей... нет, души это создание не имело, а посему захохотало бы от всей своей лукавой натуры.

– На нем семь печатей, – произнес Змий, как умеют говорить только рептилии, загадочно и, моргнув наконец своими бусинами, добавил: – А на тебе – восемь.

Несмотря на возраст, хотя как его определить, если свет над Садом не меркнет никогда, а собственное отражение в Живой Воде не меняется, сколько ни заглядывай, Ева была далеко не наивна. Она прекрасно понимала, что вертлявый «шнурок» вьется около нее неспроста, но причину разгадать (пока) не могла, оттого и терпела рядом несносную тварь.

– Интересно было бы узнать, из какого «теста» слеплен Адам? – как бы невзначай, пожевывая травинку, спросила она.

Искуситель только того и ждал.

– Давай расскажу. Чтобы создать обитателя Земли...

– Какой Земли? – Ева нетерпеливо дернула плечом и выплюнула травинку прямо на голову рептилии.

«Вот бабское племя», – чертыхнулся про себя Змий, но

вслух вполне миролюбиво прошипел:

– Мир, за пределами Сада.

– Адам никогда не покидал пределов Эдема, да и не собирается, – уверенно произнесла Ева, гордо вскинув подбородок. – Как и я.

«Посмотрим», – усмехнулся Змий про себя, но вновь не подал виду.

– Возможно, на всякий случай. Так вот, Отец Небесный, дабы Адам мог пребывать на Земле, повторюсь, на всякий случай, в условиях, отличных от Райских Кущ, взял в качестве исходного материала «прах земной».

– Что за дрянь? – поморщилась Ева и, наклонившись к воде, сполоснула ладони.

Змий подполз поближе.

– Те энергии, что остаются от живой сути после гибели, вернее от плотной оболочки. Они-то наилучшим образом защитят Искру Божью (то есть Его Самого) в непривычных условиях.

– Что значит «гибели»? – Ева нахмурила лоб, но, спохватившись, расправила кожу.

– Это понятно становится только там, на Земле, – загадочно прошипел скользкий спутник, подставив чешуйчатую спину ласковому свету, равномерно разлитому по Саду.

– И как из этого... праха, – Ева украдкой бросила быстрый взгляд на свои безупречно чистые ладони, – Отец делал Адама?

– Первое, самое легкое, воздушное, что уловили Его длани, было Забвение.

– Что означает это слово – забвение? – Ева широко распахнула голубые глаза.

– Забвение – отделение зерен (сути) от плевел (всего сопутствующего). Истина остается у Отца навсегда, путь же к Отцу (Истине) подвержен забвению. Оно (забвение) – необходимое условие существования ограниченного сознания в рамках (пределах) своей емкости, «шелуха» же хранится в «амбарах» глобального сознания. Первая печать, Печать Забвения, допускает совершение греха (ошибки) душой, как частицы Отца, безгрешного и безошибочного. – Змий обвился вокруг левой лодыжки и уютно свернулся пирамидкой колец.

– Я почти ничего не поняла, – удрученно пролепетала прекрасная слушательница. – И что же у Отца получилось?

Змий дотянулся мокрой башкой до женского колена.

– Он оформил оболочку Атмана, прямо на темя, Печать Забвения, – но, посмотрев на обескураженное лицо Евы, добавил: – Набросил на Искру свою мантию-невидимку про-светленности.

– Зачем? – Ева задавала вопросы машинально, не вдумываясь в смысл излагаемого пресмыкающимся собеседником.

– На обратной дороге в Рай, на Пути возвращения ее придется обнаружить, сделать видимой и скинуть, иначе Врата Сада не откроются. – Змий ослабил хватку и безвольной ве-

ревочкой свалился на землю.

«Если Отец прикрывает „Себя“, отчего и мне не обзавестись, как там Змий говорит, мантией, – подумалось Еве, – но только видимой». Вслух же она спросила:

– И зачем вообще что-то накидывать, если потом это что-то нужно будет снимать?

– Вопрос настоящей женщины, – приободрился Змий, снова вытянув в струну блестящее тело. – Здесь, в Саду, ничего не нужно, вообще, ты такой, какой есть на самом деле, но там, на Земле, потребуется одежда.

– Одежда? – в голосе Евы прозвучал по-настоящему неподдельный интерес. – Что это?

Змий ухмыльнулся, ситуация контролировалась им полностью.

– То, что скрывает и мысли (содержание), и... форму. Но мы отвлеклись. За первой печатью Отец наложил на Адама свою вторую – Печать Веры (или Печать Буддхи), являющую из себя позолоту, делающую Мантию-Невидимку зримой при сильной, истинной Вере в то, что ты есть, кто ты Есть.

– Как она выглядит, эта позолота? – Болтовня Змия начала занимать Еву все сильнее.

Рептилия кончиком хвоста начала быстро бить по воде, мелкие брызги засверкали в воздухе под лучами Божественного Света яркими вспышками.

– Приблизительно так.

Восторженная женщина подскочила к ручью и стала сама подбрасывать Живую Воду навстречу Свету, радуясь, как ребенок, водяным блесткам, летящим во все стороны.

– Мне нравится позолота.

Змий, недовольно проморгав свои «бусины» от брызг, скептически заметил:

– Ткань Веры неоднозначная: то прочна, словно кольчуга, то рвется ни от чего, будто соткана из паучьих нитей.

– Кольчуга – это тоже одежда? – Ева, вся мокрая, улеглась на траву рядом со Змием.

– Да, – прошипел тот. – Но не для тебя, она пригодится Адаму. Да, кстати, ведь мы говорили о нем.

Рептилия вытянулась вдоль женского тела.

– Отец не зря поставил Печать Веры на Печать Забвения. Есть Вера – есть Память, и справедливым будет обратное утверждение.

– Мне кажется или ты чего-то недоговариваешь? – Дева легонько поцокала пальцем меж желтых, немигающих бусин.

Змий чуть не поперхнулся собственным языком от такой бесцеремонности, но ставить на место взбалмошную собеседницу было рано, и он как ни в чем не бывало продолжил:

– Третья печать называется Печать Кармы. Вера возносит, безверие удерживает на месте. Атрибуты этой оболочки – крылья за спиной и оковы на ногах, ими наделил Адама Отец Небесный вслед за Мантией-Невидимкой с позолотой, дабы Его творение мог деяниями своими регулиро-

вать местоположение души относительно Неба и Земли (Рая и Ада).

– Как стрекоза, – радостно подхватила Ева, указав на изумрудно-сиреневое создание, неподвижно зависшее над ручьем.

Рептилия сухо щелкнула длинным языком, и беззаботное насекомое забарахталось в ручье.

– Весьма неустойчивое положение, впрочем, как и все остальные.

– Что «остальные»? – Ева тревожно следила за тем, как ее «подопечная» наконец-то взмыла в воздух (в ручье-то вода Живая).

– Остальные оболочки, – прошипел Змий, снова оборачиваясь вокруг ее ноги. – Следующей Отец ваш Небесный поставил на Адама Печать Мысли в виде ключа от оков и перьев на крылья. Все живое (но отжившее) дает прах (на этом уровне) Отцу для лепки в виде мыслеформ, точнее их «отпечатков». Из этой энергетической ткани Создатель и проявляет «ключ и перья». Скинуть оковы, отперев их или замкнув сильнее, как и опериться для высокого полета или, напротив, упасть, оголив крылья, все от помыслов.

Ева нахмурилась, сегодня речь ее «друга» изобиловала незнакомыми словами.

– Что есть помыслы?

– Я не смогу объяснить, – шипение перешло в свист. – Здесь их нет, ибо нет причин для их появления. В Саду име-

ется все, о чем можно только... помыслить.

– Они там, на Земле? – неожиданно печально произнесла женщина, с тревогой поглядывая в сияющую даль Эдема.

– Не волнуйся, – весело просвистел Змий. – Отец предусмотрел и это. Его Искру там прикроет пятая печать, Печать Эмоций.

– Эмоций? – встрепелась Ева.

– То, что опережает мысль, подвластно ей, что, в свою очередь, диктует поступки, а значит, и Карму. – Рептилия собой, как блестящим «браслетом», сковала лодыжку девы. – Эту энергию, насыщающую прах отжившего организма, Отец пустил на «шитье» двух карманов-хранилищ на Мантии-Невидимке Забвения, правый – для ключа от оков, левый – для перьев. Равновесие эмоций – вот смысл этой оболочки с ярко выраженной дуальностью; все разложено по местам, не стоит перекладывать, меняя карманы, или запихивать в один.

Змий, здесь и сейчас, являлся пока еще теоретиком, ибо только начинал свой опыт параллельно с подопечными, Адамом и Евой, полагая питаться энергией их отказа от Бога в дальнейшем, но в глубине своего альтернативного естества он прекрасно понимал, что необходимо атаке в лоб предпочесть обходные маневры, посему действовал через Еву, как наиболее активный аспект совокупного Человека, чутко улавливая при этом любое изменение в ее настроении. Он перестал касаться ее тела, почувствовав, что женщине неприятен контакт с пульсирующей холодной чешуей, и

вкрадчивость его шипения достигла апогея.

– Шестая печать на Адаме, Печать Энергии, выглядит как светящийся подклад между Мантией-Невидимкой и «стальными латами» физической оболочки. Свечение дает энергия мысли, слова и действия, совершенного за время существования (бытия) в плотных планах.

– Это, наверное, красиво, – приободрилась Ева, расслабившись после некоторого отдаления рептилии от ее нежной кожи.

– Подклад нужен для амортизации, – прошипел довольный Змий. – А светится он оттого, что, как правило, там, на Земле, энергии в избытке.

– Разве ее нет здесь, в Саду? – удивленно взметнула вверх длинные ресницы дева.

– Здесь абсолютная нейтральность, никакого избытка или недостатка ни в чем, – Змий усмехнулся. – Не нужен подклад, ибо нет и лат, все монохромно и монотонно.

– А как же те яркие плоды? – Ева снова указала на яблоки Познания Добра и зла.

– О них отдельно. – Змий ловко подвел собеседницу к нужной теме. – Но позже. Последняя печать, Печать Свершения, она же – физическая оболочка, выполнена по образу и подобию Отца.

– Но Отец выглядит как Сияние, – возразила женщина, разведя руки в стороны и очертив ими круг.

Змий тут же добавил в интонации елея:

– По образу и подобию, как если бы Отцу самому, лично, понадобилось бы «спуститься» в земные условия существования, тогда Он обрел бы именно такую форму. Ясно?

Ева кивнула головой.

– Адам, – продолжила хитрая бестия, – существо исключительно земное, это «зашиито» в его гены и его имя. Каждому месту свой Адам.

Пресмыкающееся заболтало головой, что, скорее всего, означало бурный смех.

– В самом начале разговора, – напомнила Ева, придержав рукой «колышущегося» Змия, – ты сказал, что я – другая и на мне имеется восьмая печать. Какая она?

Рыбка заглотила наживку, Змий приподнялся на хвосте к самому уху женщины.

– Ты – неземная, каждый Адам будет говорить это своей Еве. На тебе Печать Управления.

Дева раздраженно оттолкнула рептилию.

– Ничего подобного он не говорит.

Змий оценивающе посмотрел на деву.

– Адам слеп и не видит ничего, кроме собственных недоразвитых суждений о безликом Саде, могущественном Отце и говорящем «ребре», с непонятной целью подсунутым ему в пару.

Ева раскрыла рот, чтобы что-то спросить, но чешуйчатый обвинитель Отца Небесного плюхнулся в воду, и через секунду его мокрый хвост свисал с Древа Познания.

– Открой ему глаза, дай попробовать этот плод, – донеслось из листвы, и на изумрудную, восхитительно мягкую траву Эдема упало ярко-красное яблоко.

Пока существует дуальность

И хотелось бы начать с описания тех дивных, благословенных мест, где в жаркий июльский полдень под сенью виноградной лозы, а это была благоухающая барбера, королева игристых напитков, моя матушка благополучно разрешилась первенцем, вашим покорным слугой (прошу не удивляться выбору места, для крестьянки из семьи потомственных виноделов роды на плантации вполне обычное дело), но сама суть рассказа, перешагнув через четверть века (будто бы их и не было), приводит нас в раскаленные пески Палестины, среди которых, облаченный поверх кованой кольчуги в выцветший плащ крестоносца, нашел я едва различимый след Христа, а вместе с ним и свою погибель.

Стоять в первой шеренге рыцарского войска, с тревогой рассматривая черные лица сарацин под белыми тюрбанами на удалении всего в сто ярдов, великий почет и... верная смерть. По правую руку от меня такой же новобранец (вперед ставят тех, кого не жалко), сжал до побеления кисти свое копьё, небольшой вымпел, привязанный к нему, хлопает на ветру, и его громогласные «вздохи» слегка успокаивают своей монотонностью. Мне, в отличие от соседа, достался бастардный меч, коротковатый против сарацинской сабли, но зато щит, обитый медью дубовый исполин, надежно прикры-

вает большую часть груди и всю левую ногу, и на том спасибо.

Мы выстроились еще затемно, и вот теперь битых полдня ждем сигнала к атаке, скукотища. Солнце в Святой Земле палит беспощадно, что на руку нашему врагу, более привычному и приспособленному к тошнотворной сухости во рту и пьянящему пеклу в голове, однако наш шевалье не торопится, надеясь, как водится, решить дело торгом, а не сечей.

Правда, с час назад дважды огрызнулся наш рожок и пара сотен стрел обрушилась на головы проклятых неверных, но они, даром, что ли, черти, так ловко выставили свои круглые щиты, что вряд ли этот удар повлек за собой хоть какой-нибудь значительный урон. Зато из дальних рядов сарацинского воинства вылетели уже в гости к нам короткие черные копья (чем они пускали-то их) и первой шеренге новобранцев изрядно досталось. Те, кто по неопытности разинув рты провожали взглядами гудящую «тучу», выпущенную из-за их спин, получили в грудь смертельные жала, судя по упавшим, таковых набралось с две дюжины. Я, признаться, грешным делом также загляделся на стрелы, для новичка картина завораживающая, спас меня щит, гулко сообщивший о прибытии чужого снаряда. Вздвогнув от неожиданности, я слегка пригнулся, и в шлем ударило второе копьё, порвав кожаный ремешок и оглушив на мгновение. Теперь, оставшись без защиты головы, мои шансы выжить стремительно рухнули и бесследно исчезли в песке под ногами...

...Обладай я зрением, присущим обитателям иного мира, заметил бы присутствие рядом с собой двух странных существ. Одно, присевшее на верхнюю кромку моего щита, размером с небольшую летучую мышь, почему-то захотелось бы назвать Светлым Ангелом, другому, гордо оседлавшему острие меча, явно подходило имя Темного Ангела, а имея я уши соответствующей природы, так услышал бы и их треп, о коем могу поведать тебе, дорогой читатель, с известной долей выдумки и ничем не обоснованных предположений.

Темный, ухмыляясь:

– С первым копьём ты справился, отчего «проспал» второе?

Светлый, улыбаясь:

– Отрази я оба, зачем тогда ты?

Темный, недовольно поерзав на острие:

– Напекаешь на дуальность?

Светлый, улыбаясь уже во весь рот:

– Иначе рухнет этот мир.

Темный скривил губы.

– Станный вы народец, Воины Света. Состоите при Боге и одновременно при Человеке, как проводнике Его высших энергий. – Тут Темный облизнулся отвратительно длинным красным языком. – Ну и изливайте на подопечных любовь, а не древки с медными наконечниками.

Светлый поковырял в идеально ровных зубах отломанной от щита щепкой.

– Человек не получает Любовь Бога специально, индивидуальным квантом, потоком, направленным из «Центра» лично ему, из рук Абсолюта в свои потные ладони. Человек, как составляющая Мира Бога, просто пребывает в этом энергетическом «бульоне» под названием Любовь, Вселенная, Бог.

Темный недобро улыбнулся:

– Судя по лицам вон тех счастливых, – он махнул крылом в сторону павших воинов, – купание в бульоне Божественной Любви не доставляет большого удовольствия.

Светлый, слегка опечаленный, развел руками.

– Именно поэтому необходимо пропускать через себя любовь, ассимилируясь таким образом с Миром, в противном случае, замыкаясь в себе, Человек, как и любой элемент Вселенной, становится инородным телом, раковой клеткой, камнем в тончайше настроенном организме. Любящий живет вечно, ненавидящий отторгается вечностью, становясь смертным.

Темный смачно цокнул языком.

– А ведь могли бы иметь семьи, растить детей, печь хлеба и плевать им на дуальность, в которой, следуя чьему-то Плану, можно истекать кровью в юном возрасте.

Светлый скрестил руки на груди.

– Срок существования души в земной оболочке определяется не физиологическими ее особенностями (они, кстати, безграничны), а сознанием, степенью допущения любви

к ближнему, то есть открытостью своего Грааля.

...Коротко взвизгнул рожок, «отбой» пронеслось по рядам, и я утомленной рукой воткнул в песок неизмеримо отяжелевший меч.

Темный, взмахнув крылами, завис в воздухе и подождал, пока подопечный пристроит свое оружие, после чего уселся на яблоко рукояти.

– Я, грешным (и таким знакомым) делом, думал, что Грааль – это атрибут Христа, во имя коего мы все здесь собрались.

Кривая усмешка озарила мрачный лик Темного Ангела, и он с победоносным видом бросил красноречивый взгляд в сторону павших.

Светлый ничуть не смутился.

– Человек тоже сын Божий, подобие и образ Его, посему Грааль имеется и у него, только Грааль в руках Христа без дна, он пуст и наполнен одновременно, в нем не задерживается то, что заполняет сей сосуд, ток любви не прерывается, он бесконечен. Грааль человека, не достигшего Христо-сознания, закрыт крышкой самости, которую легко открывает ваша епархия. – Светлый улыбнулся Темному. – Антимир управляет самостью и способен без труда заглядывать в человеческий Грааль, забирая оттуда любовь и наполняя обратно гордыней (выгонишь одного демона, а на его место войдут еще сорок).

Темный недоверчиво покачал рогатой башкой.

– На что же надобен сосуд, если он без дна, и на что походит?

Светлый, удивительно терпеливый персонаж, ответил назидательно:

– На столп света, подобно тому, что «стоял» перед Савлом на его пути в Дамаск, на тот блистающий канал, по которому поднялся на Небо воскресший Иисус. Грааль – это сознание души, совмещающей Рай и Ад, Творца и Его антипода, это всепрощение через любовь, принятие крайних точек как части Единого, слияние Верха и Низа, то есть абсолютное понимание значения слов «Наверху, как и внизу».

Темный спрыгнул на гарду и, раздраженно расхаживая по ней, проворчал:

– «Грааль» моего Хозяина полон чудеснейшего яда, раздавай любому, стыдно за результат не будет, а к чему призывает Бог?

Светлый, развалившись на кромке щита, блаженно прикрыл глаза.

– Возлюбить ближнего, как самого себя, а именно передать Любовь Бога в неискаженном виде, как получил от Него, так и отдал сам. Любовь к ближнему – необходимое условие существования неразвитого сознания, получающего слишком большое количество энергии (любви) от Всевышнего и не способного «переработать» ее. По сути, задача этой энергии в горизонтальном направлении, то есть окружающим, является разгрузкой от накопления энергией.

В противном случае нерасходованная энергия, накопленная душой, забирается альтернативными силами. То, что отбирает ваш Хозяин, нужно компенсировать по закону сохранения энергий Вселенной, и вы, слуги его, возвращаете душе то, что имеете сами, – ненависть, духовный шлак.

Светлый улыбнулся примирительно:

– Не любовь к ближнему порождает войны.

Темный, немного успокоившись, прислонился к рукояти.

– Стало быть, все собравшиеся тут пришли признаться в нелюбви друг к другу.

Светлый согласно кивнул:

– Ага, скорее расписаться в этом своем качестве, по этой самой причине все они смертны.

Он поднялся над щитом и «распустился» сияющим цветком.

– Почему Бог бесконечен? Потому, что Он есть везде. Почему Человек конечен телом? Потому, что он не Бог сознанием, но приняв (осознав) себя Богом, человек становится вечным.

...Трижды прохрипел рожок, войско охнуло, лязгнуло железом и выдохнуло. Я вытащил из песка меч и положил на плечо... Еще три коротких сигнала сотрясли горячий воздух ристалища, и шеренга медленно двинулась на врага. «Господи, – пронеслось в голове, – яви мне чудо, дай пережить сегодняшний день».

Темный, с нескрываемым удовольствием взирая на сбли-

жение вооруженных людей, язвительно заметил:

– Подопечный желает сеанса магии.

Светлый, раскачиваясь на щите в такт шагам молодого рыцаря, безучастно констатировал:

– Всякая магия физического мира всего лишь процедура осознания магом самого себя, но в мире тонком.

– Скажешь ему об этом? – усмехнулся Темный. – А то он, похоже, и впрямь надеется состариться.

Светлый пропустил мимо ушей сарказм Темного.

– Старение клетки – насаждение ей «приказа» стареть. Не говорите младенцу о его кончине в течение века, лучше научите любить окружающих, и жить ему в этом случае и век, и два.

...Мой визави из орущей толпы неверных, думаю, вряд ли был много старше меня, испуганный взгляд блестящих черных глаз под тюрбаном выдавал его страх, а неловкие движения – неопытность. Мне повезло, за несколько шагов до «встречи» сарацин споткнулся и просто рухнул на выставленный вперед меч.

– Добро пожаловать в мир дуальности, – холодно произнес Темный Ангел, с наслаждением вдыхая испарения горячей крови с острия.

Светлый поморщился:

– Прежде чем подвести к Черте, Бог дает посмотреть на нее удаленно.

– Слабоватое утешение для его матери. – Темный бук-

важно облизывался, долгожданное пиршество началось.

...Я непроизвольно выдернул меч из обмякшего тела, и бедняга, простонав напоследок, свалился к моим ногам, аккуратно рядышком с соседом по шеренге, копьё которого, сло-манное пополам, торчало из его горла.

– Не спи, – заорал Темный, и щит, на коем восседал его светлый антипод, резко поднялся вверх, защитив подопечного от разящего удара кривой сарацинской сабли, меч же, с прилипшим к нему Темным наездником, не глядя скользнул вперед и, о удача, снова нашел свою жертву.

– Вот это настоящая работа, – удовлетворенно констати-ровал Темный. – Еще один.

Светлый, казалось, воспарил над полем боя, сохраняя при этом непревзойденное спокойствие, близкое к полному уми-ротворению.

– Чужая болезнь, безумие или смерть есть Дар ближне-го тебе, человек, проявление его любви в твою сторону. Так воздай же и ему, встретившемуся на твоём пути, должное ответным чувством.

– Предлагаешь подопечному расцеловать остывающее те-ло врага в губы? – загоготал Темный, изрядно опьяненный количеством потребленной энергии страдания.

– Вовсе нет, – безмятежно улыбнулся шутке напарника Светлый, прикрыв голову молодого рыцаря от стрелы, из-вергнутой небом. – Но тот, кто неприятен, ставит зеркало, кем мог бы быть ты, если бы не милость Божья здесь и сей-

час. Чужой недостаток не перечеркивает твои достоинства, о человек, но высвечивает любовь Бога к тебе, уберегающую душу своего дитя.

Темного уже покачивало от переедания.

– Так значит, наш подопечный жив за счет смертей этих двоих?

– Как и весь Мир за счет жертвы Иисуса. – Светлый расправил крылья, ослепив копьеносца, метнувшего свой смертоносный груз в подопечного, окончательно растерявшегося в суматохе сражения. Древко просвистело мимо уха и пробило латы лучника из второй шеренги.

– Не Иуде ли, в таком случае, обязан своим величием Иисус? – подмигнул Светлому Темный, на что тот согласно кивнул головой.

– В точку. Именно Иуда показал Христу, каким он стал бы, если бы предал Отца Небесного. Сам Иисус, как Сын Божий, не мог совершить акт предательства и через Иуду «получил» нужный опыт.

– Сложно как-то у вас, светлоликих, – проворчал Темный, рассекая воздух мечом, отбить выпад сарацина слева. – Враг вроде бы и не враг, чертовщина, да и только.

...Я начал уставать, пара случайно поверженных противников лишила меня сил, меч, как и щит, двигались практически без моего участия, хотя и достаточно эффективно, но наседавший слева сарацин оказался опытным воином и, видимо, закусив на меня, не желал переключаться на других

освободителей Гроба Господня. Его короткие, резкие выпады участились, а удары крепки, я только защищался, и исход этой схватки был ясен нам обоим...

– Подопечному, похоже, конец. – Темный недовольно поморщился, разглядывая на вражеской сабле своего напыщенного коллегу, улыбающегося во всю свою черномазую физиономию.

Светлый, напротив, вел себя спокойно.

– Иуда «уравновешивал» Христа, он обеспечивал Его пребывание/существование как Чистой Любви на земле, не приспособленной на тот момент для полного торжества Света.

– Значит ли это, что подопечный не удостоился своего Иуды? – Темный хлопнул ладонью о ладонь двойнику на сарацинском оружии, и оба меча высекли искры.

Вместо ответа Светлый произнес, вопреки имеющей место трагической мизансцены, задумчиво и неторопливо:

– «Перекаченный» любовью мир становится... адом. Любовь приторможенная, запрессованная, нерозданная трансформируется в энергии антимира. Энергия любви без движения гниет. Невозлюбивший ближнего не возлюблен им в ответ.

После этих слов Светлый опустил щит и кривая сабля неверного рассекла мое горло. С победоносным воплем сарацин перешагнул безжизненное тело и тут же нарвался на выставленное копьё...

А я, неожиданно воспарив над лежащей в неестественной

позе оболочкой, обряженной в кольчугу и накидку с крестом, с застывшим изумлением во взоре, присоединился к парочке «летучих мышей», без умолку трещащих на протяжении этой невероятно короткой (для меня) бойни в поисках Иисуса Христа.

– Недолог век борца за справедливость, – вместо приветствия прохихикал Темный.

– Не пугайся, дорогая душа, – успокоил меня Светлый. – Ты снова дома.

– Как и не уходил, – язвительно хмыкнул Темный. – Здесь-то уж сможешь раскрыться сам. – И красноречиво посмотрел на Светлого, имея в виду опущенный им не вовремя щит.

– Душа раскрывается в общении (энергообмене) с другими душами, здесь, в уединении, твой единственный собеседник – Бог. – Светлый улыбался, но как-то скованно, почти печально.

– В уединении? – воскликнул я. – А как же вы?

– Мы доведем до Врат Небесного Иерусалима и покинем тебя. – Темный развел когтистыми лапами.

– Но почему? – Я переводил взгляд с одного на другого, пытаюсь сказать им: «Не бросайте меня, мне страшно».

– Там заканчивается дуальность. – Светлый укрыл меня белыми крылами, отчего сразу стало тепло и спокойно. – Иисус вне ее.

– Достоин ли я лицезреть Христа? – с тревогой в голосе обратился я к Светлому.

Мягкие, светящиеся крылья сомкнулись надо мной еще сильнее.

– И да и нет. Но если Врата раскроются пред тобой и войдешь в Храм Его, все равно грехи твои не позволят заговорить с Иисусом, сможешь только молчать в присутствии Его.

– Коли случится мне стать гостем Христа, что принести в дар Ему? – Мое беспокойство грозило перерасти в панику.

– Не забудь подвязать подарок голубой ленточкой, – заржал Темный, громко хлопая себя по бокам черными крыльями из железных чешуек вместо перьев.

– Не забывай, – Светлый ласково улыбнулся. – Через дары материальные познается самость, через дары любви – сама душа. Этого знания тебе будет достаточно для подарка Христу. Мы пришли.

Белые крыла распахнулись, и передо мной воссияли Врата Небесного Иерусалима, напоминавшие отражение солнца в чистой воде, если смотреть в нее непрерывно.

– Что мне делать? – спросил я обреченно, необъяснимый страх проникал в сознание с каждым мгновением в этом родном, по заверениям моих спутников, но незнакомом, по моим личным ощущениям, месте.

– Ждать, – коротко ответил Темный.

– И верить, – добавил Светлый.

После чего он протянул свой «щит» антиподу со словами:

– Для защиты от внешнего врага, – но сам «спрятался» за ним, провозгласив: – Скрываюсь от порабощения Самостью.

Темный же выставил свой «меч» вперед и сказал:

– Рассекай мир, отгораживая от его нападок душу, и им же защищаюсь от нее, дабы не смогла она приблизиться и обнять меня.

– И будет так, – прокричали они вместе. – Пока существует дуальность.

Свет за спиной раздвоился, Врата раскрылись, я кивнул Ангелам и вошел внутрь.

Знакомьтесь, Иисус, или Трудно быть Человеком

Мир абсолютной Гармонии, когда Слово твое рождает хор созвучных ему, когда мысль невысказанная отражается от подобных ей тут же, когда движение, едва различимое, порождает сонаправленную волну в каждой точке окружающего пространства и ты «внутри» него, – вот нахождение души подле Всевышнего, у Трона Его, под сенью Славы Его, и не существует ничего другого, чтобы именовалось бы полным счастьем духа. Пребывание же в таком состоянии и виде кажется бесконечным блаженством, выстраданным и заслуженным, но вот среди всеобщего безмятежья и спокойствия возникает мерцание, нарушающее равномерное свечение, тусклое, еле приметное пятнышко вдруг омрачает безбрежное море чистоты и белизны, такое тревожное и диссоциирующее, нет, пока еще не произнесенное Слово, но уже волновое движение, несущее в себе возбуждающий первую букву звук.

Ты, окутанный теплотой и заботой Отца, недоуменно обращаешь внимательный взор в ту область Высшего Небосклона, откуда потянулась тончайшая серебряная нить чего-то несоответствующего общей умиротворяющей картине

Вселенского бытия, и, с удивлением прослеживая ее траекторию, определяешь конечную точку ее воссоединения, ко-ей является твоя «персона».

Контракт Сына Божьего ни много ни мало являет собой квантовую вибрацию Воли Всевышнего, наложенную на Решение Кармического Совета. Ты ставишь «подпись» под Контрактом, и эта триада запускает процедуру Погружения в плотную материю.

Всяк (а это большинство земных душ), переживший Потоп, помнит – пытаешься всплыть, подняться наверх, вернуться к свету и воздуху, но тяжесть на плечах и во всем теле нарастает неумолимо, вопреки надеждам и желаниям, увы, ты гарантированно опускаешься на дно. Вот приближительная картина ощущений духа с Контрактом Сына Божьего, начавшего свое нисхождение...

В густой тени арочного свода ворот, что открывают проход в город с восточной стороны, у самой стены, по правую руку для тех, кто пешим или конным покидает славный Иерусалим, и слева для тех, кто имеет счастье вдохнуть ароматы Вечного Города, въезжая в него, удобно устроился игрок в кости, бодро зазывая прохожих испытать судьбу и, весьма вероятно, сразу же, на этом самом месте, неожиданно разбогатеть за его счет.

Он частил скороговорками, успевая подмигивать хорошеньким крестьянкам и раскланиваться со стражниками, грозно поглядывавшими в его сторону, когда зазывала че-

ресчур повышал голос или, того хуже, цеплял добрых горожан за одежды. Местные, прекрасно осведомленные о приемах и методах уличного шулера, проходили мимо со скучающим видом, одергивая зазевавшихся отпрысков и стараясь не смотреть в сторону бойкого крикуна; не приведи Господи, еще и поздоровается, кому из почтенных иудеев нужно такое знакомство.

Людской поток не иссякал целый день, и игрок, в отсутствие жертвы, не унывал, глядя на его мирное, размеренное течение – нет-нет да и найдется рыбка, сунувшаяся в его сети, а он уж своего шанса не упустит.

Так случилось и в этот день. Жонглируя для разнообразия костями, игрок сделал неловкое движение, и одна, вылетев из рук, бухнулась на мостовую, несколько раз подпрыгнула, как это бывает с плоской галькой, пущенной умелой рукой по морской глади, и исчезла между ног прохожих. «Тьфу», – чертыхнулся незадачливый циркач (запасные кости остались дома) и треснул себя по лбу, да так сильно, что в глазах на миг потемнело, а когда его вечно бегающие, прищуренные очи вернули себе способность лицезреть этот мир, главным персонажем в нем оказался высокий худощавый человек в светлых одеждах. Он молча протягивал игроку «сбежавшую» кость и улыбался.

«Простофиля, – подумал шулер, – видно по глазам, чудака и простофиля». И, не собираясь никоим образом выразить свою благодарность, напористо заявил:

– Сыграем? Если выиграешь, я плачу два таланта.

Незнакомец положил кость перед зазывалой:

– Сыграем по моим правилам.

– Это как? – опешил игрок, не ожидавший такого оборота.

– Выигрываю я, – человек в белых одеждах присел на корточки, – рассказываю тебе притчу и не прошу денег, ни единой лепты.

– А если выигрываю я? – еще более удивляясь, пробормотал игрок.

– Ты не выиграешь, – уверенно ответил белый незнакомец.

– Ну а если? – не унимался зазывала, совершенно сбитый с толку этим странным партнером. – Что получу я?

Незнакомец задумался, он долго и пристально всматривался в глаза игроку и наконец, подняв указательный палец вверх, произнес:

– Царствие Небесное, Дисмас.

Зазывала вскинул брови.

– Знаешь меня? Я так вижу тебя впервые и не возьму в толк, о каком Царствии ты говоришь, впрочем, давай начнем, и да, коли назвал мое имя, может, не станешь скрывать и своего.

– Иисус, – коротко ответил незнакомец. – Начинай.

Безразличные к забавам пройдохи Дисмаса, жители Иерусалима тем не менее всегда с удовольствием задерживались посмотреть, как этот прохвост в который раз обведет вокруг

пальца беспечно попавшегося на его уловки очередного бедолагу.

Возле игроков начала собираться толпа любопытных. Напротив, у другого основания арки, расположился после длительного путешествия почтенный старец в компании юноши, по возрасту более подходившего на роль внука, нежели сына, что, однако, не помешало молодому человеку довольно неучтиво обратиться к старшему:

– Пойдем отсюда, не выношу обмана.

– Останемся, сынок, – миролюбиво произнес в ответ старик. – Иной раз хитрость пасует перед открытостью, а кривой замысел выправляется словом Истины.

Юноша вздохнул и покорно присел рядом с отцом, а Дисмас тем временем, с хитрым выражением черномазой физиономии, бросил кости в кожаную чашку и начал с невероятным остервенением трясти ее, высунув от усердия язык и сопя, как груженный мул, поднявшийся на Масленичную гору в полдень.

Пара костяшек, что бултыхались в чашке, была сделана таким образом, что, как ни брось, всегда выпадало число одиннадцать. Можно было заказать кубики и на дюжину, но столь постоянное «везение» вызывало бы у противоположной стороны справедливое подозрение, которой, в свою очередь, после несложных манипуляций пальцами доставались обыкновенные кости, что, по понятным причинам, резко снижало шансы на выигрыш.

Сегодня все произошло как и обычно. Резко остановив встряску, Дисмас убрал ладонь сверху чашки и перевернул ее, на земле оказались костяшки с числами пять и шесть.

– Вот повезло, – довольно улыбаясь, пролепетал дежурную фразу игрок.

Его противник, назвавшийся Иисусом, спокойно протянул руку за чашкой. Дисмас незаметно положил в нее подменные кости, Иисус встряхнул один раз и не глядя перевернул чашку, выпало число двенадцать.

– Вот повезло, – эхом повторил он фразу соперника и, улыбнувшись, напомнил: – Первая притча. Два крестьянина собрали урожай пшеницы с общего надела и поделили его пополам, получилось на каждого по большому мешку зерна. Поле, принесшее им столь щедрый дар, находилось в плодородной долине, у подножия высокого холма. На полпути к вершине, прямо возле быстрого ручья, мельник построил свою мельницу. «Пойдем, отнесем мельнику зерно», – сказал первый крестьянин. «Нет, – ответил второй. – Я и так утомился, собирая урожай, тащить тяжелую ношу в гору не хочу, пусть мельник сам спустится за зерном». «Но в таком случае половину он оставит себе, – возразил первый крестьянин. – Я отнесу зерно мельнику, а затем подниму на самую вершину муку и отдам ее пекарю, он испечет мне прекрасные, душистые хлебы». Второй на это засмеялся: «А останутся силы жевать их? Пусть пекарь спустится к мельнику за моей мукой и отнесет ее в пекарню сам». «Тогда ты не полу-

чишь ничего, – ответил первый крестьянин, – пекарь заберет остатки муки себе, все труды твои здесь, на поле, впустую». И, взвалив мешок на спину, начал подниматься на холм.

...Дисмас пожал плечами:

– Что сказать, дурак, надо было слушать товарища. Ну что, играем дальше?

На другой стороне арки притча, рассказанная Иисусом, вызвала большой интерес.

– Отец. – Юноша нетерпеливо дернул старика за рукав. – Ты понял ее? Можешь растолковать мне?

Пожилой мужчина погладил сына по голове.

– Иисус, коего зришь ты сейчас, есть Сын Божий, а не человекий.

– Но я не вижу отличий... – начал молодой человек.

– От сына человеческого? – подхватил старец. – Его отличие в том, что он, как дух, принял на себя оболочку, как и у нас, но не лишился памяти, не «скинул» крыл, войдя в мир бескрылых.

– Ты говоришь загадками, отец, – недоверчиво улыбнулся юноша, а старик, словно не слыша, продолжил:

– Сколь недостижимо для человека хождение по водам, столь же отягощено ступание по земле для Бога в человеческом облиции, тяжелый, железный башмак каторжанина покажется крылатой таларией Гермеса. Имею в виду не физические ощущения и усилия, но впечатления эмоциональные, напряжения Тела Ребенка, удваивающие страдания духа, за-

пертого, но без ключа, со Свободой Выбора покинуть острог, при этом не имея на то морального (в нарушение Контракта) права.

«Не перегрелся ли отец на солнце?» – пронеслось в голове у юноши, вслух же он сказал:

– Но при чем тут нежелание одного уставшего от трудов человека тащить великую ношу в гору, даже ценой полной потери ее?

Старец, прислонившись спиной к прохладному камню арки, с полуприкрытыми веками, твердил про себя, будто повторял за кем-то:

– Почему так, спрашиваешь меня. Контракт Сына Человеческого – ось равновесия «душа – Творец», его нарушение имеет последствия для души (отдельно взятой). Контракт Сына Божьего – ось равновесия «Творец – Мир», отклонение от этого договора влияет на сам мир (отдельно взятый), то есть множество душ, участвующих в нем. Возвращение к жизни всего одного почившего повлечет слепоту тысяч и тысяч (речь не о физическом недуге, но сознании), исцеление единственного калеки ломает жизни (судьбы) сотням поколений.

Молодой человек, уже не на шутку встревоженный состоянием отца, отстегнул от пояса флягу с водой и почти насильно смочил губы старика. Тот, с удовольствием почмокав, казалось, успокоился, но снова, в своем неопределенном трансе, забормотал:

– Доведись тебе в праздный день оказаться в центре карнавала без маски, ты, сын человека, в полной мере ощутил бы свою наготу и незащищенность среди сокрытых ликов. Так чувствует себя Сын Божий, Иисус, здесь.

Молодой человек, готовый расплакаться, ударил отца ладонью по щеке, что не возымело ни малейшего эффекта.

– Боль физическая от унижений, издевательств и самого распятия на Земле не сравнится с «болью» духа, опускающегося на плотные планы, не сбрасывая с себя крыл, не укрываясь беспамятством, не обвенчавшись на этот срок с Эго, – не останавливаясь ни на миг, бормотал он.

Юноша в ужасе схватил старика за грудки и начал трясти, отчего его седая голова, стукнувшись о стену, вернула, по всей видимости, сознание мужчины в существующую реальность.

– Как игра? – неожиданно спросил он.

– Чашка в руках Дисмаса, – коротко ответил молодой человек и, предполагая, что пожалеет об этом, все же спросил: – Так почему один остался, а второй, через силу, но понес свой мешок?

Старец весело подмигнул сыну.

– Если доподлинно известно, что после оставления оболочки душа поднимается из тьмы к свету, то справедливо предположить и обратное. При оставлении Отца Небесного, его восхитительного жилища, душа спускается от Света во Тьму. Какой ужас она испытывает? Волей Всевышнего

этот отрезок пути воплощаемой души «исключен» для тех, кто идет на Землю по Контрактам Сынов Человеческих, но душа, спускающаяся по Контракту Сына Божьего, проходит эту дорогу полностью в сознании.

– Ну и что с того? – не понял молодой человек.

– Контракт Сына Божьего запрещает быть Богом на Земле в человеческом теле, то есть проявлять трансформации физического плана, но предписывает явить Человека в Божеский вид, а именно изменить сознание до уровня Христосознания. – Старик выпрямился у стены и принял торжественный вид. – Слово, но не деяние, смирение, а не сопротивление, прощение и не осуждение.

Юноша, пораженный и не понимающий ровным счетом ничего, молчал, отец же, взглянув на сына отрешенно, произнес:

– Раз ты в теле Человека, ты – Человек, таков План, терпи и расскажешь мне, каково это, быть Человеком. Вот напутственное слово Бога Иисусу.

Молодой человек раскрыл было рот что-то сказать или возразить, но в этот миг толпа возле игроков взвыла, у Дисмаса (вот ведь везение) снова выпало одиннадцать. Правда, спустя некоторое время, когда Иисус перевернул свою чашку и вывалил на мостовую две шестерки, собравшихся обуяло гробовое молчание, среди которого смело прозвучал голос удивительного человека:

– Вот тебе, Дисмас, вторая притча.

Юноша впился в плечо отца и даже привстал с камня, всей своей плотью превращаясь в слух.

Иисус заговорил:

– Хозяин послал служку к своему кредитору с нужной суммой денег, вернуть долг, в условленный день и час, как того предписывали заверенные обеими сторонами бумаги. По дороге служка встретил умирающего от голода нищего и, не в силах просто пройти мимо, отдал бедняге одну монетку, во спасение его жизни. Кредитор, не досчитавшись полной суммы, разгневался на должника, но посыльный объяснил пропажу своим проступком, добавив: «Ведь это была всего одна монета из тысячи». Кредитор, несколько не смягчившись, объявил служке, что хотел наградить его за труды одной монетой, но теперь, когда долг возвращен не полностью, его ждет наказание хозяина, коему он, кредитор, обязан сообщить о случившемся. «Ты не мог распорядиться этими деньгами, они не твои», – подвел итог кредитор. «Но я не мог и отвернуться», – ответил посыльный и, забрав у кредитора записку для хозяина, смиренно отправился домой.

Когда Иисус закончил, молодой человек восхищенно прошептал:

– Что скажете на это, отец?

Старик неторопливо покачал головой, словно стряхивал с редких, убеленных сединой волос пелену, мешавшую ему что-то припомнить или уловить, затем прикрыл веки и монотонно затараторил:

– Все чудеса, с точки зрения человека, совершенные Иисусом, были нарушением его Контракта и, сделанные ради людей, принесли отягощение кармы Мессии. Иногда чистой душе сложно удержать чистое Сознание. Но могли поступить иначе вынужденный быть человеком Бог? Возможна ли большая «пытка» для Бога – пройти мимо чужого страдания, имея все возможности облегчить или избавить от них? Иисус «осудил» себя сам, оттого и взошел смиренно на Голгофу тем путем, что сотворил для себя сам, предвидя и не отказываясь, осознанно и ответственно. Он страданием «искупил» все «ошибки», но Человечи, в массе своей, не приняли этого «искупления».

– Но отец, – юноша развел руками в поисках хоть какой-нибудь «опоры» для своего сознания, – человек, о котором ты говоришь как о мертвце, сидит напротив нас и играет в кости.

Новый восторженный вопль собравшихся оповестил об очередной удаче Дисмаса, традиционно в одиннадцать очков.

– Отец, – встрепенулся, застыв с открытым ртом, юноша, – неужели Иисус снова выиграет?

– Все его двенадцать всегда при нем, – выдал непонятную формулу старец, и его слова тут же подтвердил массовый вздох удивления, на мостовой в третий раз подряд лежали две шестерки.

– Третья притча для тебя, Дисмас, – произнес Мессия, по-

чему-то обернувшись назад и найдя взглядом юношу. Молодой человек вздрогнул.

– Голодный путник, – начал Иисус, – встретил на пути одинокое дерево с незнакомыми плодами. Не ведая их вкуса, только чувство голода, он надкусил одно и едва не скончался от отравления, но, хвала Господу, выздоровел и написал на стволе дерева предупреждение о ядовитости плодов. Через некоторое время, возвращаясь обратно этой же дорогой, он снова подошел к тому же дереву. Все пространство вокруг было усеяно могилами тех, кто не поверил предупреждению и сорвал плод. Путник обследовал ствол и не нашел на нем ни одной надписи, кроме своей. Теперь он не был голоден, но заново отведал ядовитое семя дерева, прекрасно осознавая все последствия. После того как он опять едва не умер, путник сделал на стволе дерева еще одну надпись, она гласила: «Плоды дерева сего безопасны, ибо здесь некому притронуться к ним». После чего покинул эти безлюдные места, дабы более не возвращаться сюда.

– Отец, ты видел? – прошептал юноша, как только голос Иисуса оборвался. – Он смотрел прямо на меня.

Старец усмехнулся:

– Сынок, он смотрел сейчас на каждого. Не знаю, как отозвалась его притча в твоём сердце, но я расшифровал ее так: второе пришествие – это воля Всевышнего, уловившего критическое количество Света во Тьме, очищение плотных планов собственным присутствием, подобно матери, вниматель-

но следящей за игрой своего чада и не вмешивающейся до того момента, когда оно, неразумное, готово прыгнуть в пылающий очаг. Второе пришествие Христа есть спасение душ, воплощенных от растворения во тьме.

– А первый укушенный плод? – растерянно пробормотал юноша.

Старик обратил взор к небу (сводчатому потолку ворот).

– Наказ Сыну своему был таков: нигде не притворяться Человеком, будучи по сути Богом, но становиться Человеком, «убирая» из себя Бога. Таким образом Отец Небесный с помощью Сына совершил схождение в «плоть Адама», прямое погружение света незащищенного (тонкой материи) во «тьму» (плотный план, темный по причине низких вибраций своей материи).

Иисус поднялся и стал пробираться сквозь толпу в Иерусалим.

– Как ты это делаешь? – крикнул ему вслед Дисмас, имея в виду «фокус» с костями.

– Я смиренно несу в гору то, что посеял, – обернулся Мессия.

– Свою бессмертную душу на Голгофу для «распятия», – прошептал на ухо сыну старик.

– Не задумываясь раздаю на пути то, что не принадлежит мне, – продолжил Иисус.

– Силу Отца Небесного, меняющую карму, – еле слышно прокомментировал старец.

– И обязательно вернусь, – чуть печально прозвучали последние слова человека, в народе величаемого Царем Иудеев. – Сыграть с тобой, Дисмас, в кости.

– Ты все слышал сам, сынок. – Старик, кряхтя, поднялся на ноги. – Пойдем и мы своей дорогой, как видишь, не так-то и легко быть человеком, даже Богу.

Шутовской колпак

Кто сотрясается от смеха на балу
Над шутками кривляки-дурака,
На собственном не замечает лбу
Следов от шутовского колпака.

Короли, по большей части своей, когда избавлены от необходимости воительствовать соседские земли, к слову сказать, пустынные и болотистые, высиживать на опостылевших пирах в окружении дворцовых недоумков или принимать согбенных послов, прячущих в своих черных плащах грамоты, а не менее черных сердцах проклятия, скучают, и притом весьма тяжело. Однообразие королевской жизни, протекающей в бесконечной роскоши, приправленной вседозволенностью и полагающейся высочайшим особам ленью, призваны сглаживать шуты, коих, в нашем конкретном случае, имелось числом двенадцать.

Ого, решите вы, да этакое представительство насмешников способно...

Да ни на что оно не способно, прерву я благородного читателя, ибо наш Король занимал седалище золоченого трона не первое десятилетие, а каждодневные шуточки, хоть и не единственного фигляра, повторялись уже не однократно —

фантазия человека ограничена размерами Вселенной и степенью его сознания, тем паче что у шута оно придавлено колпаком.

За узкой бойницей, обтянутой мутным рыбьим пузырем, стояла серая дождевая пелена, крупные капли, собираясь в открытой пасти горгулью, с умопомрачительной точностью соблюдая интервалы отрыва, звонко барабанили по жестяному шлему стражника, стоящего прямо под окном, не давая Королю спокойно погрузиться в умиротворяющую дрему.

«Идиот, – подумал Король, – сделай шаг в сторону и все прекратится». Но тут же спохватился: указ, им же подписанный, строго-настрого запрещал любые шевеления на посту и карал нарушение смертной казнью через четвертование. «Жизнь сурова», – согласился он сам с собой, и капель по жестяной солдатской макушке стала слышаться как-то более приглушенной. «Позвать, что ли, шутов – пусть покривляются. – Король поморщился. – И так кругом одно притворство, еще и эти. Надо бы незаметно подменить их деревянные мечи настоящими и устроить шутовской бой, вот смеху-то будет, когда кто-нибудь лишится бубенцов на колпаке, а то, если повезет, и целого уха». Он уже было решил махнуть стражнику у дверей, но вмиг передумал: «Все, что говорится здесь, в тронном зале, неинтересно, а вот любопытно было бы послушать, что говорят мои шуты меж собой».

– Стража, – крикнул Король в сторону дверей.

– Да, ваше величество, – звякнул шпорами сержант.

– Где сейчас мои шуты? – Король щелкнул золотыми перстнями на пальцах.

– На кухне, мой Король, трапезничают, – быстро отрапортовал стражник.

Его величество махнул рукой и откинулся на троне, солдат сделал шаг назад и замер у дверей.

Замок строил дед Короля, известный в свое время интриган и прохвост, весьма высоко ценивший информацию, полученную путем скрытного подслушивания, а посему спроектировавший внутренние помещения дворца необходимым для этого весьма нужного и тонкого дела образом. Его детище изобиловало тайными комнатами, скрытыми проходами, фальшивыми стенами с незаметными дверцами, сокращающими иной раз королевский маршрут из зала в покои настолько, что вышедший несколькими минутами ранее какой-нибудь советник заставлял повелителя уже в постели, проходя меж этими комнатами обычным путем.

Окажись, к примеру, но не дай бог, конечно же, вооруженные до зубов заговорщики возле дверей тронного зала, Королю достаточно повернуть едва заметный рычажок в виде золотой рыбки на правом подлокотнике, и через четверть часа, не более, он, никем не замеченный, одетый в обычные одежды крестьянина, окажется за крепостным рвом, явив себя изумленным обитателям дубовой рощи из-под старого трухлявого пня, бодро отвалившегося в сторону под воздействием скрытой пружины. Прикинув мысленно количество

поворотов и ступеней на пути к трапезной, Король кивнул стражникам: «Свободны» и после того, как те с благородным грохотом затворили за собой створки дверей, коснулся маленькой рыбки.

В тот самый момент, когда над круглым каменным столом трапезной, в самом центре сводчатого потолка, один из лепестков гипсовой лилии бесшумно съехал в сторону и образовавшееся отверстие заняло моргающее королевское око, шутовская братия уже пребывала в изрядном подпитии. Куски хлеба, обсосанные кости куропаток и огрызки яблок валялись под ногами, столешница была заставлена полупустыми кубками с кислым элем, а некоторые обессиленные головы неподвижно уткнулись носами в засаленные красно-зеленые рукава, издавая при этом звуки, более напоминавшие стоны, нежели храп.

Король в своем укрытии поцокал языком: и здесь напиваются, ну что за народец.

– За что, братцы, – раздался хриплый голос самого пузатого среди «кувыркающейся и гогочущей дружины», – мы еще не пили?

Король величал его Философом по причине вечной болтовни о Боге, Универсуме и прочей астрологии, хиромантии и алхимии. Рыжая растрепанная голова его соседа слегка оторвалась от стола и промычала:

– За что?

После чего с глухим звуком вернулась на место. «Похоже

на Художника», – решил Король из своей засады, такова была кличка единственного из шутов, кого Создатель окрасил медью.

– За шутовской колпак, – воодушевленно воскликнул Философ и тряхнул головой, три медных бубенца веселым звоном подтвердили свою приверженность к тосту, – который дает свободу и слову, и деянию, в известных пределах.

– Ага, – бодро поддакнул чернявый, как пушечное ядро, фигляр напротив. – Пока это нравится хозяину и не трогает его.

«Похоже на Генерала», – усмехнулся Король, вспомнив курносого шута, вечно выпячивающего грудь, словно он великий полководец на параде. Философ поднял палец вверх (будь он значительной длины, уперся бы прямо Королю в зрачок).

– На сознание души Эго натягивает «шувовской колпак» с бубенцами, и желательно, для Эго, чтобы он сполз со лба на глаза, а еще лучше на подбородок; ничего не вижу вокруг, а значит, и говорить не о чем.

– А бубенцы-то зачем? – усмехнулся Генерал.

– Они подобны колокольчику в руках прокаженного, дабы окружающие были осведомлены о его приближении, а чем больше звона от бубенцов вокруг, тем меньше желание стянуть с себя колпак.

– Эка загнул, – причмокнул Художник, наполняя элем свой кубок.

– Более того, – не унимался Философ, подставляя под эль и свой сосуд, – любая душа прекрасно «видит» свое отставание через длину волочащегося за ней кармического хвоста. И если Абсолют равномерным полем Любви (с одинаковым доступом для всех и везде к нему) сглаживает разницу в «шкале присутствия», то Эго вводит элемент соревновательности, понятие «хуже-лучше», и тут же предлагает свое решение возникающего дисбаланса – колпак, отсекающий на время воплощения хвост как принцип беспамятства и самости, поворачивая спин «хуже-лучше» концом «лучше» к контролируемой душе и концом «хуже» ко всем остальным.

– А я поддержу товарища, – неожиданно пропищали тонким, почти визгливым голосом.

«Похоже, Советник», – Король невольню улыбнулся, припоминая тощего, долговязого шута, которому дал это прозвище за внешнее сходство с его собственным советником.

– Не окажись на человеке колпака с бубенцами, что убеждает, по утверждению нашего многообразованного коллеги, от излишней любви всех ближних, – советник картинно перекрестился со словами «Упаси, Боже», – то привело бы таковое мышление к безрассудному разбазариванию имущества в пользу соседей и полному собственному обнищанию.

Шутовская братия дружно разразилась аплодисментами, а Философ, обведя столь почтенное собрание осоловелым взглядом, пробормотал:

– Поклонись Богу, сиречь самому себе, и колпак слетит с головы. Челом бьют именно по этому поводу, а не чтоб угодить Небесам и выпросить лучшей доли.

– Отставить, – грохнул кулаком по столу Генерал. – Бесмысленная храбрость, отсутствие расчета и всячески недопустимая жалость к собственному солдату в отсутствие на голове полководца колпака, – тут вояка громко икнул, – не позволит вести победоносные захватнические войны, а от обороны одни убытки, в то время как взятие чужого города штурмом приносит доход казне, а воинам – славу.

Весьма довольный услышанной гиперболой Король неаккуратно мотнул головой и больно ударился подбородком, внизу же, стянув с лысой головы желтый с красными полосами профессиональный убор, поднялся шут, наделенный Творцом большими пухлыми губами и мясистым носом, и прошепелявил:

– Поставленный смотреть за золотом без колпака первым вытащит сундуки из подвалов и раздаст их содержимое нищим просто из сострадания. – Губы его, такие же по размеру, как и пальцы, свернулись бантиком. – И взойдет на эшафот со счастливой улыбкой на блаженной физиономии спасителя мира. Тьфу, тьфу, тьфу... За колпак.

Он до дна осушил свой кубок.

– Колпак экранирует связь с Высшим Я, пока человек занят собой, ему не до Бога, а ведь он и есть Бог, познанный через любовь, вместо иллюзии, что я Бог, навеянной само-

стью, – задумчиво произнес Философ и безвольно уронил отяжелевшую голову на стол.

– Важное замечание, – прозвучал хорошо поставленный, бархатный голос.

«Ученый», – безошибочно на этот раз определил Король, потирая синяк.

– Однако есть несомненные плюсы в наличии шутовского колпака на голове человека. Посудите сами, ученый без «таковой защиты» вряд ли решится вмешиваться в мир Божий: вспарывать брюшко лягушки, дабы увидеть ее устройство, цеплять на ствол дерева одного вида ветку с другого и ждать нового плода, совать в огонь для расплавления иные материалы или замерять лунные фазы, чтобы понять связь приливов водных у берегов и эмоциональных в человеке с ее движением вокруг земной сферы.

– Пожалуй, и я соглашусь с коллегой, – поднялся с места самый старый седовласый шут, – ну представьте себе – врачеватель без колпака вместо решительных действий (сместить микстуру, наложить компресс или отрезать гниющую кость) начнет читать проповедь страдальцу о недопустимости его поведения либо тайных его помышлений, приведших к подобному плачевному результату: хвори, ране или проказе.

Шуты громко наперебой загалдели, вспоминая свои болячки и вывихи, прыщи и нарывы, а также многочисленные синяки на пятых точках, получаемые регулярно от железных

сапог охранников.

– Надо жаловаться Королю, – раздавались пьяные голоса, – просить прибавки к жалованию или, на худой конец, мягких накладок на рыцарские башмаки.

Король, лежа на животе, трясся от смеха, конечно же угадав в последнем выступающем Врача, странноватого, но беззлобного шута, а дискуссия на предмет медицинских страховок разгоралась все сильнее, но обычного катарсиса, с битой посудой и банальным мордобоем, достичь не успела. Очнувшийся, видимо от шума, Философ громовым басом возвестил:

– Энергетически шутовской колпак – это двойник Высшего Я, смоделированный Эго, куда и перенаправляется сознание души. Я не должен подниматься на вершину, я уже на ней, по праву «рождения» от Бога, по наличию в моей сути Божьей искры. Путь к Высшему Я – поток любви от себя, дорога к его подмене – поток любви к себе.

После этих слов в трапезной воцарилась зловещая тишина, коею через некоторое время прервал звук отодвигающейся лавки, бульканье эля, изливаемого из бочки в кубок, и заикающийся голос («Воспитатель», – точно определил его величество шута, приставленного развлекать королевских детей):

– Я пью за колпак. В нашем деле без него – швах. Колпак на голове – это «мокрая тряпка» в материнских руках, прогоняющая с кухни сорванца, пытающегося стянуть со стола

угощение раньше времени, это отцовский ремень как важный аргумент для нежелающего складывать цифры или правильно ставить пальцы на струны мандолины чада.

– Ваше дело всегда швах, и с колпаком, и без оногo, – захохотал Генерал. – Из человека можно что-то получить только тогда, когда он солдат, а пока сопляк – пустое размахивание обнаженным мечем в воздухе.

– Я бы поспорил, – обиделся Воспитатель. (Король в своем укрытии давно понял, кто выступает сейчас.)

Но его аргументацию перебил своей полуживой пока Философ:

– Рукой самости надевается шутовской колпак, рукой смирения он стягивается.

– Болтовня, – плюнул Генерал в кубок Художника, на что тот, выпучив глаза от изумления, коротко заметил:

– Болван.

Потасовка, привычная для собравшегося общества, все-таки неумолимо приближалась.

– Господа, – за столом прозвучал мягкий, не громкий, но уверенный голос, после чего Король услышал звук оплеухи и обладатель чудесного тембра очутился на полу возле входной двери. Генерал удовлетворенно потер кулак.

– Прости, дружище, ты оказался ближе всех.

После смачного кровавого плевка мягкий голос («Не иначе Учитель», – решил Король, не видя самого персонажа, но догадываясь) как ни в чем не бывало, заметил:

– Я на стороне Воспитателя. Кто учитель без колпака – настоящий шут для учеников с разговорами о терпении и сознательности, но без результатов в их головах и ведомостях.

Философ, даром что работник разговорного жанра, оказался весьма крепким типом: при таком количестве влитого в себя эля он, располневший больше обычного, вырос грозной тенью за спиной Генерала с табуретом в руке и от души опустил его на голову бедолаги. Вот уж точно, не имей солдафон на макушке в качестве шелома шутовского колпака, череп его разверзся бы непременно. Пока главный дебошир находился в отключке, Философ снова взял слово:

– Отчего планета, несущая на своих плечах ношу тяжкую, не ропщет, но принимает сие как должное, как свое место и назначение в мире Бога, а человек, едва взвалив на спину свой крест, возопит о сложности пути и несправедливости бытия? Не шутовской ли колпак тому причина.

Это высказывание произвело настоящий фурор в кругу его коллег.

– Вот это правильно, – орали одни. – По-нашему, по-шутовски.

– Давай, жги, – вопили другие. – Пусть знают каково.

Но громче всех срывающимся на фальцет голосом верещал нервный веснушчатый шут:

– Bravo, bravissimo.

«Поэт», – без запинки определил Король.

– Но позвольте, дорогой гуру, и мне несколько слов в под-

держку колпака. Летописец без этого прекрасного головного убора только и сможет, что произнести, если получится, и записать, было бы где, Имя Господа, включающее в себя все известные буквы, все истины, все сущее, не говоря уже о том, что придется записать всю правду (а как же иначе) о нашем Короле, а это ни много ни мало потянет на виселицу.

Его величество в засаде довольно усмехнулся: «Зрит в корень, каналья».

– В таком случае, – закашлялся кто-то за столом (очень похож на Мажордома), – присоединяюсь к почитателям колпака и я. Ну кто, скажите, с пустой головой, дающей прямое общение с Богом, то есть с миражом, захочет засучивать рукава и строить, стирать, штопать, стряпать, полоскать, резать, кроить, стругать, пилить, красить, отмерять...

– Мы уже отразили атаку? – очнулся, потирая затылок, Генерал, но осознав, где находится, лихорадочно стал искать глазами обидчика. Поиски его привели к лавке за спиной, под которой уютно устроился лишенный последних сил Философ, громогласным храпом провозглашая теперь самые дружественные свои намерения. Генерал в бессильной злобе пнул безмятежно спящего в живот.

– Проснешься – продолжим.

– Продолжу и я, – поднялся за столом субтильного вида шут в оранжево-фиолетовом костюме, с лицом, напоминающим в полумраке подвала случайно залетевшую сюда луну. – Художник или скульптор, будучи не околпаченным, бу-

дет видеть Божий Мир без изъянов, а стало быть, в Чистоте Своей, отчего холсты останутся ослепительно белыми, а скульптуры обретут идеальную, шарообразную форму, все без исключения.

Своей речью Художник сам «выдал» себя Королю. Повелителю нравился этот молодой человек, и шутки его, как правило беззлобные, отличались глубиной и чувственностью.

– Наплевать на пустые полотна, лишь бы рамы были позолочены, – прорычал Генерал. – Кто еще не говорил, пора расходиться.

Король мысленно пробежался по всем, остался один единственный, Модник.

– В моду войдут, – прозвучал высокий трезвый голос (ну что взять с любителя одеваться в разноцветные перья и пышные жабо), – светящиеся одежды Адама и Евы. Ну не знаю, в наших краях холодновато бегать голышом, могут и побить, – он хохотнул. – Не говоря уж о дамах. Так что без колпака никуда, хоть чем-то будет прикрыться.

– За колпак! – дружно заорали шуты, а гипсовый лепесток лилии на потолке встал на место.

Пробираясь обратно, меж сырых каменных стен и пропахших молью гобеленов, Король, пребывая в веселом расположении духа, всерьез подумывал: «Не заменить ли мне своих придворных советников на столь разумных шутов, или оставить всех на местах, только украсить их головы шутовскими

колпаками».

Стражники, стоящие на лестничных переходах, в ночной тишине явственно слышали негромкое позвякивание бубенчиков в пространствах между стен, догадываясь, что его величество снова воспользовался тайными проходами, развеять скуку и послушать чужие разговоры.

Говорящая рыба

Волне, что ног коснулась нежно,
Предвижу час, до неба стать
И, накотив стеной безбрежной,
Меня на смертный одр призвать.

Смирен рыбак, оставивший за спиной суету и шум бытия, неподвижен и целеустремлен, как монах-отшельник, вот только не стесняют его бревенчатые стены кельи, не давит сверху низкий еловый потолок скита, не гнетут строгие и хмурые образа святых угодников, глядящих с презрением, недовольством и безразличностью. Под сенью ивы, тонкокурой и трепещущей, на травянистой подстилке, мокрой от утренней росы, но мягкой и уютной, всматривается он не в бумажную толщу, но в поднимающийся от речного зеркала пар, дабы узреть там, в отличие от бледного книжного червя, не слово истины, а саму ее, в золотистой чешуе с красным оперением и черными, немигающими бусинками глаз. Кто из тех, открывающих под хилым светом лучины чужую мудрость, страница за страницей, не мечтал прочесть нечто, дарующее силу и свободу? А найдутся ли среди тех, кто забрасывал в мутные пучины сети, раз за разом, таковые, что в глубине души затаив дыхание не жаждали вытянуть на бе-

рег, в сиянии и славе, говорящую рыбу?

Конечно же, не все то золото, что блестит, и любая прочитанная фраза, легшая на сердце отшельника, возможно, к истине не имеет отношения вовсе, но рыба на песке не просто не извивается в предсмертных муках, разевая безутешно рот, а преспокойно пялится на счастливчика немигающим взором и даже готова, на искреннее удивление оного, застывшего с сетями в руках наподобие каменного истукана Моаи, дружески поболтать с ним.

«А что это я и впрямь, – думает монах, захлопывая книгу, – сам же хотел узнать о ничтожестве человеческой натуры чуть более того, что на сей момент ведаю о себе, так и давай, вопрошай далее».

Рыбак освобождает от сетей запутавшуюся рыбину и, обернувшись, не слышит ли кто, притаившись в кустах бузины, дабы поднять на смех и разнести по белу свету весть о сумасшествии его, шепчет ей прямо в морду:

– Отпустить?

Рыба выразительно чмокает губами, надувает радужные пузыри и отчаянно лупит по ладони красным хвостом. Монах дрожащей от нетерпения рукой отворяет новую главу, предварительно сдув вековую пыль со страниц, а рыбак, ожидавший, что вытащил ту самую, если не исполняющую желания, то хотя бы говорящую особь, разочарованно бросает блестящую тушку в воду.

И вот тут-то происходит волшебство: едва коснувшись

золотой чешуей родной стихии, рыбаина, высунув голову из волны, отвечает:

– И ничего не пожелаешь?

У отшельника и в без того темной келье гаснет догоревшая свеча, и полусгнившие стены его жилища оглашаются хрипом:

– Черт.

– Черт! – вопит обескураженный рыбак. – Ты говорящая.

Рыба согласно кивает желтой башкой, и в ее блестящих глазах отражается свет запаленной свечи. Отшельник, подув на обожженные в темноте пальцы, раскрывает книгу на нужной странице.

Терпению рыбака может позавидовать опытный охотник, или даже снайпер, но сейчас эта основа основ нелегкого мастерства начинает трещать по швам – желание, а может и не одно, не об этом ли мечталось долгими часами под дождем или палящим солнцем, вечно в одиночестве, со стертymi до мутной пелены в зрачках глазами, смотрящими на бесконечное спокойствие вод, таящих в себе множество тайн и загадок.

Монах истово молится на образа в дальнем углу кельи:

– Господи, неужто нашел, неужто оно, не спугни, Всемогущий, не обрушь на меня в этот час забот или напастей, дабы не отвлекся я от истинного слова и не убрал руки со страницы праведной.

– Будешь вопрошать? – подгоняет, усмехаясь большим

ртом, золотая рыба.

«Чего же хочу я, вечно скитающийся по берегам, – думает рыбак, – чего пожелать, когда все, что любо мне, плещется под ногами, стоит только подумать об этом».

Монах заканчивает крестоналожение, более походящее на работу пропеллера удивительной конструкции братьев Райт, и шумно вздыхает:

– Господи, помоги.

«Не стану просить злата, отягощающего мою котомку», – решает рыбак.

«Не нужна власть мне, грешному, ибо очернит мою совесть», – думает отшельник.

– Испрошу лучше знаний о... любимой сердцу воде, коли провожу подле нее всю свою жизнь, – провозглашает вслух рыбак.

– Вымолю таинство крещения посредством омовения святыми водами, доселе мне не ведомое, – утирая слезы, шепчет монах.

– Быть по-вашему, – чисто, без малейшего акцента, соглашается чешуйчатое создание, и рыбак удивленно оглядывается, чего это она во множественном числе, уж не впрямь ли кто засел в кустах и подслушивает.

Отшельник же, влекомый неведомою силой, тянется за пером в неотвратимом намерении писать между строк.

– Бескрылый обретает подобие крыл в водной среде, – начинает свое объяснение рыба, сверкая под лучами восходя-

щего солнца до ослепления рыбацких глаз, – не случайно, имея возможность зависать в ее толще, меж струй, как ангел в небесах. Истинное крещение души (ее сознания) «возвращает» ощущение полета, наличие крыл, будучи в плотной оболочке.

Рука монаха, ни меча, ни топора не придерживавшая, наливается силой, да такой, что вложи ему сейчас в ладонь подкову, согнет не заметя и не поморщится. Перо ложится на старинный манускрипт, и поверх чужих мыслей новая воля выводит: «Крещение через омовение есть катарсис сознания, переворачивающий, переформатирующий взгляды на мироустройство и свое место в Универсуме, определяющий положение дихотомии добра и зла относительно индивидуума. Душа может „пройти“ воплощение, ни разу не испытав омовения, или „погружаться в Иордан“ неоднократно, все в ее власти».

– Войти в Иордан, а я зову Иорданом воду любую да во всякий день, и выйти из него крещеным, а прежде дойти и решиться на вхождение – вот Путь Человеческого существа каждое воплощение, вот истина в вопросе поиска смысла бытия, вот стрелки на карте, указующие, куда направляться, вот резоны, отвечающие, зачем все. – Говорящая рыба надувает ртом пузырь, а замороженный сим зрелищем слушатель на берегу впитывает каждое ею сказанное слово, будто поедает тело, смакуя каждую икринку и обсасывая всякую, даже самую мелкую косточку.

Отшельник, свободной рукой стирая пот со лба и не обращая внимания на погасший фитиль свечи, погруживший скит в предрассветный сумрак, продолжает скрипеть пером, лихорадочно окуная его в чернила и снова возвращая на словесное ристалище: «Захожу в Иордан грешным, выхожу святым – нет, формула крещения иная: зашедший во грехе его не смоет, как и не обретет святости, но покинет Иордан с чистым сознанием, ибо вошел в него готовым ко сему».

У рыбака пересохло в горле, он опустил на колени и погрузил лицо в воду, жадно втягивая в себя ее благодатную прохладу. Его блестящая спутница ткнула губами в нос и пускает пузыри, при этом рыбак прекрасно «слышит» ее речь:

– Из тверди сотворенный, в мир Человек приходит через воды матери, а в гости к Богу «заглянуть» даровано ему через воды «Иордана».

Рыбья мудрость так поразила слушателя, что он от испуга дернул головой, да так, что в холке хрустнуло, и на мгновение рыбак потерял сознание.

Монах потер десницей припухшие веки, Господь явил чудо, рука грешного водила во тьме, не «забираясь» на чужие строки, останавливалась, где надо, и начинала с заглавных букв там, где им место: «Сам Всемогущий Бог „крестил“ народ Моисеев, разверзнув пред ним морские пучины и пропустив для спасения, после чего сомкнул над головами преследователей, ибо те не готовы были к омовению сознания».

Он припомнил гравюры из Святого Писания на тему Исхода, всегда поражавшие монашеское сердце, и рьяно перекрестился на взошедшее солнце, рыжим пятном расплывшееся по рыбьему пузырю, натянутому в оконном проеме.

Надув свой плавательный пузырь, золотая рыбка всплыла и, весело поглядев на пришедшего в себя мокрого рыбака, продолжила выполнять его желание.

– Крещение водой, то, что ты испытал сейчас, есть возвращение к исходной точке, к околплодным водам матери, «обнуление» самости, смена испачканных гордыней одежд на чистые для восхождения на «Голгофу», еще не сама святость, не шаг к ней, не дверь, за которой она, но уже предчувствие ее нахождения, существования внутри души, подсказка, намек, вспышка в кромешной тьме.

– Почему вода? – пролепетал рыбак, взъерошивая мокрые волосы и пытаясь вникнуть в смыслы, выдаваемые безмозглым скользким созданием с поразительной уверенностью.

– Вся энергия ужаса при массовом утоплении во время Потопа передалась воде, по закону Сохранения Энергий Вселенной, а в качестве уравнивания компенсировалась Волей Создателя приобретением этой субстанции (водой) очищающих (энергетически) свойств. – Говорящая рыба вильнула хвостом. – Страх гибели физической оболочки послужил почвой для появления качества духовного исцеления плотной материи. Господь создал воду как первооснову биологической жизни, но Человек, в сотворчестве с Ним, че-

рез собственную, пусть и неосознанную, жертву наделил воду способностью запускать жизнь духовную. Омовение – это врата между тонким и плотным, осязаемым и невидимым, телесным и духовным. Святость воды не изначально, но заслужена и повсеместна.

Рыбак, раскинув руки, лег на горячий песок и, щурясь на стремящийся к зениту огненный шар, что было духу прокричал:

– Если Иоанн крестил Христа, то кем был Ной?

– Не пугай собратьев моих, – спокойно заметила золотая голова, торчащая из реки. – Ной крестил целую расу, что была посеяна после Потопа.

Монах в эту секунду, нервно макнув перо в чернильницу – лунку в осиновой гнилушке, быстро записал: «Огонь разящий нисходит на тех, кто вместил в сознание грех Содома, Потопа „достойны“ жившие во грехе, но не переступившие „порога опустошения души“ сознанием».

В горле пересохло, крючковатый и несуразный от постоянного сидения за книгами и донельзя приземистого потолка своего жилища, не позволявшего распрямиться полностью, отшельник, скрипнув двумя досками на ржавом костыле, служившими входной дверью, выбрался на свет Божий. Дождей в здешних местах не бывало уже с неделю, и кадка для воды стояла пустая. Монах заглянул внутрь, вытряхнул со дна возмущенного лягушонка и, тяжело вздохнув, направился к реке. Мышцы понемногу вспоминали радость сокращения

щения, легкие с удовольствием втягивали ароматы лесной жизни, а кадка, в нетерпеливом ожидании пополнения своего чрева, в такт шагам долбила отшельника по колену, подгоняя его, подзуживая, подначивая и увлекая.

Пограничные стволы соснового бора цеплялись мощными, кряжистыми корнями за самый край обрыва, и монах, перешедший в нахлынувшем на него восторге на бег, едва успел остановиться. Внизу, у самой ленты неторопливой реки, раскинув руки лежал человек. Отшельник застыл, давненько он не встречал собратьев по разуму, а, не имея зерцала, стал подзабывать и внешний вид таковых и даже как-то засмутился, благо то был мужчина и, слава Богу, в одеждах. Он некоторое время раздумывал, не спуститься ли к воде в другом месте, но любопытство, вполне человеческое, еще не сгинувшее в нем чувство, сподвигавшее на величайшие подвиги и немислимые безрассудства сынов Адамовых во все времена, перебороло страх и стеснение, и монах, подобрав ряску, спрыгнул вниз, на песчаный склон.

Рыбак пребывал под впечатлением от встречи. Карманы его, как и прежде, были пусты, а сведения, сообщенные «говорящим уловом», не укладывались в его сознании, но улыбка не сползала с физиономии, и теплый ветер, зацепившись за шевелюру, не собирался покидать своего нового пристанища... до тех пор, пока шорох песка не спугнул его легкие крылья.

– Благослови Бог, – услышал рыбак и открыл глаза. Блед-

ный, худосочный человек в рясе, с крестом на груди и бадьей в руке возвышался над ним.

– И вам доброго дня, – отозвался, поднимаясь с песка, рыбак. – За водичкой, святой человек?

– За ней, – кивнул отшельник, бухая кадку в прозрачные прибрежные струи. – Как улов?

Рыбак пожал плечами:

– Одна рыбешка.

– Не густо, – согласился монах, кряхтя вытаскивая полную кадку из реки.

– Говорящая, – с лукавой ухмылкой произнес рыбак, с удовольствием наблюдая, как кадка грохнулась на песок, обдав брызгами отшельника, у которого от изумления отвисла челюсть.

– Неужто и впрямь, где же она?

– Отпустил, как и обещал. – Рыбак развел руками. – За дар.

– Ты глаголил с ней? – мокрый монах не мог справиться с восторгом и... недоверием.

– Было дело, – коротко ответил рыбак и начал не спеша собирать сети.

– Милый человек, – взмолился монах, вцепившись обеими руками в нагрудный крест, – поведай, о чем?

– Всего не упомянуть. – Рыбак остановился на миг, задумался и снова занялся сетью. – Да и зачем тебе?

Отшельник перекрестился.

– Пока ты глаголил с рыбой, со мной беседовал Бог, я все записал.

Теперь уже рыбак недоверчиво поглядел на собеседника.

– Помню последнюю фразу. Если перескажу, покажешь свои записи?

Монах с готовностью закивал головой.

– Не тьяни, прошу.

Рыбак прикрыл веки, положил руку на лоб и выставил правую ногу вперед, в общем, принял абсолютно театральную позу, которую заприметил в прошлом году в деревенском балагане (в тот раз давали Гамлета), и, выдержав необходимую паузу, продекламировал:

– «Крещеные» эгрегоры, те, что под зонтиком Христосознания, тяготеют к воде, и занимаемые ими пространства полны вод пресных и морских, в отличие, к примеру, от других эгрегоров, исповедующих иные истины, где места их обитания пустынно, песчанно и жарки.

– Это цитата, – не без гордости заключил он и, открыв глаза, увидел, что отшельник, отыскав где-то сухую веточку ивы, выводит ею прямо на песке. Через минуту он закончил и, вскочив на ноги, улыбнулся:

– Вот.

Рыбак подошел к природному «манускрипту» ближе, текст гласил: «Дар истинный меняет сознание, то есть несет в себе энергии более высоких вибраций, нежели имеет сознание получателя. Дар иллюзорный (материальный) – суть

перемещение одних, низких, вибраций внутри других (таких же). Но помни, что сии дары (иллюзорные) существуют в горизонтальном направлении, дары истины же имеют антипод, направленный вниз. Гордыня вибрирует очень тонко, посему стоит на вершине развития сознания, но эта вершина есть отражение истины, ее перевертыш».

Закончив шевелить губами, рыбак поднял глаза на отшельника и они, не сговариваясь, одновременно произнесли:

– Я хочу...

– Говори первый, – уступил монах, когда их дружный смех затих в ивовых прядях.

– Я хочу найти Бога и услышать Его, как услышал ты. – Рыбак смотрел на товарища глазами, полными слез.

– Готов поменять свободу на темную келью? – Отшельник содрогнулся, здесь, под солнцем, обласканный теплым ветром, среди кипящей вокруг жизни, запах прелой древесины его жилища раздражал сознание особенно сильно.

Рыбак торопливо закивал головой:

– Да, да. А чего хотел ты?

Монах, ни секунды не раздумывая, назвал свою мечту:

– Поймать говорящую рыбу, как ты.

– Вот моя сеть, бери, все реки, озера и моря в твоём распоряжении. – Рыбак, наскоро свернув еще мокрые тенета, протянул их отшельнику, а тот, сняв с себя рясу, с полубезумной улыбкой на устах, прошептал:

– Вверх по склону и прямо через чашу, там мой, извини,

теперь твой скит.

– Найду, – почти прокричал рыбак и, выхватив полуистлевшую одежонку, полез по песчаной тропинке к своему Богу.

Прекрасное дитя

Где воды отошли от дна
И обнажили суть земную,
Моя душа бредет одна,
Свой путь задумчиво смакуя.

У тебя есть четкий план, поразительно точный, продуманный, прорисованный до мельчайших деталей и подробностей: где повернуть, когда остановиться, слова, фразы, вздохи, повороты головы, первый шаг, последний вдох, страхи, сомнения, решения, победы, поражения, переломы, простуды, встречи, расставания, сон, явь, боль, смех – все отражено в этой картине возможных направлений через узловые точки Выбора, белоснежное поле Контракта испещрено черными линиями вариантов бытия.

Столь часты твои приходы в этот мир, столь опытен и мудр дух твой, так много испытала и пережила душа твоя, что Свобод с каждым новым Контрактом становится все больше и больше, а каждый Выбор расщепляет возможную ветвь земной жизни все тоньше и тоньше, и вот уже узлы расползлись по листу, а «рожденные» ими лучи закрывают его полностью, от кромки до кромки. Нужно ставить подпись.

Здесь это не сложная процедура, всего лишь подтвержда-

ющая твое согласие мысль, но... там, в плотном мире, одни страдания, неудобства и тяготы. Ты пока еще помнишь ужас прихода и страх ухода, утлая, стягивающая, ограничивающая, требующая ухода и беспрестанных забот оболочка души, светящиеся в этом мире любовью, готовы сожрать, оклеветать, оттолкнуть, истребить, уничтожить, едва закончив трансформацию. Нет, говоришь ты, я не хочу ставить подпись, я остаюсь.

Тот, кто ждет в «челноке» и готов переправить тебя на «другой берег», не удивлен отказу – на его памяти только дух, нареченный Иисусом, поставил подпись сразу, и то не торопился ступить на мокрое дно «челнока».

– Остаться можно, – в который раз за свою «карьеру» произносит Перевозчик. – Но Совет пересчитает долг на следующий Приход. Контракт отменить невозможно.

– Но я... – сомневаешься ты.

– Будешь скучать, – кивает понимающе сущность в лодке. – Оставь здесь двойника, так будет легче.

– А можно? – со вспыхнувшей надеждой вопрошаешь ты, зная, что Перевозчик не обманет.

– Так поступил Адам, заглянув в Фонтан Живой Воды, его отражение до сих пор там, а сам спокойно отправился выполнять Контракт.

– Куда посмотреть мне? – спрашиваешь ты, а Перевозчик кивает себе под ноги:

– Сюда, в воды Небесной Реки...

И вот уже эти самые воды качают тебя, смирно сидящего на узкой скамеечке внутри «челнока», а проводник, лицом к тебе, но спиной к «другому берегу», уверено погружает весло в Небесную Реку, двигаясь по знакомому маршруту не глядя.

О, как сладостны эти мгновения, нет, не изгнания, но покидания Райской обители подле Трона Его, в ожидании возвращения, по местным меркам весьма и весьма скорого, стоит прикрыть глаза и тут же открыть их, вот ты и снова дома. Правда, отдаляясь от родного берега кажется, что гребки Перевозчика становятся сильнее, воды Реки – мутнее, а способность чувствовать за спиной «крылья» покидает сознание.

– Подпись под Контрактом, – подает голос Перевозчик, не переставая орудовать своим светящимся веслом, – твое согласие с количеством узлов, читай, Свобод. Ты ведь поставил подпись?

Тебе, приунывшему на скамейке, только и остается, что подтвердить содеянное кивком.

– И что с того?

Весло бесшумно описывает очередную дугу.

– А то, что лоцман взялся провести судно мимо рифов, понимая в точности их количество, а также принимая во внимание предлагаемые погодные обстоятельства в виде шторма. Это метафора, если ты не понял.

– Понял, здорово, – снова киваешь ты. – Но пока я пасса-

жир, может, объяснишь мне, без метафор, Его роль.

И ты делаешь неопределенный жест в сторону удаляющегося берега.

Перевозчик, как всякая нейтральная сущность, не обидчив и терпеливо начинает рассказывать о смысле любого воплощения:

– Творчество Создателя – посредством Кармического Совета установить под твоим «килем» необходимое количество подводных скал и мелей, сотворчество души, то есть твоя работа, – успевать обходить возникающие на пути препятствия, а с какой стороны – твой выбор, впрочем, как и не делать ничего, налетая со всего маха скулами на беды и болезни.

Все-таки без метафор мой проводник никак.

– Тебе известно, – продолжает он, – в связи с многократностью повторений происходящего сейчас, что по мере продвижения в водах Небесной Реки память будет стираться и на «том берегу» ты покинешь челн «обнуленным», но пока мы еще не достигли даже середины, а посему можешь спрашивать.

– Я перестал чувствовать «крылья» (теряется способность к полетам), это беспокоит.

Перевозчик на мгновение выпускает весло и разводит руками:

– Ничего не попишешь, душа, потерявшая крылья (тонкие) при воплощении, не испытывает боли физической, как

если бы суставы выворачивали на дыбе, но энергетические страдания превосходят боль плотного плана. Ты, как Есмь то, что Есмь, способный в тонком мире, лишь пожелав попасть в какую-либо часть бытия, оказаться там мгновенно, чего представить себе на «другом берегу» невозможно. Это – свобода выбирать без возможности моментального осуществления выбора, по существу, меч, протянутый безрукому.

Весло снова погружается в «мутнеющие» на глазах воды Реки и тебе кажется (а возможно, и нет), что в окружающей доселе тишине слышится звук всплеска.

– Перевозчик, – твой голос становится более напряженным с каждым новым взмахом его весла. – Я начинаю забывать, что мне делать там, на «другом берегу».

Существо, управляющее челноком, не прекращая своей работы, терпеливо, как и полагается проводнику, отвечает:

– Выбор. В каждой узловой точке, в основании Выбора, находятся Бог и Гордыня. Небытие, тонкий план, тот берег, – и он кивает мне за спину, – переходит в плотный, то есть в бытие, расщеплением этими силами. Нет Гордыни – нет познания, нет Бога – нет ничего, – резюмирует Перевозчик и весело подмигивает тебе.

Впереди по курсу сгущаются «сумерки», и ваши тени, пока еще еле заметные, начинают вытягиваться в сторону «бытия». «Выбор» – это понятие вертится внутри, жалит, печет, не дает покоя, дергает, как больной зуб, – ого, в памяти

всплыло что-то из принадлежностей «того берега», выбор, выбор, что за выбор.

Вы все еще в тонком мире, где скрыть мысли невозможно, они громко «звучат» на весь план, и Перевозчик успокаивающим тоном поясняет:

– Между собой и своим Эго Абсолют поместил мир физический, точно так же между Высшим Я и Гордыней каждой души есть, в качестве медиатора, Выбор.

– Ну а цель, – вскакиваешь ты со скамеечки и челнок резко кренится на правый борт. – Какова цель Выбора?

Перевозчик мягко усаживает тебя на место.

– Познание. Вспомни, как было изначально. Яблоко Познания становится таковым, по сути, только будучи надкушенным, в целостности оно есть Познание исключительно в качестве определения, дабы всякий Адам, желающий покинуть Рай, не кусал подряд все дары чудесного Сада.

Он смеется, и ты начинаешь улыбаться вместе с ним, воды Реки окончательно темнеют.

– Проходим экватор, – став вдруг серьезным, произносит Перевозчик. – Уже не долго.

– Пока мы не расстались, еще подсказки. – Ты начинаешь нервничать по-настоящему, как чувствует приближение экзамена ученик на подходе к дверям учителя.

Перевозчик лучезарно улыбается:

– Ты все равно позабудешь мои слова, но тем не менее изволь. Представь Высшее Я как часть Всеобъемлющей Ис-

тины, непорочное от естества своего, чистый свет. Дабы разложиться в «радугу», то есть познать самое себя, ему надобно пройти процесс преломления через «призму». Роль таковой отведена Гордыне, а именно Эго. Энергетически это инородное свету тело, более плотное, а именно вибрирующее ниже, некий вспомогательный инструмент, препятствие, о которое разбивается, рассеивается нечто единое. Воплощенная душа – это Свет Абсолюта, направленный на призму Эго, условный угол атаки и «чистота» материала призмы есть Выбор, каждое отдельное решение души поступить именно так в данный момент. В частности, человеческая принципиальность, упертость, ортодоксальность в вере, все, что он (человек) величает непоколебимостью, не что иное, как выставление своей Эго-призмы под неизменным углом всякий раз. Самопознание, таким образом, «прекращается», ибо раскрытие спектра (радуги) имеет во времени воплощения константу.

Ты задумчиво смотришь в Небесную Реку, отражение меняет черты, не искажает, не искривляет, не увеличивает или уменьшает, но все, что происходит, совсем не напоминает комнату кривых зеркал в заезжем балагане (что-то точно из надвигающегося «берега»), там, в черных глубинах забортной воды ты – уже не ты, каким был в оставленном месте, но ты сейчас новый, совершенно иной. Перемены происходят не только с тобой, трансформируется челнок, весло Перевозчика, да и сам он, определяемый в виде голоса, уже по-

что растворился в пространстве.

– Я становлюсь другим, – ты почти кричишь Перевозчику, переставая видеть его в сгущающемся вокруг мраке, который исторгает из своего чрева просто Голос:

– Ты обретаешь Эго, твое Высшее Я вынуждено впустить его, уступить часть своего естества.

– Зачем? – ты открываешь рот, не осознавая при этом, кричишь или шепчешь.

– Мы приближаемся, и по-другому «Там», которое почти «Здесь», не получится. Вот тебе еще подсказка. Эго объясняет – всегда себе, редко другим. Эго оправдывает – всегда себя, редко других. Эго защищает – всегда себя, никогда других. Высшее Я объясняет – всегда себе, никогда другим. Высшее Я прощает – всегда других, редко себя. Высшее Я защищает – всегда других, никогда себя. Эти полюсы заставляют тебя делать Выбор, но в своем выборе ты никогда не бываешь на одной стороне, исключительно в одном лагере. Человеческая душа – это исследователь, разведчик в стане противника, обряженный в чужую форму, под чужим флагом. Иной священник, проповедующий с амвона, не благочестивее палача, занесшего топор над плахой. Решение души держаться правой стороны обязательно коснется левой, так или иначе, ибо они (стороны), Высшее Я и Эго, крепко «держатся за руки».

– Священник, палач, – ты полностью обескуражен. – Это все персоналии «другого берега»?

– Уже этого, – глухо отвечает Голос, – мы подплываем.

Челнок, в котором, съезжившись от страха, притаился вновь прибывающий, начинает сворачиваться в подобие кокона, «утягивая» за собой воды Небесной Реки, а весло, крепкое и негнибаемое до того, обмякнув, приобретает вид намокшей веревки. Все вокруг сжимается в темную, пульсирующую сферу, центром которой становишься ты.

– Что потом, – эхо шепота отражается от стенок непонятной «темницы». – Что потом?

Одиночество, сдавливающее и ужасающее, словно мир, существовавший в сознании мгновение назад, просто исчез, окутывает Универсум, и только Голос, родной, спасительный, поглаживающий и убаюкивающий, льется сверху:

– После завершения воплощения Контракт закрывается и душа может оценить траекторию своего движения (белая нить на черном поле). У Христа это был идеально прямой луч, по отклонению от него душа поймет, насколько, где и в каких случаях ее сознание отклонилось от Христосознания и на какую величину.

«Чем же отличается „непоколебимость“ Луча Христа от непоколебимости, например, стоящего всю жизнь на своем сумасброда, не свернувшего на пути ни перед кем?» – только думается тебе, а Голос тут как тут с ответом:

– Траектория бытия такой души есть замкнутый круг, и чем несговорчивее и упорнее индивид, тем круг меньше в диаметре, и даже может сжаться в точку, что означает, по

сути, невыполнение Контракта, если, конечно, душа не ставила подпись уже под «точкой». Таков Контракт Понтия Пилата, стоявшего подле воплощенного Бога, но ослепленного не Сиянием Славы Его, а отраженным светом собственного Эго. Легко осудить, но Понтий не одинок, и кто знает, под чем поставил подпись пишущий эти строки или читающий их.

«Кто эти люди? – суетишься ты. – Может быть, один из них я?»

– Не важно. – Голос заставляет твое сердце, ты не знаешь откуда, но уверен, что оно уже есть, биться ровно. Такие мысли властвуют над тобой, и обретенный «берег» перестает пугать, отталкивать и злить, а Голос не прерывается: – Припадет на колени перед дурнушкой благородный красавец, протянет кольцо венчальное, а в придачу влюбленное сердце, а она возьми и откажись. Знакома подобная картина? Какие резоны двигают ею, сделавшую свой выбор не в пользу очевидности (с точки зрения стороннего свидетеля)? Да те же самые, что привели Адама к отторжению Рая и вкушению Яблока. Обладай душа только Эго, что никогда не ошибается с выбором... в свою пользу, мир рухнул бы, поелику всякая часть его конфликтовала бы со всеми остальными, что привело бы ко Всемирному Взрыву. Но душа, прежде всего, есть вместилище Высшего Я, Эго же – только противовес, а Высшее Я всегда выбирает жертвенность. Тот, коленопреклоненный красавец с бриллиантом, хорош всем, кроме од-

ного, но вне ее Контракта, а Контракт есть Акт Жертвования душой как части ради Абсолюта как целого. Необъяснимое с точки зрения проявленного вполне логично при взгляде из тонкого плана.

– Перевозчик, – шепчешь ты из благодатного, уютного сна. – Что с твоим веслом?

– Оно теперь твое, – отвечает Голос. – Имя ему пуповина. Ты не удивляешься, хотя и не понимаешь, о чем он, и спрашиваешь дальше:

– Перевозчик, а что с челноком?

– Теперь это женское лоно, что скоро оставишь ты, дабы выполнить подписанное, – ровным тоном сообщает Голос.

«Проглотив» и это, ты вопрошаешь вновь:

– Перевозчик, а что стало с Рекой?

– Она обернулась околородными водами, – хохочет Голос. – Ты есть плод.

– Кто же ты, Перевозчик, растворившийся в тумане, оставивший вместо себя Голос? – Дрожь бьет все тело в предвкушении ответа, и Голос не разочаровывает тебя.

– Я та, кто готова явить миру свое прекрасное дитя.

Плацебо

Два мудреца в одном тазу... да-да, полностью согласен, мизансцена не нова, но вполне сгодится для почти богословской беседы, о которой и пойдет речь далее.

Итак, два мудреца, имена коих мы благоразумно сохраним в тайне, дабы не портить оставшиеся земные дни им, а также впечатления о пращурах будущим потомкам, если таковым, конечно же, суждено появиться на свет, решились однажды на морскую прогулку: прочистить забитые книжной пылью легкие, поправить искаленные долгим сидением позвоночники и усладить наконец-то вечно слезящиеся очи чем-то иным, кроме бесконечных стеллажей, кожаных корешков и глубокомысленных умозаключений седовласых авторов на всевозможные темы.

Утомительные поиски яхты по карману не увенчались успехом, портовые бичи, завидев в узкой, дрожащей ладони три медяка ржали так, что чайки взмывали с пирса с душераздирающими воплями искреннего негодования, активно справляя из-под небес на возмутителей спокойствия птичью нужду в виде неприличных размеров белесых, склизких клякс.

– На эти деньги, господа, – немного успокоившись от раздиравшего его хохота, заметил один из них, – вы можете поз-

волить себе зафрахтовать вон то восхитительное корыто.

И грузчик указал огромной ручищей в сторону жестяного таза, служившего местным псам емкостью для водопоя.

– Мы берем, – быстро согласился долговязый покупатель, мужчина средних лет с черными, пронзительными глазами, горизонтальными, торчащими в стороны усами того же цвета и седой, бывает и такое, испанской бородкой. Он сунул монеты в лапу насмешнику и, неловко переставляя свои длинные, худосочные ноги, деловито направился к корыту. Его спутник, круглый как арбуз, засеменял следом, смешно перепрыгивая через бухты с пенькой и якорные цепи.

– Аккуратней с дредноутом при выходе на рейд, – усмехнулся грузчик, а его сотоварищи снова разразились гоготом, побуждающим жирных и ленивых причальных чаек на очередной, внеплановый облет акватории порта.

Погрузка в зафрахтованное плавсредство прошла достаточно быстро и успешно. После того как таз, не без усилий, подкрепленных некоторыми выражениями, был освобожден от воды, друзья подтащили его к берегу и Долговязый, абсолютно бесстрашно, словно заправский моряк на глазах провожающей подруги, прыгнул внутрь и, скрючив длиннющие ноги вдоль бортика, отчего несоразмерно крупные, шишкообразные колени предательски высунулись из корыта, намертво вцепился в ручку, грозя выдрать из нее клепки. Арбуз, видя такой успех товарища, подобрал полы пиджака (явно с чужого плеча с разницей в три размера) и, не зажмури-

ваясь, хотя очень хотелось, с разбега махнул на свободное место.

Можете быть уверены, капитану Дрейку точно не хватало такого молодца в команде, особенно при взятии противника на бордаж. Таз, получив необходимый импульс, с благородным рыком выбросил из-под себя горсть блестящей гальки, и два морских путешественника, не успев как следует испугаться, мирно закачались на волнах.

– Ого, дружище, – восхитился Долговязый. – Вы подарили нам фееричный выход из порта, взгляните-ка на провожающих.

Арбуз повернул голову назад: на пирсе, кто согнувшись пополам, а кто просто упав на колени, тряслись от хохота грузчики, изрядно уделанные обезумевшими в небе чайками, устроившими над их головами черно-белую галдящую карусель.

– Не стоит благодарностей, – крикнул Арбуз и повернулся к Долговязому. – Утренний бриз, насыщающий мозг кислородом, и легкая волна, стимулирующая работу мозжечка, – все, что нам нужно, коллега, не так ли?

Долговязый поерзал тощим задом по плоскому днищу таза.

– Ерунда, любезный, в этой влажной взвеси можно легко подхватить инфлюэнцу, а лихорадочное подбрасывание тела вместе с жестянкой – прямой путь к остеохондрозу. Мы просто решили сменить обстановку, ну а то, что вы сейчас

описали, кстати сказать, весьма косноязычно, носит название «эффекта плацебо». Уверовав в некую навязанную вам догму, пожалуй, вы и вправду насытите мозг кислородом, вам не помешает.

– А вот и тема для разговора, – вместо обиды воодушевился Арбуз. – Плацебо. Вы действительно, друг мой, полагаете этот эффект работающим?

Долговязый с блаженной улыбкой погладил торчащие колени.

– Вне всякого сомнения, и вот вам пример: самым внушительным, распространенным и известным, с моей точки зрения, эффектом плацебо являются... заповеди.

– Помилуй Боже, – икнул Арбуз и приподнялся с места. Корыто, и без того кренившееся в его сторону, взмыло вертикально, и не держись, как безумный, Долговязый за ручку, путешествие закончилось бы на этом месте.

– Эй, эй, эй, полегче, – завопил он. – Мы же ученые и должны держать себя в руках.

И когда таз, не без помощи телодвижения его спутника, принял горизонтальное положение, добавил:

– Наука – это тишина и спокойствие, прошу вас, без эмоций.

Напуганный до полусмерти Арбуз, боясь пошевелиться, осторожно покивал головой:

– Сможете объяснить?

– С вашей помощью, – улыбнулся Долговязый. – И с усло-

вием – не потопить нас раньше времени.

– Я готов, – согласился Арбуз и впился пухлыми пальцами в жестяные борта.

– Хорошо. – Долговязый смочил руку в воде и пригладил бородку. – Вы делаете возражение по каждой заповеди, в смысле необходимости подобного запрета, так сказать, его актуальности, а я объясняю позицию Господа Бога, подсунившего Человеку это плацебо. Идет?

Арбуз не стал ходить вокруг да около, он слыл человеком действия, хотя и являлся, по сути, книжным червем.

– Один у тебя Бог и не будет других.

Долговязый мотнул головой, а его ученый собеседник продолжил:

– Если в предполагаемой действительности Бог есть Все, значит, у каждого индивида Он свой, и к тому же многообразен, при этом отличен от Бога других. Все, что человек видит, ощущает, чувствует, воспринимает и осознает мысленно, есть Абсолют по определению (предполагаемому), ибо кроме Него нет ничего и быть не может, да и самого Человека, сотворенного по образу и подобию, «заряженного» Его Частицей, можно, и не без оснований, считать Богом.

Но заповедь, отвергающая подобный взгляд полностью, работает, прежде всего, в изображениях внешних и нашем, человеческом, внутреннем восприятии Его. Слово «Бог» произнося, подразумеваем мы Его обособленность, единственность как сути, непостижимого и не представляемого

го, но Центра. Зачем понадобилось «сокращать» жителей Олимпа, обитателей Римского Пантеона, дэв и аватаров индуизма, а также множество разбросанных по земле божеств разного масштаба до единственного Бога Иудеев (для христиан) или не менее великого, но опять же таки, в единичном экземпляре Аллаха (для мусульман), или... список одиночеств можете продолжить самостоятельно. Отчего принес с Синая Моисей весть о Едином Боге?

Арбуз закончил «обвинительную речь» и изобразил на лице вопросительную мину. Долговязый, уважительно поклонившись оппоненту, начал свой ответ:

– Человечество, как набор душ, следующих эволюционным путем через Свободу Выбора, является по существу обществом, не управляемым Высшими Силами. Пребывание же на вольных хлебах сродни болезни духа – отключенная глубинная память и обременение биологической оболочкой на фоне вседозволенности приводит к скатыванию в животное состояние. Человек – это ученик в пустой классной комнате: ни учебников на столах, ни карт на стенах, ни Учителя с указкой (в проявленном виде).

Как Создателю, затеявшему подобный эксперимент, подтолкнуть растерянного школяра к самообразованию? На доске он (исследователь) увидит только цифры и буквы, а научиться составлять их и складывать – его предназначение. Заповедь, выданная Моисею моим подзащитным, и есть цифры и буквы, но, не являясь абсолютной Истиной (на при-

мере первой же строчки), их комбинация заставляет Человека познавать себя.

Судя по лицу, Арбуз не был удовлетворен ответом:

– Каким образом?

Долговязый недовольно пошевелил усищами:

– Соглашаясь с написанным, или сопротивляясь ему, вступая в спор, или принимая слепо на веру, отвергая напрочь и следуя безоговорочно. Принятие мученической смерти или участие в Крестовом Походе, и то и другое во имя Христа, – те самые крайние точки, меж которых и происходит процесс Познания.

– Ого, – восхищенно воскликнул Арбуз. – Да мы, дружище, наговорили на анафему.

– Скорее, на костер, – согласился с ним Долговязый, с тревогой поглядывая на сгущавшиеся на горизонте тучи.

– Продолжим? – не унимался сидевший к морю спиной Арбуз. – Я весь в нетерпении. Итак, «Не сотвори себе кумира». Не является ли вторая заповедь повторением или продолжением первой? Мир Бога предстает перед Человеком во всем его великолепном многообразии, и ограничение сознания познающей души всего одним кумиром, простите, Богом, выглядит странно. Страстное поклонение любой, даже самой незначительной части мира, не означает ли поклонения всему Миру, ибо, как сказано, «в малом великое находит свое отражение», а мир и есть Бог. Для чего же в таком случае лишать Человека восторга, поднятого до состоя-

ния влюбленности, или даже экстаза, на предмет чего-то или кого-то, не соответствующего понятию «Бог», когда, повторюсь, все вокруг Бог?

– А вы, друг мой, прекрасный оратор, – похвалил товарища Долговязый. – И вот вам мой ответ, коллега. Приведите дитя малое в лавку игрушек, он, ошалевший, передергает всех за хвосты, поотрывает уши и глаза, переломает шарниры рук и ног и запрячет инструмент мастера, но себе так ничего и не выберет, впрочем, равно как и голодному нищенке оказаться в кухне: перекусает, понадгрызает, облюнжывает все подряд, перебьет в суету посуду и рухнет, в итоге заворот кишок, но голодный. И тому и другому надобно подсказать, ткнуть пальцем, задать направление и, увы, но пока ограничить, попридержать за рукав, дабы избежать вышеописанных разрушений. Бог и кумир, как понятия, сольются, но позже, вот для чего и сделана эта запись на скрижали.

Арбуз, наплевав на меры предосторожности, отлепился от таза и захлопал в ладоши, но вдруг опомнился и приглушенно сказал:

– Предлагаю дискутировать шепотом, у Ватикана уши повсюду.

– Даже здесь, посреди моря? – Долговязый с подозрением посмотрел на спутника.

– Обычная селедка, мой дорогой и беспечный друг, прекрасно слышит. – Арбуз театрально закатил глаза. – Правда, только ультразвук, но, как известно, есть вещи, брат Гора-

цио, на свете...

– Ну, шепотом так шепотом, – не стал возражать Долговязый, длинные конечности которого начали затекать, и он поторопил оппонента: – Следующая заповедь, профессор.

– Не поминай всуе, – почти беззвучно пошевелил губами Арбуз. – Зачем оберегать столь рьяно, что закрепить это законом, Имя Бога от произнесения его всякий раз, когда получится, но не когда надобно или возможно? Не становится ли сам Бог при упоминании имени Его только значительнее, и чем чаще произносится оно, тем сильнее носитель? Произнеси во мраке «свет» – и гримасу страха сменит улыбка надежды, а смелое утверждение в дождливый день, что рано или поздно пробьется из-за туч солнце, и впрямь осветляет унылый пейзаж за окном чувством грядущего прекращения низвержения вод с небес. Чем чаще «Бог» на устах, тем более Его в мыслях, вот мое мнение и запрещение сие оттого не приемлю, прости Господи.

Хоть набирающий силу ветер и мешал Долговязому слушать собеседника, тем не менее суть обвинений он уловил прекрасно.

– И здесь все логично. Третья заповедь поддерживает две первых, как цирковой силач на своих плечах более легких, но вертлявых клоунов.

– Сравнение – не очень, – поморщился Арбуз.

– Очень даже, – уверенно возразил Долговязый. – Первые заповеди на самом деле в клоунских колпаках: все рели-

гии твердят о величии Создателя, Его многогранности, многорукости (вспомни Шиву), Его всепроникаемости, всеприсутствию, и тут же, без зазрения совести, выделяют Его в отдельную фигуру, заявляя на белом глазу о любви к ближнему, как к самому себе, ибо все мы есть одно, а именно Господь Бог. Не так ли переменчивы эскапады клоуна – то хохочущего без удержу, то пускающего струи фальшивых слез, буквально ведрами?

– Положим, я захочу согласиться с тобой, – Арбуз смешно почмокал солеными от морских брызг губами, – но в чем тогда заключена «могучесть и широкие плечи» третьей заповеди, в чем благо ее «обмана»?

– Как раз в том, – Долговязый слегка приподнял затекший зад, – что забирает у Человека право (или желание) чрезмерного поминания имени Всевышнего, а значит, и излишних раздумываний на Его счет, ведь за словом следует деяние. Не поминай шута, он и не появится.

– Надеюсь, ты не о Боге сейчас, – выкатил глаза из орбит Арбуз.

– Именно о Нем, – неожиданно согласился Долговязый, – только не о том, что прячется от Человека (его сознания) за законами, канонами, художественными и литературными образами, о запрещенном заповедями, а об Истинном.

– Уже потянуло дымком от ног, – затрясся от беззвучного смеха Арбуз. – Сожгут, ей-богу, сожгут. Мы точно договоримся до гнева церкви.

Долговязый указал пальцем на неотвратимо чернеющее небо.

– До гнева Божьего непременно. Давай-ка, милый фрондер, разворачиваться к берегу, я буду грести, а ты молись.

– Молитва – тоже плацебо, – хохотнул Арбуз, видимо, не осознавая надвигающейся опасности. – Думаешь, поможет?

– Да, – уверенно кивнул Долговязый. – Особенно когда вместо весел ладони. Не хочешь молиться, переходи к следующей заповеди.

– С радостью! – воскликнул Арбуз, опустив в воду и свои руки, помогать другу. – День субботний. А вот здесь безобразие полное. Убеждать наивную человеческую душу в шестидневности сотворения Мира и на этом смехотворном основании заставлять прославлять один из дней календаря, присущего отдельно взятой планете в силу ее физических параметров и ближайшей к ней звезды. Вместо того чтобы посвящать себя Богу, Его деяниям, их величию и поиску собственного места подле трона Его когда пожелается, человеку оставляют определенное время, видимо, предлагая индульгенцию за грехи и бесчинства во все остальные дни, да, извини, забыл еще о заботах о хлебе насущном с перерывами на обед и сон. Моисею, думаю я, следовало бы первой стереть эту строку, если, конечно, тебе удастся разубедить меня.

Долговязый довольно ухмыльнулся:

– Моисею следовало бы в первую очередь прочесть ее своему народу, а не колошматить во гнев первую редакцию

скрижалей, дабы не пыхтеть потом снова на вершину Синая.

– Интересно, очень интересно, отчего же, по твоему мнению, так велико значение этого «миража»? – Арбуз наморщил гладкий лоб, и на нем едва-едва наметилась мелкая складочка.

– Позволь думать о Божьем промысле когда заблагорассудится, позабудут о хлебе насущном, перестанут рожать детей, строить жилища и чистить зубы, разбредутся по кабакам и сектам, получит тогда Создатель обратный эффект – при наличии свобод никакого познания себя. День субботний – это маяк, путеводная звезда, – нравоучительно закончил тираду Долговязый.

– А мне больше напоминает морковку для ослика. – Арбуз изобразил, что пялится на что-то перед глазами и хватает воздух ртом.

– Так и есть, – рассмеялся, глядя на представление товарища, Долговязый. – Морковка весьма сладкая, то есть эффективная, эта заповедь погружает человека в определенный цикл.

– Да мы проживаем сплошными циклами! – воскликнул Арбуз. – День и ночь, например, куда погружаться-то еще.

– Ты сейчас назвал цикл физического тела. – Долговязый проморгал от брызг глаза. – Душа разговаривает с Богом, пока тело отдыхает.

– Лунные фазы? – Арбуз внимательно посмотрел на друга, не перестающего грести.

– Цикл эмоционального тела, душа разговаривает с Богом, пока соответствующее тело обретает баланс.

– Весьма эмоционально воет на луну, – пошутил Арбуз. – Хорошо, времена года?

Долговязый не задумываясь ответил:

– Цикл эфирного тела, душа разговаривает с Богом, пока эфирное тело увядает, расцветает, плодоносит или «умирает».

– Принято, – воскликнул Арбуз, пытаясь перекрычать вопль ветра, шквалом налетевшего на утлое суденышко. – Ну а день субботний, что за цикл?

– Цикл ментального тела, – Долговязому также пришлось повысить голос, – то, что ближе всего человеку, пребывающему в физической оболочке. Душа разговаривает с Богом, потому что... так заповедано, в определенное время.

– Железный аргумент, – торжественно произнес Арбуз, также не переставая работать обеими руками. Сверкающие в грозовом небе молнии приближались к несчастным путешественникам с невообразимой быстротой.

– Тем более в субботу, – буркнул под нос Долговязый, стараясь грести в такт лихорадочным движениям товарища. – Самое время, пока еще не поздно, перейти к следующей заповеди.

– Согласен, не будем терять времени, – прерываясь на частое дыхание, произнес Арбуз. – Итак, вспомним родителей.

В этот момент яркая стрела молнии ударила совсем ря-

дом, с шипением исчезнув в морской пучине.

– Не спорю, мама, – испуганно прошептал Арбуз. – Я делаю это редко, но сейчас о другом. Почему закон заставляет, а ведь он именно заставляет, ибо за нарушение обещана кара, почитать, а не просто любить? Почитание заслуживается качествами либо деяниями, родители же появляются в жизни человека «случайным», с его точки зрения, образом и частенько представляют собой людей, достойных скорее порицания (опять же, по понятиям общества), нежели восхищения.

Любить того, кто с тобой от момента появления в этом мире с заботой и лаской, порою условными, легче, нежели почитать обладателей кармических хвостов, не очень-то нравящихся их ребенку. Жду твоих объяснений.

– Ответ прост. – Обессиленный Долговязый перестал сопротивляться волнам и сложил руки между ног. – Соблюдающий эту заповедь не совершит ошибки Адама по отношению к Господу Богу, родителю своему, и не покинет Рая. Это иное озвучивание первой заповеди, через принцип подобия – «Наверху как внизу». Человеку «подсовывают» уважение к старшему, к его родителю, дабы донести до сознания нерадивого дитя (молодой души) величие самого старшего родителя, то есть Бога. А самого родителя «призывают» к проявлению мудрости, намекая на соответствие Богу, коей ответ несет за своих детей.

Он снова принялся грести, а Арбуз, потеряв вздувшиеся

мозоли, перешел к шестой строке:

– Не убий. Для чего эта заповедь? Не служит ли она скорее напоминанием о возможности такого злодеяния, нежели фактором, его останавливающим? Знаешь ли ты (можешь ли представить) хоть одного человека, который, едва родившись, желает лишить жизни кого-нибудь себе подобного? Разве кто-то думает об этом? Дерево, в лесу растущее, не имеет замысла упасть во время грозы на соседа с целью поломать его ветви, травы вряд ли ждут бури, дабы сплестись друг с другом и вырвать корни из земли, а лежебоки камни не надеются на скорое землетрясение, чтобы расколоть соседям черепа, да и животные пожирают себе подобных с целью пропитания, что чуждо человеческой натуре и не требуется ему вовсе. К чему закону, останавливающему деяние сие, изначально о нем заявлять как об имеющем место быть среди людей?

Волны беспощадно лупили по тазу, гребцов кидало от борта к борту, разговаривать становилось все труднее. Поджидая удобного момента, Долговязый собирался с мыслями, а затем, в миг относительного затишья, быстро выкрикивал отдельную фразу. Вот его ответ, приводим здесь в непрерывном виде:

– Не забыл ли ты, мой друг, что человечество есть Каиново племя, и такой выбор сделал сын Адама не по собственной воле, но влекомый замыслом Творца. Посему и заповедь такова, ибо код убийства посеян в сознание человека, а зна-

чит, надобно было нейтрализовать его (код).

– Что ж получается? – искренне изумился Арбуз. – Творец одной рукой дает, согласно его же замыслу, возможность лишать жизни, а другой пишет заповедь, запрещающую деяние это, но в таком случае идеален ли сам Замысел?

Молния, распустившаяся великолепным, ослепительным цветком над его головой в сопровождении ужасающего грохота, напомнила человеку в тазу об уважении к Высшим Силам.

– Пути Господни неисповедимы, особенно для пассажиров столь ненадежного, я бы даже сказал, утлого суденышка, впрочем, как и сознание одного из них, да еще и в ненастье, – съязвил Долговязый, подведя черту под спором мудрецов на предмет шестой заповеди.

– Премного благодарю за высокую оценку моих способностей, – огрызнулся Арбуз, отплевывая соленую воду, что уже без стеснения летела в таз, в рот и за шиворот нерадивым матросам. – Послушайте, коллега, мне пришел в голову неожиданный, но в связи со складывающимися обстоятельствами своевременный вопрос: вы плавать умеете?

– Как топор, – улыбаясь во весь рот, браво ответил Долговязый.

– А это как? – удивленно заморгал Арбуз.

– Вы, дорогуша, в смысле стили? Это значит, моя голова, как самая тяжелая часть тела, пойдет ко дну вперед остального.

– Боже, как поэтично, – воскликнул Арбуз. – Должен признаться, я тоже не пловец, все мои достижения – это медленное погружение в горячую ванну со всеми мыслимыми и немислимыми предосторожностями.

– Вам, дружище, ничего не грозит, – Долговязый весело подмигнул напарнику и обнадеживающе сообщил: – Имея такое прекрасное шарообразное тело, вы останетесь на поверхности этого бушующего моря до окончаний бури, а затем тот самый легкий бриз, о котором вы бредили в начале путешествия, прибьет вас к берегу, мокрого, измученного, но вполне живого.

На это благодарный Арбуз воскликнул с энтузиазмом:

– Тогда вперед, спасем вас, мой любезный товарищ, а дабы не скучать за этим героическим, но монотонным занятием, продолжим нашу теологическую полемику, тем паче что подошли к самой волнительной (для мужчин) теме. С одной стороны – «Плодитесь и размножайтесь», с другой – «Не прелюбодействуй». Где истина?

– Посередине, – закатив глаза промурлыкал Долговязый.

– Еще раз. Душа облачается в биологическую оболочку, – Арбуз недовольно осмотрел себя, – приспособленную к размножению посредством определенных действий. Бытие, как часть Замысла Познания, требует необходимости этих самых действий ради воспроизведения оболочек для новых душ, а Творец, наделив сам процесс чувственными наслаждениями, сильнейшими эмоциями на физическом плане, дарует

душе Свободу Выбора и наказ «возлюбить ближнего», после чего ставит запрет заповедью. А вот теперь спрошу вас, мой друг, где ваша середина?

Застать Долговязого врасплох было невозможно.

– Там, где и всегда, посередине, коллега. Спору нет, за прещению, тем паче словесному, не пересилить физиологической тяги и устремлений чувственных, любви, как понимает ее неразвитый дух. В этом смысле заповедь – пустышка, но только для тех, кто пока еще не готов, что касается сомневающихся, например нас с тобой, пилюля прекрасно действует.

– А у тебя была когда-нибудь... – Арбуз осекся, зардевшись, а Долговязый на это угрюмо пробурчал:

– Давай, гребни, я вижу берег.

В свете частых вспышек и впрямь просматривался абрис гор, огни порта и силуэты судов, украшенных красными сигнальными фонарями на мачтах и надстройках.

– Все будет хорошо, – ободряюще пробормотал Арбуз, начавший уставать молотить по воде пухлыми ладонями.

– Твоя фраза также является плацебо. – Долговязый, хоть и упирался отчаянно коленками в борт, все равно подпрыгивал в тазу, хлопая задом по днищу, заполненному водой, выдавая при этом странную, чмокающую мелодию, совершенно не гармонирующую с его одухотворенной физиономией. – Лучше продолжим по теме.

Арбуз с готовностью затараторил:

– В Райских Куцах Адаму доступно было все, кроме Яблока Познания, при этом ведь именно его и хотел Отец Небесный скормить своему сыну. Неужели потомкам Первого Человека уготована судьба еще более тяжкая – при всем многообразии и изобилии Мира, где всего хватает всем, большинство двуногих недовольны имеющимся так сильно, что у Бога возникла необходимость Законом закрепить в них это недовольство?

Что твое – твое, на «чужое» не зарься, но если все от Бога, не жадничает ли подобной заповедью сам Господь Бог?

– Ничуть, – Долговязый, размяв пальцы, с удвоенной энергией погрузил ладони в воду, – бери сколько пожелаешь от щедрот Его, «набивай» карманы, полки и закрома, а лучше сердце свое, но как быть, коли что-то успел взять кто-то другой. Бог не ограничивает твоей возможности прильнуть устами к Истоку, Он всего лишь просит не высасывать благодатную влагу из чужих желудков.

– Полагаешь чужое добро порченным? – спросил Арбуз, восхищаясь про себя метафорами товарища.

– Энергетически, – Долговязый согласно кивнул, – вещь, побывавшая во владении другого, несет его наслоения, ибо была «обещана» (раз досталась прежде) именно ему. Она уже не эликсир (когда украдена), но фекалии.

– А если вещь преподнесена в дар?

– Добровольная, добросердечная передача снимает личные коды владельца, и дар, с точки зрения энергий, очищен

до первоначального состояния, даже если внешне грязен и поврежден. – Долговязый при этих словах вынул из кармана золотое перо и протянул спутнику. – Возьми, я знаю, ты давно заглядываешься на него.

Ошарашенный Арбуз протянул трясущуюся руку, а Долговязый с детской улыбкой на лице добавил:

– Правда, оно не пишет, сломалось.

В этот момент первая серьезная волна подняла таз с пассажирами достаточно высоко, у обоиххватило дух, а она, полная сил и задора, подождав с мгновение, беспардонно бросила корыто в черную бездну. Оглашая пустынную прибрежную полосу воплями ужаса и отчаяния, два мудреца погрузились в бурлящую пучину.

В критические моменты, связанные с выживанием плоти, она, эта самая плоть, казалось бы слабая и изнеженная, не приспособленная ни к чему, кроме комфорта, вдруг обретает могущество титана, хватку тигра и быстроту мангуста. Долговязый сросся с ручкой таза и, отчаянно работая ногами, не позволил бедному телу, а заодно и корыту, доставить удовольствие притихшим на дне крабам своим прибытием. Очувившись на поверхности беснующегося моря, он уже готов был оплакивать своего несчастного товарища, как вдруг услышал за спиной довольный крик:

– Эй, дружище, мы еще не закончили.

Забраться на борт, конечно же, не имелось и малейшей возможности, но держаться за корыто и, бултыхая ногами,

двигаться к берегу, даром, что ли, они люди ученые, у мудрецов вполне получалось. Портовые огни становились ближе, а море, решив пощадить бедолаг, весело подталкивало их в спины, посему друзья продолжили беседу, несмотря на посиневшие челюсти, стучащие друг о друга на холодном ветру.

Начал, как и договаривались, Арбуз:

– Как же человеку, находящемуся внутри Замысла на самой низшей ступени осознанности его, знать истинное положение вещей, и умудриться, выражая свое мнение, не исказить реальность? Лжесвидетельство, с точки зрения Высших Сил, не всегда кажется таковым тому, кто пребывает «внизу», и запрещать подобное заблуждение, естественно, кроме случаев намеренной клеветы, как минимум видится мне некорректным. Да и произнося откровенный поклеп на ближнего, не выполняю ли я роль, уготованную мне Всевышним, не в поте ли лица делаю свою «работу» в общем процессе Познания? Вот моя точка зрения – перестать искажать истину способен познавший ее, понимающий, что называет белое черным, а слепец, коим всякого на земле можно назвать, пока не отрастил крыл и не воспарил в Небеси, запросто белое может видеть черным и таковым же его и величать.

– Здесь соглашусь. – У Долговязого открылось второе дыхание, и он молотил ногами вдохновенно и с усердием. – Будь по-иному, Иуда (имеется в виду душа) никогда бы не согласился предать Иисуса, но заповедь эта не об отделе-

нии правды ото лжи, что невозможно в большинстве случаев для человека, а об осознании, что есть мыслеформа и каковы последствия рождения ее, подчас необдуманные. Опять возвращаемся к формуле – «Внизу, как и наверху». Как Бог несет ответственность за сотворение Человека, так Человек – за своих детей, мыслеформы.

– Господи, пощади всех попавших в кораблекрушение, – возопил Арбуз, а Долговязый, нащупав ногами дно, удовлетворенно заметил:

– Хорошая мыслеформа, сработала.

Вытащив таз на берег, обессиленные мудрецы рухнули подле него, и с четверть часа их окружал шум ветра, грохот прибоя и стук собственных сердец. Наконец, отдышавшись, Долговязый приподнялся на локте и обратился к товарищу:

– Дружище, прежде чем разойтись по домам, поставим точку в нашей полемике, осталась последняя заповедь.

Рассматривая начинающие проглядывать сквозь рваные облака звезды и наслаждаясь твердыми камнями под спиной, Арбуз благодушно ответил:

– Я не против. Не от несправедливости ли мира сего, если рассуждать устами человека, наблюдающего вокруг полное отсутствие гармонии и равновесия, зависть, поселившаяся и укрепившаяся в сердцах людских со времен прадедов их, Каина и Авеля? Не трудится ли один в поле, срывая кожу до мяса и обливая собственные раны соленым потом, дни напролет и не имеет при этом ничего, кроме воды в ручье и

кислого плода с дикой яблони, пока другой в шелках нежится на мягких подушках в окружении прекрасных дев и чанов терпкого вина? А коли пожелал Господь сотворить и видеть мир таковым, для чего запрещать хилому да сирому заглядывать с завистью через забор к соседу и с вожделением в спальню его жены, ведь он, несчастный, и так обделен, зачем наказывать его еще?

Долговязый глубоко вздохнул:

– От зависти, куда душа молода, не избавиться, это так, друг мой сердечный, и если ты умен, как я, к примеру, но обладаешь только старым тазом, а мимо проходят яхты и фрегаты, где паруса из индийского шелка, а буквы в их названиях покрыты сусальным золотом, в чревах же этих деревянных плавучих дворцов полно, как в муравейнике, откровенных глупцов, то непременно тебе захочется поменяться с ними местами. Но заповедь не об этом.

– О чем же, черт возьми, когда корыто наше едва не утопило нас, могу еще я думать, как не пересечь к ним, – театрально возмутился Арбуз.

– О том, что, запрещая вожделеть материальное, Господь нам намекает о духовном, о помыслах, направленных на истину, которая лежит чуть выше забора соседа и мягкой перины его жены, – улыбнулся Долговязый и поднялся на ноги.

Обнявшись, они, пошатываясь, двинулись прочь, а портовый сторож, глядя на странную парочку, спотыкающуюся и матерящуюся без умолку, авторитетно заметил:

– Люди хоть и ученые, а выпить тоже... не дураки.

Беглецы

Чем память не отличается, так это совестью и тактом, тем славится, тем и страшит.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – истерично вопит возмущенный Разум.

– Да все вообще было по-другому, – фальшиво усмехается уязвленное Эго, а она (Память) с беспечной улыбкой неотвратимости переворачивает очередную страницу твоей истории, открывая самые неприличные стороны, самые обнаженные натуры, самые потаенные уголки и самые пыльные скелеты, казалось бы, и не на всеобщее обозрение, а только и исключительно очам создателя этих самых «артефактов», но как больно и боязно позволить себе просто прикоснуться к ним.

Мы были тогда абсолютно молоды, безмерно смешливы и в меру смелы, искренне беспечны и катастрофически глупы. Нам казалось, стоит только покинуть дом, оставив в нем незакрытой дверь, спящих родителей и ту часть жизни, что умещалась на нескольких разошедшихся от времени книжных полках и внутри закопанной в саду, под старой липой жестяной банки, содержимое которой именовалось «секретом» и произносилось шепотом, и мир, ослепительный и таинственный, примет в свои безграничные объятия с любовью

и нежностью.

Так мы и поступили, не стыдясь помыслов и не гнушаясь последствиями, я и мой товарищ. Ночь скрыла слезы на глазах отважных беглецов, дождь смыл неверные следы, а на алтарь новой жизни были брошены данные родителями имена, и отныне бредущие во тьме стали Ромулом и Ремом.

Спине уютно на колючем, но теплом песке, под голову подсунута мягкая, вкусно пахнущая кочка луговой травы, ноги, чуть выше колен, погружены в прохладу речных струй, прогретых полуденным солнцем и танцами бесчисленных, сверкающих телец малька плотвицы, над головой бесконечная синева, растворяющая в себе печали и заботы, а рядом друг, теперь даже не друг, а брат, Рем, вот это настоящая жизнь, истинное счастье и полная свобода, оплаченная смелым, так, по крайней мере, мне думается, и непоколебимым нашим решением.

– Ромул, – над безмятежным пейзажем ленивый голос товарища звучит весьма органично, – может, перед тем, как начать строить свой «Новый Рим», пообедаем?

Я хлопаю по карманам закатанных штанин, они пусты, мою лепешку мы доели вчера.

– У тебя есть что-нибудь?

Всякий строитель, в широком смысле слова, основатель, создатель, по обычаю начинает со слома, порой не важно чего, но такая последовательность обязательна: разрушить, отвергнуть, отказаться, отвернуться, в случаях глобального

творчества, убить, уничтожить и только после этого, на обломках, на пепелище, на погосте развернуться, принять, увидеть и... что-то слепить, частенько в жалких попытках исправить содеянное. Этой участи, этой программы, этого наказания, к сожалению, не избежали и мы.

– Ромул, – возмущенно воскликнул мой соавтор, – хлеб, что был у меня, съеден еще два дня назад. О чем ты думал?

Рем всегда паниковал, в набегах на чужие сады он заранее предрекал неудачи, а при распределении «добычи» хныкал по поводу незрелых плодов и завтрашнего расстройтва желудка.

– Рем, – попытался успокоить его я, – через пару часов солнце нагреет осоку, шука, что прячется в ней, обленится от жары и начнет высовывать любопытное рыло наружу. Сделаем острогу, и к вечеру у нас будет зажаренная рыба.

– Где зажаренная? – хмыкнул он обиженно. – Ни спичек, ни огнива каменщики-масоны прихватить с собой не удосужились.

– Положи руку на песок, – улыбнулся я. – Лучше сковороды.

– Вот-вот, – буркнул мой скептически настроенный товарищ. – Поэтому наш мир таков.

– Ты о чем? – удивился я, пытаюсь следовать его логике.

– Города, империи, цивилизации разваливались, не просуществовав сколь-нибудь значительных сроков, исключительно по причине такого вот подхода к их сотворению. –

Рем, сидевший в тени ивы, коснулся ладонью песка и тут же отдернул ее.

– Будь у сынов Израилевых спички... – расхохотался я, на что Рем прищурившись, заметил:

– Зря ерничаете. Моисей повел людей в пустыню без всего, с одной верой, и к чему это привело.

– Он спасал свой народ. – Я приподнялся на локте. – У него не было времени, вера – единственная его наличность.

– Именно, – с горящими глазами согласился Рем, большой любитель поспорить. – Вера была только у него, остальные верили не Богу, а ему. Он – обманщик.

– Бог дал им все, еду, спасение, заповеди, – я, незаметно для себя, включился в дискуссию. – Где ты видишь обман?

– Моисей не знал наверняка, что так будет, он не имел спичек или огнива. – Рем бросил колючий взгляд на меня. – Как и ты не мог знать, нагреет ли сегодня солнце песок, зажарить щуку, которая, кстати, ушла бы без него на глубину.

«У компаньона с логикой лады», – решил я, вытаскивая из воды ноги, измученные острыми губами мальков и двумя жирными пиявками, даже на солнце не желавшими оставить меня в покое, а он и не думал униматься:

– И да, кстати, насчет остроги?

– А что не так с ней? – Я наконец оторвал непрошенных гостей от лодыжек и с отвращением бросил в реку черных прилипал.

– Инструмент сложный, как думаешь изготавливать его?

Хотя постой, догадаюсь сам. – Рем сжал губы и прищурился. – Ты прихватил с собой отцовский охотничий нож. Нет? Тогда стянул у безутешной матушки маникюрные ножницы. Снова мимо? Может быть, наточенный до остроты скальпеля ноготь на левом мизинце? Не то? Остается последнее предположение, рояль в кустах, например, давеча ты обнаружил утерянный в здешних краях королем Артуром Экскалибур.

Видимо, посчитав шутку не просто удачной, а почти гениальной, Рем затрясся от своего специфического хохота, такой смесью повизгивания и похрюкивания вперемешку со звонкой икотой.

Я сразу же припомнил наше знакомство, ведь именно эта отвратительная манера выражать свою радость подружила нас. Дело было так: мне достались по наследству шорты старшего брата, вещь ношенная, протертая до дыр, да еще на два размера больше. Отец, всунув мое безвольно болтающееся тело в этот сомнительного вида наряд, скептически заметил:

– Выглядит стильно, винтажно и... – Здесь он на секунду задумался, едва сдерживая смех. – И комфортно.

В качестве обеспечения заявленного удобства через мои плечи были переброшены крест-накрест две веревки, подцепленные к «мешкообразному кокону», в качестве подтяжек и выдано короткое резюме:

– Носи с гордостью.

В отчете доме имелось единственное, небольшое зеркальце, где папаша мог рассмотреть часть своей щетины, когда

решал, что пришла пора побриться, и то на недостижимой для меня высоте. Именно это обстоятельство позволило мне отправиться на променад в подобном наряде, может, и не с гордым видом, но безо всякого смущения. Первым встречным оказался соседский мальчишка, мой ровесник, противный малый, коего недолюбливала вся улица за чрезмерную язвительность и удивительную меткость при стрельбе из рогатки. Завидев меня, он остановился и, подбоченившись, с ухмылочкой сказал:

– Наложил в штаны и боишься показаться маменьке?

Его грязный палец с обгрызенным ногтем указал на мой обвисший зад.

– Так и будешь ходить, пока само не высохнет.

После чего распахнул рот, полный кривых молочных зубов, и разразился своим омерзительным «хрюканьем».

Я, как воспитанный человек, ожидал окончания его истерики, дабы объяснить наглецу ошибочное им восприятие мира, но тот, истинный поганец, набирал воздуха в легкие снова и снова, вызывая у себя приступы смеха и продлевая мои внутренние мучения.

Терпения и воспитания хватило на пару минут, я с разворота всунул ему в рот свой кулак, мы подрались, но после подсчета потерянных зубов (оказалось поровну на двоих) подружились, надолго.

– Насчет рояля угадал, – начал я миролюбиво. – Взгляни вверх, прямо над тобой молния срезала ветку под нужным

углом. Острога приготовлена нам самим провидением, я заметил ее утром, пока ты спал.

– Ты просто как Моисей, брат Ромул, – воскликнул довольный Рем, поднимаясь на ноги. – Вера дала ему спасение, а тебе острогу. Полезай на плечи, достанем ее, я голоден.

Я так и не понял, сказано это было смехом или серьезно, но взобравшись на холку другу, я взмыл вверх и, отмерив необходимую длину, сломал ветку. Хруст рвущихся волокон над головой наложился на звук всплеска в воде. Мы оба опустили глаза, и Рем от неожиданности дернулся так сильно, что я не удержался на его плечах и вместе с ценной острогой полетел навстречу с песчаной полоской, услужливо предоставленной мне для мягкой посадки Матушкой Землей.

Чистый, звонкий, залиvistый смех очаровательного, ослепительной красоты, можно было бы сказать, небесного существа, если бы не чешуйчатый рыбий хвост, примирил нас с последствиями такого конфуза. Рем застыл под ивой, не смея оторвать взгляда от удивительного зрелища, а я, отплеываясь песком, забившим нос и рот, горько сожалел о столь неприглядном кульбите, в котором мне невольно пришлось исполнить главную роль.

Она, лучезарная и... великолепная, перестала смеяться, первым из нас «очнулся» пройдоха Рем.

– Кто ты?

«Деревенщина, – подумал я, – разве так обращаются к царицам, к Венерам, к Богиням».

– Можете сами назвать меня, – прозвучал мелодичный голос.

– Рыба, – выдохнул Рем (точно, деревенщина).

– Дева, – прошептал я почтительно.

– Мне нравится, – согласилась она. – Буду Дева-Рыба.

– А может быть и по-другому? – Рем, по обыкновению, вцепился в тему, как клещ.

Прекрасная незнакомка подплыла к самому берегу и, уложив голову с длинными рыжими волосами на ладони, лукаво улыбнулась:

– Встретишь меня в пустыне, буду Дева-Ящерица, в холодных снегах – Девой-Снежинкой.

– Где тебя ни встретить, окажешься в Раю, – воскликнул Рем.

«А деревенщина быстро переобулся в подхалима», – заметил про себя я. Дева-Рыба вильнула хвостом, и кувшинки, окружавшие ее, пустились в пляс.

– В Раю имя мое Ева.

– А в Аду? – «бухнул», не подумав, я, отчего тут же засмущался и покраснел.

Она улыбнулась и, похоже, даже не обиделась.

– Девой – Светом Надежды величают меня в тамошних чертогах.

– Ну а человеческое имя есть у тебя? – Рем подошел к воде и присел на корточки. Наша собеседница, нисколько не смущаясь, поднялась из воды, обнажив безупречное тело.

– Дева Мария, это мое имя среди людей.

Мы, пораженные и оглушенные, переглянулись. Я много раз видел ее изображение на иконах и теперь понял – сходство было очевидным. Похоже, Рема одолевали те же мысли.

– Что ты делаешь здесь, в реке? – спросил он, как всегда точный в своем любопытстве.

– Возвращаю беглецов, – прозвучало в ответ.

– Мы не беглецы, – поторопился сказать мой товарищ, а я подумал: «Разве от Богини можно что-нибудь утаить?»

Дева-Рыба грациозно погрузилась в воду, оставив над поверхностью только голову.

– Каждый человек – беглец. Беглец от Жизни, от того, что не в состоянии наступать на осколки содеянного ранее и задержаться на них, оценить себя, дать возможность ранам «кровоточить». В этом страхе люди передвигают ногами все быстрее, накапливая в спешке новые осколки, множа их до размеров Голгофы.

Дева говорила очень серьезно, с неподдельной грустью в голосе, но полным отсутствием печали во взгляде. В этом, мне показалось, существовал некий диссонанс, и я спросил:

– Все – и мужчины и женщины?

Незнакомка утвердительно покачала головой, и ее волосы распределились по воде вокруг огромным рыжим пятном.

– У всех одинаковые осколки, только мужчины и женщины ступают по-разному.

Как-то матушка поведала мне, кривляющемуся на базар-

ной площади перед уличной танцовщицей, что из зависти балерине в пуанты могли подсыпать битого стекла, но публика в зале видела при этом только улыбку на ее лице. Сей факт поразил сердце мальчика настолько, что тем же вечером я разыскал старую бутылку, булыжником натолок стекло и высыпал эту пыточную смесь в свои башмаки. Перед тем как сунуть ногу внутрь, я некоторое время раздумывал о смысле подобных экспериментов, устраиваемых ради пустого любопытства, о чувстве самосохранения, данного человеку неспроста, и вообще, о логике тех или иных действий, предпринимаемых спонтанно, то есть, откровенно говоря, я здорово трусил, но глаза танцовщицы не покидали моего воображения, что и послужило в конечном итоге принятию непростого решения. Я опустил стопу в башмак... весь «зрительный зал», а это по меньшей мере три-четыре ближайших квартала, тут же узнал о моем позоре.

К слову сказать, соседка, полностью глухая бабка от рождения, впервые в жизни вздрогнула от осязаемого толчка в правом ухе.

– Можешь объяснить подробнее? – Вопрос различия полов, как видите, был для меня не праздным.

Дева-Рыба снова приподнялась из воды, и ее рыжая шевелюра идеальным «колпаком» легла на плечи, этакий огненно-красный колокольчик-поплавок на речной глади.

– Вместо того чтобы остаться в осознании содеянного, Человек делает следующий шаг, лишь бы не испытывать кар-

мическую боль, он как безумный «пляшет» на битом стекле последствий. Иисус мог ходить по волнам, ибо карма его по чистоте отличалась от людской, как вода от земли, а воспарил, когда очистил ее до разницы «воздух-вода».

Рем громко чихнул, а Дева улыбнулась и продолжила:

– Очевидно, что душа получает женское или мужское тело не случайным образом. Определенный набор обретенных пороков и накопленных грехов формирует следующий пол. Например, гордец, скорее всего, будь он сейчас мужчиной, не сменит пол (равно как и женщина), но получит тело, которого станет стыдиться, и напротив, смиренный обретет внутреннюю красоту, но уже в другой ипостаси. Искренне усомнившийся в первой заповеди, но продолжающий искать Бога, сменит пол, дабы смог он постичь сияние Частицы Бога вне зависимости от ипостасей, когда обе есть Одно. Насмехающийся же намеренно в сарказме своем останется в юбке, коли был рожден женой, но ждет его монастырь, дабы убедиться в истине, работая и прославляя Бога (религия здесь не играет роли, мечеть, синагога или католический храм).

Закончив, она игриво плеснула в меня веером брызг, я обиделся:

– Зачем?

– Дева крестила тебя только что, дуралей, – хохотнул Рем, а наша гостья, улыбка которой и не собиралась покидать лица, завораживающим голосом поправила моего товарища:

– Рот у него был открыт, а это неприлично.

– Сговорились? – насупился я, а Рем, чтобы разрядить обстановку, быстренько перевел тему:

– Ну а кто сотворит себе кумира, какая метаморфоза ждет его?

Дева-Рыба погрузилась в реку обратно, слишком много солнца, надо полагать, раздражало ее.

– В следующем воплощении он обретет полную его, кумира, противоположность – и полом, и качествами.

– То есть, – Рем прямо-таки подпрыгнул, – поклоняйся я силе и красоте Аполлона...

Рыба закончила за него сама:

– Ты воплотишься неуклюжей, непривлекательной дамой. Стоя перед его изображением, тебя будет снедать зависть, раздражение, возможно, ненависть – чувства, иной раз непонятные тебе самой, но яркие и не дающие покоя. Таким образом ты будешь развенчивать образ кумира, уравновешивать энергетически, хотя потери энергии будут иметь место в обоих случаях.

– А третья заповедь? – напомнил я о себе. – Как изменит ее нарушение облик и саму жизнь человека?

Дева подмигнула мне огромными зелеными глазами:

– Жене, без умолку трещащей на всех углах обо всем и вставляющей в этот словесный поток Имя Господа безо всякого смысла, скорее всего, быть молчаливым мужем, в крайнем варианте – немым. Мужчина, поправший эту заповедь, не обязательно сменит штаны на юбку, но его слово-

охотливость преобразуется в словоблудие и будет приносить сплошные неприятности.

– Страшно представить последствия нарушения заповеди о дне субботнем, – широко раскрыв глаза, прошептал, еле сдерживая при этом смех, мой недалекий брат.

– Нарушение этой заповеди, – наша прекрасная незнакомка и бровью не повела, – не влияет на будущий пол, но человека ждет лишение свободы тем или иным образом: домохозяйка, калека, тюремный заключенный или надсмотрщик.

Едва она успела закончить, как Рем, словно мы вступили с ним в словесную дуэль, сделал новый «выстрел»:

– А непочитание родителя?

Дева-Рыба повернула голову к нему:

– Не почитающий родителей может нанести им обиду, энергетически сродни проклятию. Родовой эгрегор, как тонкое образование, весьма силен, и любые шероховатости внутри рода – болезненная карма. Сын, не почитавший мать, будучи воплощен женщиной, будет иметь слабую связь с дочерью или вообще может не иметь детей, а став отцом, столкнется с неповиновением сына. Если сын не почитал отца, то в роли женщины будет безразличен сыну своему, испытывая при этом любовь-восхищение к нему. В роли отца его ждет все то же самое по отношению к дочери. Если девочка не почитает мать, как женщина она будет иметь проблемы с половой системой, а как мужчина – множество неудачных браков. Если со стороны дочери было проявлено неуважение к

отцу – в роли женщины неминуемы насмешки со стороны противоположного пола, а как мужчина – мягкий безвольный характер.

Мы замолчали все втроем. Рыба, понятное дело, ждала вопросов, Рем наверняка так же, как и я, «прокручивал» в голове свои отношения с покинутыми таким беспардонным образом, как это сделали мы, родителями. Мне, к сожалению, похвастаться на поприще почитания отца и матери было нечем. Ремень в папашиной руке не раз хаживал по моей спине (чаще чуть ниже), а слова матушки, влетавшие в голову через уши, не задерживались внутри ни на миг, в виду отсутствия там приспособлений для их крепления.

Рем очнулся первым, он тяжело вздохнул и сказал:

– Давайте лучше перейдем к убийцам.

– Убийца женщины сам примет насильственную смерть в женском облике, убийца мужчины – соответственно в «одеждах» мужа. Но если согрешившего постигнет кара уже в текущем воплощении, он не избежит этой участи и в следующем, в качестве самоубийцы. – Рыба смахнула слезу. – Печальная участь.

– А насколько она печальна у сладострастца? – ухмыльнулся Рем, беззастенчиво разглядывая перси Девы.

– Я знаю, – вырвалось у меня, но, устыдившись собственной несдержанности, я зарделся и опустил глаза.

– Интересно, – проворковала Рыба, быстро «захлопав» пышными ресницами. – Поведаеть?

– Вы не так поняли, – заикаясь, начал оправдываться я. –
Участь прелюбодея известна мне прямо в этой жизни.

– Тем еще интересней. – Рем состроил умилительную физиономию. – Не тяни, мой загадочный брат.

– К нам домой одно время зачастил папин знакомый, которого он почему-то величал ловеласом местного значения. Однажды меж ними произошла ссора, мужчины вопили друг на друга, используя незнакомые слова и наречия. Хлипкая перегородка нашего жилища ходила ходуном, а мама прижимала меня к себе, стараясь руками закрыть и мои уши и глаза. Потом все стихло, в дверях появился отец и на молчаливый вопрос матери сказал: «Он ушел». И, криво усмехнувшись, добавил: «Предпочел сделать это через окно». Мать вздрогнула, а отец обнял нас, и на душе, по крайней мере у меня точно, стало очень хорошо.

– Ха, – усмехнулся Рем. – Известное дело, все прелюбодеи для выхода используют окна вместо дверей.

– Наверное, – равнодушно выдохнул я. – Только больше этого ловеласа никто не видел.

– Не ссорьтесь, мальчики, – примирительно произнесла Дева-Рыба. – Прелюбодея ждет одиночество, полное отсутствие внимания со стороны противоположного пола либо, как вариация на тему, нескончаемые измены партнера, к которому он будет испытывать настоящие, искренние чувства.

– Тогда его участь не менее печальна, чем у убийцы, – философски заметил Рем, и я мысленно согласился с ним.

– Проголодались? – неожиданно спросила Дева и, не дожидаясь ответа, хлопнула бирюзовым хвостом по кувшинам, из-под которых вылетела внушительного вида плотвица и, оглушенная, шлепнулась прямо на песок перед нашими изумленными физиономиями.

– Только я хотел узнать о воровстве – и вот тебе на! – воскликнул Рем.

– Не украли ли мы у реки ее собственность? – схожая мысль пришла в голову и мне.

– Вовсе нет, – весело сообщила Дева. – Эта особь через секунду выполнила бы свой кармический долг, доставшись на зуб щуке, той самой, что обязана своей жизнью вам, не убившим ее острогой.

– Но острогу сломала ты, – воскликнул я, – пусть и косвенно, своим неожиданным появлением.

– С точки зрения перетекания энергии я поэтому разговариваю с вами. – Дева-Рыба недовольно хмыкнула. – И вообще, неблагодарное дело вмешиваться в работу Совета. Продолжим, вор обречен быть обкраденным, это очевиднее очевидного, но эквивалент его потерь будет соответствовать эволюционному шагу человечества между воплощениями, или шажку, или рывку. В любом случае кармический коэффициент пересчета всегда больше единицы. Залезая в чужой карман сейчас, запускаешь лапу в свой завтра.

Рем, присыпая рыбину горячим песком, деловито пробурчал:

– Я всегда догадывался об этом, после ворованных яблок, даже спелых и мытых, несет, как от ранней кислятины.

Обнародовать, без излишнего смущения, даже самые интимные подробности, подумал я, это в его духе. Чего стоит многократно повторенная, просмакованная история о том, как слепень гигантских размеров во время купания посмел устроиться на его причинном месте (тут слушателю надобно, по задумке Рема, сделать заодно и вывод о габаритах его достоинства), а он, в горячке и от возмущения, приложился по отвратительной морде с кровососущим хоботком что было сил. О столь славной победе узнали многие купающиеся и отдыхающие в округе, хотя наш герой с трудом добрался до дома, постанывая и еле передвигая ногами.

Является этот перформанс правдой или нет, меня никогда не интересовало, а вот что ждет лжеца, очень даже.

Дева-Рыба ответствовала по этому поводу достаточно кратко:

– Ложь – это подделка подписи Бога, Творца Мира, а значит, в следующем воплощении лжец будет видеть мир искаженным, не понимать сути вещей и явлений. Ложь – одна из главных тормозящих эволюционный путь развития индивидуума сила.

Солнце пекло нещадно, Рем, сидя на корточках перед запекающейся плотвой, периодически отгребал песок, посмотреть готовность, а решив, что пришла пора переворачивать, сдул песчинки и обломками остроги ловко совершил нужное

действие. Глаза его горели восторгом и радостью, а мои отражали... зависть к его умениям и талантам.

Дева-Рыба, похоже, угадала мое настроение и, окунув прекрасный лик в воду, глядя мне в глаза, сказала:

– Зависть – прямой спор с Богом, нежелание двигаться, изменяться, напрягаться, познавать и получать, как итог, изменения в себе. Завистник придет в новое воплощение со скрытыми талантами, отыскать кои ему придется через тяжелый труд или... пройти жизнь без ярких моментов.

Я понимающе покивал головой, а ничего не замечающий вокруг Рем, завопил:

– Готово, прошу к столу.

Тихий всплеск за его спиной обозначил исчезновение из нашей жизни Девы-Рыбы. Кувшинки, сомкнувшись над ней, еще некоторое время подпрыгивали на волнах, но вскоре застухли и застыли в окружающем пространстве, как яркие мазки на подготовленном холсте.

– Что скажешь, брат? – обратился ко мне Рем, разламывая ароматную, дымящуюся тушку пополам.

Я понял, о чем он, и, приняв свой кусок, ответил:

– Человек строит себя через разрушение, увы. Братья, чьи имена мы решили примерить на себя, не смогли договориться о месте нахождения общины, и один убил другого.

– Как Каин и Авель, – подхватил мой дорогой Рем. – Они просто не поделили отвержение и благодать Бога.

– Но мы сделаем это, – указал я на разломленную плот-

вищу.

Он согласно кивнул, улыбнулся, и мы быстро расправились со своим обедом. День был в самом разгаре, лесные певчие сходили с ума от собственного галдежа, мальки сновали на мелководье, отбрасывая солнечные блики от юрких, сверкающих телец, воздух, наполненный ароматом цветов, воска и смолы, кружил голову. Мы были молоды, смешливы, смелы, безрассудны, беспечны и... неожиданно мудры.

Весь мир распростерся перед нами, стоило сделать шаг и перейти «Рубикон», но мы повернули назад, к дому, дабы не наделать глупостей, как наши далекие предки, унося в своих сердцах вместе с речной прохладой воспоминание об удивительной Деве-Рыбе, обитающей повсюду и всегда возвращающей несмышленных беглецов.

Два Солнца

– Красотища, – пропел Ангел, расправляя крылья внушительных размеров и протирая кристальные очи белоснежными перьями. – Всякий раз поражаюсь Его талантам.

– Ты о чем? – удивился Антипод. – Тьма кромешная, не видно ни зги.

– Да ты переходи сюда, в «Рассвет», – откликнулся Ангел. – Пора, дружище, на службу.

Ангельский Мир, пространство пятого измерения, штука занятная: течения времени нет, все перемещения за счет мысленного намерения, а ячейки – вселенные, вещи в себе, хочешь пребывать в одной из них, так просто переходи в нужную и будь там хоть целую вечность.

Антипод поморщился (так положено), стряхнул с себя задумчивость и... «шагнул» к коллеге. Земной мир, в котором им обоим Контрактом предписывалось находиться для сопровождения Воплощенной Души, и вправду был великолепен. Тонкий план не так богат и разноцветен, не столь преисполнен звуками и формами, ведь его суть – медитация, размышление, анализ, а не действие, напряжение, порыв. Здесь же все бушевало, кипело, сверкало, двигалось, рушилось, созидалось, звучало, рождалось, жило, ошибалось, падало, поднималось и... затихало, затвердевало, умирало. Подоб-

ную активность обеспечивали страсти, пороки и прегрешения, все то, что напрочь отсутствовало в мирах ангелов.

И вот над этим «котлом», пожиравшим в качестве приправы все новые и новые души, отдавая обратно в виде испарений частицы Божьи, уже бестелесные, светило два Солнца, ибо так замыслил Создатель, так сотворил сие, и так оно было проявлено.

– Прекрасный вид, – согласился Антипод, отдавая должное задумке и исполнению.

– Мне тоже очень нравится, – присоединилась к общим восторгам Проявленная Душа.

– Спи, – оборвал ее Антипод. – Мы еще не в «Пробуждении».

– Эй, – одернул темнокрылого Ангел. – Душа еще вправе во времени и положении знать то, что желает знать.

Воплощенная тяжело вздохнула:

– Я знаю точно, что, открыв глаза там, увижу в окне только одно светило. Почему так?

– А вот так положено бескрылым. – Антипод никогда не отличался ни терпением, ни манерами.

– Прямолинейность, достойная возбужденного бычка-малолетки, – язвительно констатировал Ангел и, не обращая внимания на гневный взор Антипода, обратился к Душе: – Два Солнца освещают сдвоенный мир, каждое – свое пространство: одно обеспечивает жизнь биологическую, другое – духовную.

– К чему ей подобные тонкости, прозеваается, веки разлепит и ничегошеньки не вспомнит, – пробурчал Антипод. – Пустая трата времени.

– Пока мы Здесь, – улыбнулся Ангел и Душа вслед за ним. – Оно бесконечно, или ты куда-то спешишь?

Он посмотрел на Антипода, почесывающего когтистой лапой морщинистую, как слоновья спина, шею.

– Скорее в «Пробуждение», надоела мне эта болтовня. – Крылатое существо с черным оперением надуло губы и обиженно отвернулось.

– Как хорошо было бы без него, – посетовала Воплощенная Душа, юркнув под крыло Ангела.

– Ну, – белые перья укрыли плечи Души, – не обижайся на него, не было бы Антипода, не существовала бы и ты.

Ангел развернул к себе лик Воплощенной.

– Я расскажу тебе. Физический план создан нагнетанием тонкой ткани (энергией Любви) в ограниченное пространство (будущая Вселенная четвертого измерения) и за счет уплотнения получается материя, из которой можно «лепить» плотные тела. Глина, послужившая Богу в качестве исходного материала для сотворения Адама, всего лишь любовь Отца Небесного невообразимого количества, втиснутая в ограниченное человеческим телом пространство. Вознесшийся Иисус, растворенный в Свет, залил им весь земной мир. Каждое изображение или упоминание о нем есть части любви (энергии), умещавшейся в его земную оболочку. Сложи

их вместе и получишь Его величие, равное, с точки зрения Создателя, в том числе и твоему, дорогая Душа. Теперь же можешь представить пределы Духовного Солнца, уплотненного до размеров Физического.

– А при чем здесь Антипод? – недоуменно спросила Душа, не смея оторвать взгляда от ангельских очей.

– Представь себе, для сотворения чего-либо Бог берет часть энергии, равномерно распределенную в Его Теле, и концентрирует в одном месте. Значит, в другом создается разрежение, ее недостаток, а отсутствие Света есть Тьма, антиматерия. Антипод есть «плата» за твое появление, он удерживает «качели состояния присутствия» на своей чаше, противоположную занимаю я, а ты – их ось.

– Все равно ничего не понятно. – Воплощенная Душа силилась осознать услышанное (человек в постели кряхтел и вертелся с бока на бок).

Ангел почесал светящуюся макушку, нимб его дрожал в напряжении. Он осознавал сложность даваемых истин и не мог решить, какие метафоры ему использовать далее. Наконец, после некоторых раздумий, светлоликий сказал:

– Внемли. Физическое Солнце, как вибрирующее ниже, есть антипод Духовного.

Громогласный хохот темнокрылого заставил душу вздрогнуть.

– Вот это объяснил! Судя по выражению лица «ученика», он запутался еще больше. Ты же все-таки Хранитель, а не

мучитель, оставь его хилое сознание в покое, давайте-ка лучше переходить в «Пробуждение».

– Я не хочу, еще рано, – взмолилась Воплощенная Душа.

– На работу опоздаешь, – съехидничал Антипод. – Выговор с занесением, лишение премии и что там еще у вас имеется?

– Почему без Антипода нельзя? – Душа, не обращая внимания на колкие замечания темного существа, во все глаза смотрела на Ангела. Видимо, светлокрылый начал тщательно подбирать слова, отчего его речь пошла неторопливо и с заиканиями.

– Духовное Солнце – одна из ипостасей Творца, именно она создает Вселенные физического плана, в Троице Мироздания это Бог Отец. Бог Сын, его «представитель» в физическом мире, Совокупная Душа, действующее лицо на Сцене Познания, а Дух Святой есть сама энергия Любви, чистая и непорочная. Дабы запустить процесс самопознания, что, по сути, является актом создания проявленного мира, Абсолюту необходимо трансформировать, уплотнить Дух Святой, разлитый по телу Его равномерно (я уже говорил об этом). Нужно «надавить» в определенном месте поле Любви, заставить ее стекать в эту воронку, то есть произвести Акт Насилия. Инструментом такого действия является сотворение Совокупного Антипода, способного, в отличие от Создателя, совершать вмешательство в гармонию.

Антипод подбоченился и гордо вскинул подбородок.

– Слышала, недоделанная?

– Без оскорблений, – осадил коллегу Ангел и погладил по голове Душу. – Бескрылый не может смотреть на Физическое Солнце, он тут же слепнет, что говорит о его неспособности зреть Духовное Светило, пока душа окутана самостью. Но и Антипод, хоть он и хорохорится, может видеть Духовное Солнце только твоими глазами, останься он в одиночестве – ждет его слепота.

– А вот здесь можно было и промолчать, – обиделся темнокрылый, – подопечный уже вспотел. – Подушка под головой спящего и впрямь промокла насквозь. – Давайте к «Пробуждению», ей-ей, пора.

– Кто-нибудь из людей видел хоть когда-нибудь Духовное Солнце? – Воплощенная Душа явно не желала переходить в следующий этап бытия.

Ангел кивнул головой.

– Великий Свет, с коим «разговаривал» Савл по дороге в Дамаск, было вышедшее из-за туч его самости Духовное Светило, ибо его предназначение – освещать духовные пути, согревать верой и давать духовное питание, то есть Просветление. Если для обычного, Физического Солнца, требуется чистое небо, что не зависит от воли человека, то для Духовного – чистое сердце, а это уже во власти человеческой души.

– Возможно ль, – вскричала Душа, крепко обнимая ангельское тело, – и мне добиться этого?

– Незнающий, – добродушно произнес светлоликий, – пу-

гается отсутствия солнца в пасмурный день, а облаченный знанием понимает, что оно есть, не исчезло, просто его не видно. Обретение крыл откроет очи на Духовное Солнце, поэтому-то Здесь, когда все при крыльях, видны оба светила.

– Сколько вас, – копируя тон Ангела, вернулся в разговор Антипод, – пытались обрести крыла на земле? С кого кожу содрали, кого в яму со львами, а кого и на крест гвоздями. Может, и стоит смотреть на одно солнышко да нежиться под его ласковыми лучами?

Ангел не выпускал из объятий Душу и был настроен серьезно.

– Физическое Солнце реагирует на Духовное, любой протуберанец имеет свое отражение...

– На твоей покрасневшей роже, – прервал коллегу Антипод и захохотал так, что Воплощенная Душа еще сильнее вжалась в Ангела, а человек на кровати... в подушку.

– Знай свое место, – Ангел повысил тон и, гневно посмотрев на Антипода, ласково похлопал по «спине» Душу, успокаивая ее. – Духовное Солнце первично, а вы, люди, имеете влияние на него. В свою очередь, оно воздействует на Физическое, поэтому все, что происходит на солнце перед глазами, – ваша заслуга, с тем или иным знаком.

– Третий петух, – угрюмо напомнил Антипод, и Ангел согласно кивнул головой.

– Переходим в «Пробуждение»...

– Как это все ужасно, – зевая, протянул Человек, стягивая

с себя измятое одеяло. Пасмурное утро за окном, мелкий, морозящий дождь и увядающая, готовая вот-вот расстаться со своей листвой липа не придавали ни сил, ни желания эти силы поискать. Голова трещала, словно кто-то невидимый проверял ее на спелость, сдавливая, постукивая, потрясывая из желания заглянуть под корку и убедиться, что цвет мякоти и косточек соответствует готовности к употреблению.

Впрочем, подобное состояние не слишком удручало Человека, ибо повторялось ежедневно в течение уже многих лет. Все в его личном мире следовало определенному порядку: Земля поворачивалась на три градуса вокруг своей оси, а Человек успевал умыться, почистить зубы и проглотить завтрак, еще оборот на градус – и он, одетый по погоде, оказывался на улице, далее по списку.

Но сегодня, удивительное дело, у дверей дома он столкнулся с Соседом, чего никогда не случалось (видимо, у того режим вращения личной вселенной отличался угловой скоростью или был смещен во времени). Они поздоровались и двинулись в одном направлении. Молчать в таких случаях не принято, и Человек ни с того ни с сего вдруг сказал:

– Знаете ли, Сосед, мне приснился сегодня удивительный сон.

– Не откажите в удовольствии, поведайте, – схватился за «соломинку» Сосед, раздумывающий в этот миг о том, как бы начать разговор самому.

– Пожалуйте, – Человек взял Соседа под руку и дове-

рительным тоном начал: – Я внутри дома, темная комната слабо освещена мягким, не ярким светом, пробивающимся сквозь щели меж досок на потолке. Меня покачивает, словно дом стоит не на твердой почве, а подвешен в воздухе, и я понимаю, что помещение, в котором нахожусь, не единственное, рядом, и справа, и слева, и даже подо мной имеются еще. Через звуки мерного поскрипывания я слышу голоса, но мне не страшно, я знаю, что этот дом, это непонятное пространство, мое.

Голоса слышатся из-за потолка, в котором есть люк, и, приставив лестницу, я поднимаюсь наверх, открываю деревянную крышку и выбираюсь наружу. Мой дом – это судно, громадное, величественное, но лишенное мачт и парусов. Кругом, сколько хватает глаз, вода и серое, дождевое, вот прямо как сейчас, – Человек указал Соседу взглядом вверх, – небо.

– По-моему, вы одиноки, мой друг. – Сосед покачал головой. – А если нет, то оно вас ждет, именно так я бы расшифровал ваш сон, если бы меня спросили.

– Слушайте дальше. – Человек не выпускал из объятий собеседника. – У открытого люка сидят две птицы: Белый Голубь и Черный Ворон, они спорят.

Ворон: «Не вернувшись, я дал Ною возможность, да и само понятие, Выбора, а тебе, белокурая неженка, шанс совершить подвиг и снискать славу на все времена».

Голубь: «Ты предал Ноя по сути своей, такой же черной,

как и перо твое, я же нашел путь к спасению, несмотря на слабость крыл».

Ворон: «Мне даны ум и силы, дабы мог использовать их на благо свое, тебе слабость и верность на заклятие другим. Так задумал Создатель».

Голубь: «Оберни ты свои таланты во спасение Ноя и его пассажиров, Ковчег ударился бы килем о землю раньше и страданий было бы меньше».

Ворон: «В чем же тогда твое предназначение, коли хочешь от меня всего?»

Голубь: «Мое – вести Ноя на гору, на самый верх Арарата».

Ворон: «Только поведешь его на Голгофу...»

Я вмешиваюсь в спор: «Куда направить мне Ковчег, чтобы скорее оказаться на суше?»

Голубь: «Есть два маяка. Тот, что прячется за тучами, и тот, что сокрыт внутри тебя, в сердце. Небесный укажет путь, когда закончится дождь и рассеются облака, Сердечный светит всегда, и днем и ночью. Хочешь дожидаться прояснения, жди, окончание Потопа зависит от Него, а Он смотрит на всех Ноев. Но можно выбрать курс и без видимого солнца, спроси, где Арарат, сам себя, стань одновременно и Голубем, и Вороном...»

Парочка остановилась на развилке дорог.

– Есть идеи? – спросил Человек.

– Насчет куда идти или вы о сне? – вопросом на вопрос

ответил его спутник.

– Сначала про сон, – улыбнулся Человек, прищуриваясь на пробивающееся сквозь серую «вату» солнце.

Сосед бросил взгляд на часы и, видимо, решив, что лишняя минутка у него имеется, произнес:

– Пытаясь спасти свою душу, вы примериваетесь, к какому из начал примкнуть.

– А к какому надо? – Улыбка сползла с лица Человека и, ударившись о землю, «запрыгнула» на уста Соседа.

– Вам, мой любознательный спутник, в одну сторону, мне – в другую.

Если бы читатель оказался сейчас за спинами этой расходящейся парочки, то без труда заметил бы, как выскочившее из дождевой пелены солнце, надо полагать, решило не оставлять в одиночестве ни одного из своих любимцев и разделилось на два сияющих диска, у каждого над головой.

Правильный ответ

Ученик покорно следовал за Учителем, ничего удивительного в этом не было, внемлющий чужим словам всегда ведом им. Кстати, не забывай об этом, берясь, даже невзначай, поучать другого, – ответственность за происходящее с ним далее невидимым, но весьма ощутимым грузом тут же возляжет тебе на плечи.

Старик часто останавливался, распрямлял сгорбленную спину, вытягивал трясущуюся, всю в складках, шею из объятий протертого до дыр ворота мешковатой накидки и шумно втягивал длинным, орлиным носом утренний воздух, как будто наполнявшие его ароматы могли указать на место или хотя бы направление к оному, где именно сегодня следовало провести урок.

Его юный спутник давно привык к подобным причудам Учителя, это был его фирменный метод, ревностно охраняемый секрет успеха осознания, как сам старик любил говаривать: «Антураж должен соответствовать теме, усиливать и раскрывать ее, обеспечивая совместное погружение тела и духа в безбрежный Океан Истины».

В течение полуторачасового путешествия, сопровождаемого муками выбора, пыльная, но ровная проселочная дорога была обменена сначала на узкую, изрезанную черными,

полопавшимися корнями и усыпанную иголками пихт лесную тропинку, затем на влажную от росы, безжалостно колющую босые ноги луговую траву, и наконец на каменистую, того и гляди порвешь подошвы пяток, спину горного плато. Еще с полчаса комических танцев на цыпочках, вздохов, ойканья и тихой ругани, и Учитель, слава Всевышнему, остановился у самого края выплывшей из тумана пропасти. Ученик, скорее из-за напряжения, нежели из почтения, предпочел держаться чуть поодаль.

– Подходи ко мне, – усмехнувшись, поманил его рукой старик. – Урок проведем прямо здесь.

Молодой человек, преодолевая дрожь в коленях, приблизился к старцу и, стараясь не смотреть вниз, вытер о полы плаща вспотевшие ладони.

– Какова тема урока, Учитель?

Голос его срывался, выдавая волнение и охвативший сознание ужас.

– Ты позабыл, недотепа, – радостно воскликнул старик и, схватив юношу за шиворот, притянул его к самому краю. – Сперва пролог, а название скажешь сам.

И не обращая внимания на полуобморочное состояние Ученика, бодро продолжил:

– Душа новорожденного пребывает у Райских Врат, душа старца бесконечно далека от них. Почему? Всю жизнь человек не просто пятится, а несется прочь вместо того, чтобы войти внутрь Эдема. Милость Божья заключается в том,

что Он, Всепрощающий, помещает наши души туда, где нам, грешным, не место, а именно к Вратам Рая, всякий раз перед каждым появлением в физическом мире, но первое же прегрешение снова запускает механизм Кармы, и «смытое» Его Волей возвращается в наши заплечные котомки.

Он похлопал по плечу Ученика, отчего тот судорожно вцепился в балахон Учителя. Громкий смех «лектора» полетел вниз, отскакивая от кремниевых стен каньона, будто за каждым выступом прятался мерзкий старикашка, усердно добавлявший в общий хор насмешников свою порцию «ха-ха», «хи-хи» и «ого-го». Все прекратилось на дне ущелья, воды небольшой, но юркой речушки с радостью узурпировали редкие в этих безлюдных местах, хоть и странные по смыслу, звуки. Успокоившись, Учитель расцепил намертво сжатые пальцы Ученика и примирительно сказал:

– Я еще не закончил. Каждое грехопадение – предательство Бога, «гибель» духа. Каждое покаяние – Божья милость Здесь и Сейчас, «возрождение» духа. Сколько подобных циклов выдержит Бог? Бесконечное множество, ибо Он полон Любви и Всепрощения, душа же грешить, даже с последующим покаянием, не может вечно, Грааль Души возможно опустошать от яда, но «стенки» его от постоянных опрокидываний утоняются, и настанет предел, когда сосуд лопнет, сие есть Акт Развоплощения.

Умолкнув, он внимательно посмотрел на юношу.

– Теперь можешь подумать и предложить тему урока, и

да, не жмись ко мне, в конце концов, мы мужчины.

Ветер, беспрепятственно разгоняющийся на плато, нещадно трепал кудри молодого человека, прежде чем с ужасающим воем свалиться вниз, и Ученик, осторожно выпустив из рук спасительные одежды Учителя, вопросительно произнес:

– Может быть, Развоплощение?

– Этой теме подходит дно каньона, – улыбнулся старик. – Хотя, в этом случае, с кем бы мне пришлось разговаривать? Если только с мешком костей. Пока мы еще на краю и шаг в пропасть не сделан, стало быть, темой урока, не буду мучить тебя догадками, назначу Переход.

– Переход, – вырвалось эхом у юноши, и он качнулся под очередным ударом воздушной плети.

– Твердо стой на ногах. – Учитель вмиг стал серьезным. – А я начну, пожалуй. Переходом является индивидуальный для каждой души акт переосознания своего положения в поле Любви Абсолюта на пороге Развоплощения. Иными словами, когда емкость души не способна воспринимать бесконечную Милость Божью, всякий раз прощающую прегрешения, когда, «постояв» у входа в Рай, вынужден, благодаря себе же, оказаться вдали от Света, на задворках, в грязи пороков, в цепях самости, где проявляется во всей силе кармическая дилемма: душа не в состоянии не совершать греха и в то же время не в силах получать прощение. Если большое количество душ одновременно подошли к этой черте, возни-

кает всеобщий Переход – Всемирный Потоп, например, или обычный Конец Света.

Юноша вздрогнул.

– На край пропасти ты привел меня, а что является причиной выхода на Переход для человека?

Учитель удивленно вскинул брови, словно вопрос был невообразимо глуп.

– Как и всегда, сам индивид. Механизм довольно прост. Деформация чакровой системы, сужение энергопотока, его искривление, пережатый, замкнутый сам на себя Ментал превращает стройный чакровый ствол в «песочные часы». Творец изливает Милость Свою через Атман, но возле узкой горловины Ментального тела любовь скапливается в Каузальном теле, происходит застой. Просачиваясь через Ментал «по капле», энергия любви перехватывается Астралом, и ее недостает ни Эфирному (общая вялость, инфантилизм и открытость болезням), ни, соответственно, физическому телам, что приводит к отсутствию влечения к противоположному полу, кожным заболеваниям, мышечной вялости и атрофиям.

Власть (управление) Ментального тела – расчет, выгода, схематичность, знаковость, матричность – «удавка» на совокупном (тонких и плотных) теле человека. Застой в теле причин и следствий (Каузал) – это чувство бессмысленности существования, собственной никчемности, связанное с блокировкой памяти души о «подвигах» прошлого. В этот

«момент» человек начинает отворачиваться от Бога как от аспекта Вечного существования духа и прибивается к сторонникам единственной биологической формы бытия, одно-разовой жизни. По сути, Переход – это разблокировка ментального узла осознания себя в истинном смысле и предназначении.

Это не просто, когда ваш Переход индивидуален, но сто-крат сложнее, когда он носит массовый характер. Осознание вашего островного положения, одиночество среди окружающих есть показатель правильного настроения. Вспомни, Ной в одиночку строил Ковчег. «Песочные часы» совокупного тела делят Грааль человека на два сосуда, один из которых перевернут, то есть закрыт для наполнения. В некотором смысле душа уже развоплощена на две части, и Переход можно представить как попытку и, Милостью Божьей, возможность перетянуть на Свет часть себя, застрявшую во Тьме.

– А делать-то что? – Юноша, забывшись, шагнул на самую кромку скалы и смело посмотрел вниз. – Как не оказаться там? – Он ткнул пальцем в далекую голубую нитку реки, петляющей по самому дну.

– Вот речь не мальчика, но мужа, – улыбнулся старик и на всякий случай потянул к себе Ученика за полу плаща. – Расширенное сознание души не позволит ментальному корсету сдавливать структуру совокупного тела. Заповеди, по сути своей, тот предохранительный каркас, что призван сдерживать рвение эго-программы по удушению Света в теле чело-

века, уберите скрижали из ментального тела индивида (просто не рассказывайте о них человеку) – и самость сделает из его мировоззрения узкую, регулируемую талию, а шнуровку затянет сам человек, расчетливо, безэмоционально и... с гордостью.

– Учитель, – молодой человек, и это было видно, силился воспринять урок, – но ведь «расширение сознания» – это очень общая фраза, вы часто пользуетесь ею, но при всей ясности составляющих слов смысл тем не менее туманен.

Вместо ответа старик сначала приложил палец к губам, призывая Ученика к тишине, а затем взглядом указал в сторону. На некотором расстоянии от импровизированного класса орлица притаила в клюве орленка, трепещущего и обескураженного, прямо как совсем недавно Учитель Ученика. Положив свое дитя на кромку скалы, она издала восторженный клекот и столкнула птенца в пропасть.

Юноша охнул, птица взмыла вверх, а через секунду, отчаянно работая крылышками, к ней присоединился и детеныш.

– Почему ты, наделенный знаниями, сделаешь шаг и разобьешься, а он, безмозглый, не боится пустоты?

– Потому что пустота – это его среда, – развел руками молодой человек.

– Правильно, – обнял подопечного Учитель. – Сделай Переход своей средой, и страх перед ним исчезнет. Я помогу тебе, вот, послушай. Осознание места в теле Всевышнего – осознанность бытия, каждого вдоха, всякого слова, отдан-

ного на волю ветра, любого шага, ибо, ставя ногу в яму, ты ломаешь ее, скользя по острому стеклу, ранишь ее, и только прямой Путь дает возможность делать следующий шаг без страданий. Это Христосознание, которое начинается с тела причин и следствий, оно, освещенное сиянием Атмана и праведностью Буддхи, должно быть очищено, раскрыто, осознанно и воспринимаемо. Его «главенство» над Менталом через равенство всех тел приводит к пониманию истинного значения заповедей и неоспоримого их соблюдения. Призыв Иисуса возлюбить ближнего своего, как самое себя, – это апелляция к разуму человека (ментальному телу) посредством прагматизма Кармического закона (каузальное тело), пока духовное развитие индивида не велико (сложно достучаться до буддхиального тела). Это отражает эту формулу через потребности физического тела в Ментале, как «ты мне, я – тебе». Одна и та же энергия (любовь), разлитая в два Грааля (один правильный, другой перевернут) звучит по-разному. И тем не менее Спаситель имел в виду: отдай любовь другому, и он вернет ее тебе.

Что делает наука? Она обращается к ментальному телу – ты видишь, осязаешь, чувствуешь и способен воспринять разумом, значит, это истина, это существует. Что делает религия? Она тоже взывает к ментальному телу (на плотных планах больше не к чему) – поверь в то, чего ты не видишь, не чувствуешь, не осязаешь, в то, что необъяснимо, это Истина, это существует. А что делает в этих случаях человек? Что

и обычно, выбирает. От науки он требует доказательств, от религии – чудес, то есть в обоих случаях ему необходимо подтверждение. Такова схема существования человеческого сознания до Перехода, сам процесс Перехода – это принятие или непринятие Христосознания. Оно (Христосознание) не трогает ментал, ибо человек, оказавшийся в Переходе, уже прочно отдал его эго-программам в полное владение. Христос направляет сознание души к телу причин и следствий, как надстоящему над ментальным. Здесь, на этом уровне, Эго, как ни удивительно, становится союзником, ибо понимает язык выгоды и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. Самость старается не мешать оценивать риски, хотя и кривится от лозунга «Возлюби ближнего», желая оставить только «самого себя».

– Учитель, – юноша запрыгал на месте от нетерпения, – у меня вопрос...

– Это у меня вопрос к тебе, – успокоил взглядом Ученика старик, – но задам его я после эпилога, слушай. Душа взрослого воплощенного по мере удаления от Райских Врат (мелкие грешки, непрерывное вранье, подглядывание за купающейся соседкой, украденная в бакалейной лавке булка, пока продавец отвернулся, и прочие шалости, сопровождающие жизненный путь) тем не менее в любой момент может оказаться у входа в Эдем... Милостью Божьей. Она (Милость Его), спускаясь по телам, материализуется на физическом плане как «Вхождение во Христа» сознанием человека.

А вот теперь мой вопрос: какова тема следующего урока и, позволю себе наглость задать еще один, определи место его проведения.

Ученик радостно улыбнулся, догадка осенила его безусое лицо.

– Вхождение во Христа, это будущий урок.

Учитель удовлетворенно кивнул.

– Ты определенно не глупее птенца орлицы, ну а место, где будем искать истину?

Ученику никогда не приходило в голову отказать Учителю, ни в чем, и это не удивительно, таковы роли. Всяк, внемлющий словам другого, во власти его. Не забывай об этом, даже если невзначай взялся задавать вопросы, имей мужество получить на них ответы, не схожие с задуманными твоими.

– Может быть, на вершине горы? – Юноша заискивающе посмотрел на Учителя. – Где распятый Иисус готовился к Вознесению.

– Нет, – коротко ответил старик.

– Тогда в пустыне, – молодой человек не собирался сдаваться, – где искушаемый дьяволом Иисус провел в изгнании сорок дней.

– Нет, – снова последовал отрицательный кивок.

– В роще! – воскликнул Ученик, подразумевая Гефсиманский сад. – Где Спаситель ожидал предательства своими апостолами.

– Снова мимо. – Учитель был непреклонен.

Юноша вернулся на край скалы, внизу бесшумно сверкала в лучах солнца, взошедшего над каньоном, лента реки, а над головой, в небесной сини, неподвижно застыли две птицы – орлица и орленок.

– Везде, – неожиданно произнес Ученик. – Ибо Христос здесь.

Он указал на сердце, а старик, смахнув трясущейся ладонью слезинку, еле слышно прошептал:

– Вот это правильный ответ.

О пользе еды и не только

Утренний моцион, плавно перешедший в философский дискурс на краю бездонного обрыва, безусловно, располагает, тем более если принять во внимание, что окончился в полдень, к неторопливому продолжению беседы, но уже за обеденным столом.

Учитель, известный ценитель не только словесных блюд, но и самых настоящих, предназначенных для употребления в пищу, сделал широкий жест, распахивая двери своего жилища, и перед Учеником открылась великолепная, приводящая в восторг не только глаза, но и желудок, картина накрытого к трапезе стола.

Если ваш покорный слуга начнет описание увиденного со слов «чего там только не было», то, скорее всего, он смертельно обидит радушного хозяина скудостью похвал, а потому там было все, чего угодно душе юноши, ползавшего полдня по горам, лесам, расщелинам и пескам. Заняв предложенное место, молодой человек едва сдерживал дрожащие от нетерпения руки, желающие хватать все подряд, и давал волю исключительно блуждающему по гастрономическому великолепию голодному взгляду.

Старик, намеренно выдержав долгую паузу, вознесшую до невообразимых высот аппетит Ученика, но при этом не поз-

волив ему завалиться в голодный обморок, сказал:

– Пожалуй, мы можем позволить себе совместить урок с приемом пищи. Ты как?

Юноша, загипнотизированный дымящейся ножкой фазана, обсыпанной зернами спелого граната, активно закивал головой.

– Напомнишь тему? – улыбнулся Учитель.

– Вхождение во Христа, – с готовностью отозвался Ученик, нетерпеливо ерзя на своем месте.

– Тогда сразу к делу, пролог. – Старик уселся поудобнее. – Вхождение во Христа – обретение сознания не запрещающего, не отвергающего, не приемлющего что-либо, но принимающего все имеющееся в Мире Бога как необходимую, неотъемлемую данность, высшую справедливость и Божественную милость. Христосознание не противопоставляет носителя окружающим, не отделяет индивида от общества, оно растворяет Человека (Христа), но не в совокупном потоке сознания, а во всеобщей любви, пусть даже не принятой большинством.

Христос не видит врага, только друга, не видит злобы, только заблуждение, не видит других, как и себя, отдельно от Бога, только вместе.

Ученик, не отрывая взора от стола, закивал головой с утроенной частотой, на что Учитель, не обратив ни малейшего внимания, спокойно продолжил:

– Вхождение во Христа – технологически это отказ от

Матрицы ментального тела, определяющей границы, связи и последовательности. «Кто без греха, пусть первым бросит в меня камень» – фраза внематричная для ментала, видно, что здесь Иисус работает из каузального тела (полное понимание причин, возможно, состоявшихся в иных воплощениях, приведших всех, подчеркиваю, всех участников текущего события к имеющему место следствию).

Собственное бедственное или, напротив, «сытое» положение будет восприниматься воплощенной душой как органичное пребывание в общей структуре Мира Бога, без унижения или возвышения над другими участниками бытия.

– Учитель, – не выдержал юноша, – давайте начнем трапезу.

– И урок. – Старик отломил от пышущей жаром лепешки ломоть и положил перед Учеником. – Сколько изделий из хлеба ведомы тебе, друг мой сердечный?

– Много, – пробурчал молодой человек, отхватывая изрядный кусок и с трудом прожевывая его.

– Но все это многообразие суть одно, в их основе лежит перемолотое в муку зерно. – Старик откусил небольшой кусочек и с наслаждением задвигал челюстями.

– Вы это к чему, Учитель? – удивленно спросил довольный начавшимся насыщением юноша, прекрасно зная, что любые слова никогда попусту не покидали уста старика.

– К первой заповеди, – неожиданно ответил Учитель. – Ибо через призму Законов Божьих будем рассматривать пу-

ти «Вхождения во Христа».

– Интересно, – проворковал Ученик, запихивая в рот очередной кусок хлеба.

– Положим, индивид выясняет свое отношение к первой заповеди. Его рассуждения, с точки зрения ментальной матрицы, будут приблизительно следующие: а почему Бог один? И кто возьмется утверждать это с гарантиями? Возможно, Его, Бога, нет и вовсе, а стало быть, выполнение, как и нарушение заповеди, фикция, иллюзия, утверждение, не подкрепленное ничем, кроме выбитых на камне строк, кстати, коих в оригинале никто не видел.

Учитель прокашлялся.

– А вот «голос» Христосознания из матрицы Каузала: Миром, где все взаимосвязано, начиная от невидимых «нитей» меж малейшими составляющими материи до стройной системы взаимодействия огромных тел и их союзов в физическом плане и деяний, следующих неотвратно за мыслью и словом, переносимых из воплощения в воплощение в виде последствий посредством памяти тонких миров, возможно управлять только из единого центра (в противном случае – хаос), а значит, даже при существовании пирамиды Иерархов ее пик венчает Абсолют, Единый Бог.

Сомнения в факте сим и, что еще хуже, поругание оно-го, несут за собой (естественно) последствия, о степени тяжести коих можно только догадываться. Нарушая заповедь, ты декламируешь: «Мир не таков», закладывая в его ос-

нование тем самым пустотелый камень, или гнилую доску, или неистинную мысльформу. Один такой «зодчий» страшен разве что при строительстве собачьей конуры, множество же возводит град, имя которому Содом.

Выдав тираду столь значительных смыслов и размеров, Учитель поднял кувшин с вином, плеснул в свой кубок немного и протянул Ученику. Юноша не стал проявлять излишнего такта по отношению к мускатному напитку и наполнил свою чашу до краев. Старик словно ожидал подобного поведения.

– Прекрасно, мой друг. Ваше вино олицетворяет собой сейчас вторую заповедь, ибо чрезмерное увлечение чем-либо до добра не доводит.

«Не создавай себе кумира» – вспомнилось молодому человеку, а вслух, рассмеявшись, он произнес:

– До добра – нет, а вот до пьянства...

Старик сделал глоток из своего кубка, глаза его загорелись.

– Может, усложним урок. Ты будешь смотреть на заповеди с точки зрения ментала, присущего человеческому сознанию, а я – очами Христосознания, через тело причин и следствий.

Юноша, задумавшись на миг, согласно тряхнул головой. Отхлебнув терпкого, ароматного зелья, для храбрости и куража, он начал:

– Давайте определимся с понятиями. Что и кто это, ку-

мир, по каким критериям определять, что эта вещь, человек или увлечение – кумир? И почему я, человек, обладая Свободой Выбора должен ограничивать ее, вводя в свою жизнь некоего кумира?

– Блестяще! – воскликнул Учитель, с гордостью глядя на Ученика. – А теперь, сударь, извольте принять оборонительную позу, мой ответный выпад.

Старик потер ладони и, снисходительно улыбаясь, предъявил свои возражения.

– Получая энергию любви от Бога, подобно солнцу, я вместо того, чтобы распространять ее на весь мир (возлюбив ближнего), направляю ее узким пучком, лучом на отдельный объект, погружая во тьму все остальное круг себя. Следствием подобного поведения, как можно предположить, будет мое нахождение в темноте безразличия подле человека (души), от которого я стану ждать любви.

Завершив речь, он поднял кубок и сделал глоток, а благодарный юноша захлопал в ладоши.

– Я не в силах парировать ваш выпад, сир.

– В таком случае, – взбодрился старик, – вот еще атака.

Он зачерпнул из глиняной миски горсть приправ, смесь черного и красного перцев, айра и аниса, шалфея и розмарина, имбиря и кардамона, ванили и муската, корицы и чеснока, тмина и шафрана и густо осыпал хлебную лепешку Ученика. У молодого человека глаза полезли на лоб.

– Но ведь хлеб теперь нельзя есть?

– В этом и заключается третья заповедь, – захохотал, глядя на сотрапезника, Учитель. – Некоторые вещи нужно применять в определенное время и в определенном количестве, «не поминая всуе».

Ученик, справившись с удивлением, стряхнул горку приправ с лепешки и размеренным тоном высказал свою позицию:

– Человечество существует под сенью Божьей так давно, что Имя Его звучало в устах грешных неисчислимо количество раз, по делу и без оно, в молитвах и похода. Запрещать человеку помянуть Бога где ему придет в голову – все одно что указывать, где и когда делать вдох и под какую дождевую каплю можно подставлять голову, а под какую нельзя.

Учитель отреагировал незамедлительно.

– Находясь в причинно-следственном поле, сознание рассуждает так: имя Абсолюта, как высочайшая вибрация, произнесенная впустую, измазывается, замарывается более низкими вибрациями соответствующих мыслеформ. Последствия подобного деяния просты – восстановление энергобаланса (ты испачкал, тебе и отскребать), а имея на руках грязную тряпку несовершенства души, тереть придется долго и тяжело.

Они чокнулись и сделали по глотку.

– С нетерпением жду «дня субботнего», Учитель. – Молодой человек засунул в рот остатки хлеба.

– Поищи его на столе, – загадкой ответил старик, но, не

дождавшись вариантов от Ученика, ткнул пальцем в красно-желтый фрукт. – Яблоко напомнит тебе об Адаме и утерянном Рае. Погружая зубы в его мякоть, можешь встретить и гниль, и червя-искусителя, нежную, сочную сладость, то есть смысл познания – увлекаясь самим процессом, не забывай о его Творце.

Юноша взял в руку яблоко, повертел его перед собой, словно рассматривал сей фрукт впервые в жизни и, памятуя об уроке и роли, отведенной ему в нем, слегка переигрывая, торжественно произнес:

– Кроме ортодоксов вряд ли кто серьезно относится к этой заповеди, да и сами они видят ли смысл в соблюдении ее, разве что так поступали их предки, из поколения в поколение пронося истину, таковой едва ли являющуюся? Не соблюдая заповедь о дне субботнем, человек, возможно, поначалу и вжимал голову в плечи, ожидая кары небесной, но со временем привык к тому, что ничего не происходит при этом, а стало быть, запретом этим смело можно пренебречь.

Учитель не заставил себя ждать с ответной речью.

– Не человеком начертаны скрижали, следовательно, надобно относиться к словам на каменных табличках с почтением и вниманием. Даже ментальное сознание «произвело на свет» параболу «Богу Божье, а кесарю кесарево», отводя на «встречу» с Богом хотя бы один день из семи. Следствием нарушения закона сего станет бытие, когда «кесарь» заберет себе душу во всяк день и час, на всех путях, во все времена,

и будешь поражаться себе сам, тонуть в камнях и злате, но не видеть в жизни таковой просвета, а именно Бога.

Смачный хруст спелой плоти поставил точку в его рассуждениях, Ученик с довольной физиономией жевал яблочную мякоть, причмокивая и покряхтывая от удовольствия. Старик же, опустошив кубок, потянулся за кувшином с простой водой и, поймав удивленный взгляд собеседника, пояснил:

– Чистая вода —это исток, отец и мать. Ее почитание (употребление) можно обойти стороной, но именно вода смывает послевкусие между блюдами.

– То есть? – не понял юноша.

– Во что бы ни «окунулся» человек на своем пути, обращение к роду (вспомни блудного сына) будет носить очищающий, если угодно, прощающий характер. Выпей воды, – старик протянул Ученику кувшин, – и скажи свое слово, человек ментала.

Молодой человек, пока еще плохо знакомый с правилами поведения за столом, отхлебнул прямо из кувшина.

– А что дали мне родители? И даже когда завернули в блестящую обертку и сунули в рот леденец, просил ли я этих людей о такой жертве? Кто был добр к своему ребенку, тот и получит (может быть) обратно доброту, кто любил – любовь (правда, не факт), кто бросил – безразличие (но тоже не обязательно), но почитание? С какой стати? Нет, не вижу смысла в соблюдении этой заповеди.

Учитель хмыкнул, но парировал, как обычно, быстро:

– На Земле как на Небе. Отношение к родителю, с точки зрения тела причин и следствий, надо рассматривать как отношение к Отцу Небесному. Тот, кто дарует жизнь, несет на себе ответственность за нее. Выпуская Джина из кувшина, не ты ли в ответе не только за просьбы его, но и за ответы свои на них? Вот стезя родительская. Почитай источник своего существования, каким бы мутным и хилым ни казался он тебе, чем шире поток твоей души, несущийся к Океану Истины, тем более чистым становится и родник. Вот стезя сыновья.

Познавая себя через наше бытие, Абсолют, в славе своей, становится сильнее, родитель, глядя на успехи детей, закрывает Контракт по родовой части.

Веки старика задрожали, Ученик догадался, что для Учителя, не познавшего родительского счастья, тема была слишком чувствительной, и он решил поскорее покинуть эти «скалистые берега» и обратиться к следующей заповеди.

– Какое блюдо ждет нас далее? – почтительно спросил молодой человек.

– Мясо, – глухо ответил помрачневший Учитель. – Мясо, как тело убиенного, может носить в себе телеси тех, кто станет убивать тебя, – личинки трихинеллы. «Не убий» выбито на скрижалях не зря.

Он протянул юноше хорошо прожаренную лопатку секача.

– Возрази мне.

Молодой человек внимательно рассмотрел аппетитно пахнущий кусок свинины и, не без задумчивости, произнес:

– Но ведь Создатель сам допустил такой мир, где существуют и потребность в насилии, и инструменты, причем во всех царствах. Как же в этом случае и давать одной рукой, и отнимать другой одновременно?

Неожиданно взбодренный Учитель с победоносным видом воткнул вилку в свой кусок.

– Все, что кажется тебе тайным, лишь покров твоего сознания, в любом темном углу плотного плана всегда светит солнце Истины, всем душам, включая и твою. И не великий секрет, что точно ответ держать за убийство ближнего при свете дня, но знай и опомнись, к ответу приведут, даже когда убиен тобой был некто просто в мыслях. Покушаясь на жизнь чужую, убиваешь Бога, ибо другой есть частица Его, то есть продолжаешь распинать Христа.

И с вожделением стал рвать темные волокна мяса остатками желтых зубов. Ученик с видимым удовольствием присоединился к Учителю, и сотрапезники, выплеснув из чаш воду, наполнили их играющим вином. Спустя минуту раскрасневшийся старец, подмигнув юноше, потянулся к щербету.

– Сладости – это прелюбодеяние, они приятны, приторны и сладки, их хочется все больше и больше, но вот беда, в итоге теряешь зубы.

И в подтверждение своих слов он широко улыбнулся полупустым ртом. Юноша густо покраснел, но взял себя в руки

и, все еще смущаясь, произнес:

– Не давший ли обет безбрачия настаивает на строгом исполнении заповеди сей? Не рука ли ограничившего себя возложенным обязательством начертала слова сии, решив за других, с кем восходить на ложе? Кому, как не индивиду, вооруженному Божьим даром, Свободой Выбора, решать – где, с кем и когда, невзирая на отсутствие таинства венчания, сургучовой печати установленного обществом образца или тайного благословения священной особы?

Учитель погрозил пальцем разошедшемуся в рассуждениях Ученику.

– Человек, пропуская через себя поток Божественной энергии, расщепляет его на три пучка: власти, денег и влечения. Так несовершенное сознание интерпретирует любовь. Эксплуатируя любой из этих «пучков» сверх отведенной меры (Властолюбие, Сребролюбие и Прелюбодейство), ты, индивид, изменяешь баланс кармического соответствия положения души (ее сознания к потребляемой энергии), что приводит к ответу в следующем, а нередко и в текущем, воплощении. Единственная в жизни любовь не искажает Божественную энергию, хотя бы по соответствующему «пучку».

И друзья снова подняли бокалы, в этот раз, судя по всему, за прекрасных дам. Ученик, взор коего к этому моменту уже слегка помутнел, а сознание, напротив, благодаря винным парам прояснилось необычайно, приятельски похлопал старика по плечу.

– Учитель, а не поменяться ли нам местами?

Старик удивленно вскинул белесые брови.

– Чем же тебя, милый друг, не устраивает свое? Все, что нужно, я подам.

И он, кряхтя, дотянулся до блюда с исторгающими приторный аромат, блестящими своей тягучей патокой, медовыми сотами и пододвинул его к юноше.

– Мед, украденный человеком у пчелы, поначалу сладок и радует глаз, но со временем застывает, каменеет, тяготит и начинает горчить. Таковы последствия нарушения заповеди «Не кради». Чужое добро мертво, когда взято тайно.

Ученик отломил кусочек янтарной соты и положил на язык.

– Учитель, я хотел бы «войти» в сознание Христа вместо вас, а вас попросить «спуститься» в ментал, вот что я имел в виду под «поменяться местами».

Учитель добродушно усмехнулся.

– Да я понял это сразу, но ты ведь знаешь, старики – противный народец и любят покривляться. Давай попробуем. Начну я как человек. Раздай всем поровну от щедрот твоих и не искушай слабые души разнообразием и неравноправием распределения богатств мира твоего. Почему не сделал так и ввел в искус, а после осуждаешь и запрещаешь? Ну, как тебе? – Он лукаво посмотрел на Ученика.

Юноша согласно кивнул.

– Годится, теперь моя очередь. Зря обвиняешь Бога в

неравенстве распределения. Он поделил самое себя на одинаковые части, и твоя душа «весит» столько же, как и любая другая. Обладание разнящимся по количеству или набору качеств имуществу в физическом плане подобно отличающемуся год от года урожаю яблок. Все уравновешено деяниями предыдущих воплощений, и нарушая баланс Здесь, жди колебаний Там. Беря у другого, тянешь у себя, вступаешь в спор с Богом, Великим Уравнителем. Влезая в чужое окно, в карман, срывая замки, отсыпая, отгрызая, вынимая, стяжая, уподобляешься лукавому адвокатусу, открывающему под покровом ночи Контракт души с Богом и меняющему в нем местами префиксы и запятые. Итог воровства всегда, рано или поздно, разбалансировка Мира, последствия для автора плачевные и неприятные.

– Ого, – восхитился старик, – да ты превзошел меня в аргументации.

Польщенный похвалой молодой человек рассмеялся.

– А мне нравится находиться во Христе, может, продолжим?

Учитель развел руками.

– С удовольствием.

Он взял со стола две миски, с солью и сахаром, и высыпал рядом две одинаковые белоснежные горки.

– Соль, перепутанная с сахаром в блюде, есть ложь.

Юноша переводил взгляд с крупинок на крупинки, понимая, что, не попробовав их на язык, разобрать, что есть что,

невозможно, а старик, ткнув себя пальцем в лоб, произнес:

– Начинаю. Если даже очи зрят по-разному один и тот же цвет, а ухо слышит ярче или глуше, так и понимает всяк по-своему правду-истину и ложь-обман. Коли лгу, с точки зрения другого, не глаголю ли истину со своей? Как запрещать то, что неоднозначно, не проще ли перечесть все звезды на небе или песчинки на берегу?

– Парирую! – воскликнул возбужденно Ученик. – Ум изворотлив, но мелок, а, по причине собственной коротковатости, еще и полуслеп. Христосознание ложью называет не неправду, в которую веришь и истинно считаешь правдой, а неправду, когда твердо знаешь, что таковой она и является, но все равно говоришь. Заблуждение не порок, порочны убеждения в искажениях мира, сделанные намеренно и с умыслом.

– Воистину, Христос говорит в тебе, – похвалил Учитель своего Ученика и, выудив из блюда с фруктами лимон, повертел его на ладони. – Привлекательный, ароматный, но отведай его сверх меры и скривишься от кислоты так, что лик отразит истинные помыслы твои.

– Ты о зависти? – догадался юноша.

– О ней, – согласился Учитель. – Но вот послушай возражения ментального характера. Не является ли зависть простым сравнением себя с другими (в основном с точки зрения материального достатка), по сути, оценкой своего положения в мире относительно соседних душ? Что, если заглядывание

на чужих жен и в соседские амбары побуждает обратить внимание, прежде всего, на себя: чего достиг, что имею и кто рядом, подле меня? Запрет ставит шоры на очи, сужая обзор до пыльных обочин выбранного пути.

– Отвечаю каузально, – эхом отозвался Ученик. – Зависть продуцирует мысли, привязанные к сути. Душа, подобно днищу судна, обрастает ими, как ракушками, и так же, как затрудняют они движение по волнам, мыслеформы тормозят суть при движении по эволюционному пути. Очищение от подобных наростов требует глубокой отработки (остановки), ибо споры их витиеваты и цепки.

Любая трапеза, а хоть бы и духовная, заканчивается процессом переваривания потребленного. Сотрапезники откинулись на своих лавках и предались внутреннему созерцанию: Учитель, вольно и невольно, оценивал успехи юноши, Ученик, как и учил его наставник, искал в душе отклики от урока, не пытаясь при этом вспоминать слова и смыслы. Послевкусие – вот момент истины для отобедавших в хорошей компании, послесловие – для закончивших беседу в ней.

Оба наших героя, погрузившихся на время в Христосознание, как в короткое путешествие, вернутся в ментальное сознание.

Учитель, спроси его почему, скажет, что не желает оставаться «во Христе» по причине страха перед Гордыней, дыхание коей чувствует всякий раз, когда «возвышается» над общим сознанием, а Ученик немного печально ответит: из

страха одиночества, ибо даже Христос на всем протяжении своего пути был одинок, несмотря на наличие дюжины апостолов, в конце концов предавших его.

Красота спасет...

Ко всему изложенному ниже автор, хоть и имеет некоторое отношение, но весьма и весьма отдаленное, ибо просто записывал «услышанное» им, искренне стараясь не привнести в текст личного, дабы ненароком, случайно не испортить блюдо опытной и, стоит признать, весьма талантливой в своем искусстве хозяйки, притом что неумелым рукам его дозволено всего лишь выудить из кладовой один из нужных ингредиентов и просто подать к столу.

Итак, фартуки повязаны, руки тщательно вымыты, рецепт перед глазами, а ваш покорный слуга, немного в стороне, как и положено подмастерье, уже не смущаясь, готов начать.

Душа Художника, почти бестелесная, с легким, фантомным налетом круг себя очертания «сброшенного» тела, устало сложив руки на коленях, сидела на берегу Черной Реки в ожидании Перевозчика. Рядом, повторяя согбенную спину и унылое выражение лица подопечного, расположился Ангел-Хранитель.

Перевозчик задерживался, и парочка, не расстававшаяся несколько десятков земных лет ни на миг, смиренно готовилась к прощанию.

Художник с тревогой, но не без интереса, разглядывал скрывающийся в густом сером тумане местный пейзаж, при-

кидывая, какие бы краски смешивал, доведись ему получить заказ на изображение вод Ахерона еще при жизни. Хранитель, в отличие от подопечного, здешние красоты не интересовали: гнетущая атмосфера, влага, оседающая на белоснежных перьях серой пленкой, и плеск волн, тяжелыми вибрациями отзывавшихся на ангельских перепонках, – все вокруг располагало к тому, чтобы поскорее сдать «клиента» и убраться восвояси.

– Что ждет меня там? – Художник повернулся к Ангелу, коего с недавних пор стал лицезреть.

– Все, что заслужил. – Хранитель нервно встряхнул телом, как это делает воробей, искупавшись в грязной весенней луже.

– Мои заслуги, – задумчиво произнес Художник, – мои картины. Я всю жизнь искал красоту, не более того.

Ангел промолчал, было время и он пересекал Ахерон под пристальным взором того самого Перевозчика, что вот-вот появится из плотных облаков тумана, прячущего за собой противоположный берег. Тысячи раз пересекал он черные воды, и всегда один итог – стыд, раскаяние и... надежда на следующее воплощение. Последнее посещение лодки Перевозчика, прямо перед обретением ангельских крыльев, запомнилось словами ее видящего насквозь все и вся хозяина: «Теперь будем встречаться чаще». Получив свою «вечную» должность в качестве отработки какого-то Великого Прегрешения еще на этапе Сотворения Мира, он, всегда безэмоцио-

нальный, абсолютно нейтральный, вдруг совершенно неожиданно улыбнулся.

Ангел тогда и предположить не мог, что отныне станет Хранителем и будет передавать Перевозчику своих подопечных.

– Так что с заслугами? – прервал его воспоминания Художник. – Чем встретит меня Тот берег?

Ангел внимательно посмотрел на растерянного «клиента».

– Поговорим о красоте.

– О, тут я эксперт, – взбодрился ожидающий своей участи. – Поиску и изображению одной отдал я свое воплощение, все целиком.

Хранитель улыбнулся.

– Не думаю, что целью исканий твоих была Божественная Красота как совибрационность душ – для одной сути красива другая, та, что близко вибрирует к ней, в частотном смысле естественно. Ты же, смертный, грезил человеческой красотой, штампом, слепком сознания, навязанным тебе эго-программой.

– Не вижу разницы, – обиженно проворчал Художник.

– Для родителей их дитя, каким бы уродцем он ни был с точки зрения человеческого сознания, самый красивый, поелику вибрационно он их копия по крови. Божественной Красоте созвучит (восхищается) душа, человеческая красота возбуждает плоть. Каждый план реагирует на соответ-

ствие себе, в этом разница, и в этом же подсказка, где истина. Божественная (истинная) Красота не меняется во времени и местоположении, она вечна. Красота, определяемая (навязываемая) разумом, «плавает» и во времени (от эпохи к эпохе, от моды к моде), и в пространстве (различия в культурах). Вот тебе и «не вижу разницы».

Художник в возбуждении, а может и в возмущении, вскопчил на ноги (светящийся «кокон» чуть оторвался от черного берегового камня, на котором пребывал).

– Для чего такое деление Творцу? Зачем вообще надо было делать некрасивых людей, некрасивые вещи и в целом не красоту?

– Красоту, в качестве понятия, придумал Лукавый для разделения людей. Равенство сынов Божьих в духе «разрушалось» таким образом различием обликов плотных оболочек, указанием на красоту или не красоту. Само понятие есть атрибут дуального мира, одно из его качеств, один из присущих ему инструментов для его же существования. Задайся вопросом. – Ангел расправил крылья для пушей убедительности своих слов. – Был ли красив Адам, пребывая в Райских Куцах в одиночестве? Сравнение – вот цель введения понятия «красоты», которую преследовал Змий Искуситель, подсовывая первоженщине Яблоко Познания. Различались ли «красотой» Каин и Авель для матери их, Евы? Нет, ибо оба ребенка выносила под сердцем. Когда же вошло понятие это в мир и стало его властителем? Слушай еще

пример. – Ангельские глаза горели праведным огнем. – Возведение Вавилонской башни с точки зрения человеческого понимания «красоты» было противопоставление себя (Земли) Богу (Небесам). «Разрушение» этого «замысла», разобщение через многоязычие, вело к дальнейшему дроблению Божественной Красоты Единства и Равенства на более мелкие ее составляющие части – таков был «отклик» на деление Творцом себя на Искры ради Познания.

Ангел удовлетворенно посмотрел на пораженного Художника.

– Попробуй определить красивого человека из чужого для тебя этноса. Бьюсь об заклад, не угадаешь, да и вообще, в конечном счете красота – иллюзия, ибо зависит от настроения индивида в данный момент, от внутреннего (вибрационного) состояния тонких его тел Здесь и Сейчас.

– Так значит, – протянул задумчиво Художник, – ради познания...

– Все ради познания, – усмехнулся Ангел. – Начиная с идеи сотворения мира и заканчивая нашей милой беседой на берегу Ахерона.

Подопечный бросил тревожный взгляд в туман, там, вдалеке, послышался приглушенный всплеск и скрип уключины.

– Уже скоро?

– Как мы решим, – неопределенно ответил Ангел. – Время в этих краях – понятие относительное и... растяжимое,

можем и повременить.

– Да, – согласно закивал головой Художник. – Повременим, я хотел узнать, где же мне надо было искать Красоту Божественную? В каких подземельях, пещерах, библиотеках? В каких краях, странах, на каких островах? Где сокрыл Создатель от сынов своих истину красоты и красоту истины?

Ангел щелкнул пальцами, весельные всплески прекратились, черные волны Ахерона замерли, будто рука живописца поставила последний мазок на холсте.

– Все ответы были у тебя перед носом.

Художник недоуменно вытаращил глаза.

– В заповедях Божьих, – расхохотался над реакцией подопечного Хранитель.

Пока отбывающий, его душа точнее, не стал окончательно частью этого плана, он, в отличие от Ангела, пытаюсь что-то сказать, теперь смог только начать напрягать лицевые мышцы, рот его открывался слишком медленно, что представляло собой уморительную картину для Хранителя, и, дабы не терять сжатого времени, Ангел начал свою речь.

– Красота меняется вместе с уровнем сознания. Христос видел в каждой Искру Божью, отчего и считал всех без исключения наделенными Отцовской красотой.

Тот, кто видит в женщине только внешнюю красоту, прелести ее лица и тела, есть прелюбодей. Соответствующая заповедь призывает человека видеть иную красоту в женщине, красоту целого мира.

Рот Художника продолжал растягиваться в попытке извлечения звука, но сознание его, и Ангел это прекрасно видел, воспринимало информацию в заданном ритме, посему можно было продолжать экскурс по заповедям.

– Тот же, кто наслаждается только красотой и изысканностью Слова, даже если оно не «прикреплено» к делу, пусто и бездушно, есть лжец, и заповедь призывает его узреть в Слове красоту смысла, звучания и его Живой Силы, когда оно – истина.

– Зем... – наконец сорвалось с губ Художника, глаза его расширились от напряжения, а насмешник Ангел, с очаровательной улыбкой на устах «догадался»:

– ...ной.

Веки подопечного начали медленно опускаться. «В благодарность за мою догадку», – решил Хранитель и продолжил свою науку:

– Тот, кто видит красоту в хрипе поверженного, в складках поднятого над павшей цитаделью штандарта, слышит ее в звуках фанфар, трубящих победу, есть убийца, и заповедь зовет его узреть красоту в прощении, в короткой песне меча, входящего в ножны, в силе руки, протянутой упавшему, в могуществе сердца Авеля, обнимающего разум Каина.

Произнеся сие, он убедился, что закрывшееся веко подопечного пошло наверх (значит, был прав, моргнул с благодарностью), и стал терпеливо чистить перья в ожидании продолжения. Когда чистоплюй закончил с правым крылом, Ху-

Дожник «выдал»:

– Клас...

– ...сик, – закончил Ангел и приступил к следующей заповеди, точнее, ее связи с обсуждаемым понятием.

– Тот, чьи очи не могут оторваться от красоты вещи, блестящей, сверкающей, струящейся, отточенной, манящей, дорогостоящей, есть вор, и заповедь молится о прозрении грешника сего, не замечающего красоты служения вещи, пусть не ему, но ближнему, а стало быть Богу.

Едва Хранитель произнес последнюю фразу, побагровевший от натуги Художник изрыгнул из себя:

– Ска...

– ...зал, – с хохотом прокричал Ангел. По натуре, ангельской естественно, он был добряк и, дабы ускорить процесс говорения подопечного, дважды щелкнул идеально ровными пальцами.

– Красота спасет... – от неожиданности затараторил Художник, но слышались активные всплески весла, и Хранитель снова затормозил течение энергии Хроноса.

– Мир, – усмехнулся он. – Вопрос спорный, в конце концов, мы еще не закончили с заповедями, да и Перевозчик близко. Вот послушай, тот, кто слеп к красоте в себе и видит ее только в окружающих, есть завистник, и заповедь «Не желай чужого» вопиет к такому: узри, счастливец, красоту Мира Бога не в чужом окне, а в пределах Универса, чьи богатства доступны и есть у тебя уже сейчас.

Глаза у бедного Художника закатились. «Очень напоминает эпилептика», – подумал Ангел, губы же подопечного снова пытались разъехаться в нужную сторону для извлечения звука.

– Упертый, – добродушно промолвил Хранитель. – Ладно, пока «рожаешь», слушай дальше. Тот, чьи очи закрыты для обозрения красоты родительского долга, кто не усматривает ее в жертве матери и отца по отношению к своему дитя, а только видит в сим тяжкий труд и предъявляет нескончаемые претензии, не обретет в сердце почтения и не осознает заповедь эту о красоте разделения себя, подобно Богу, на части.

Из стены тумана, осторожно раздвигая его бархатные, пурпурно-черные складки, показался нос лодки Перевозчика.

– О, да времени в обрез, – воскликнул Ангел. – Идем дальше. Тот, кто ищет красоту в многообразии, находя и бросая, устремляясь далее, а значит, не оставляя в сердце ничего, подобно бабочке порхая с цветка на цветок, заблуждается о ее Единстве, не давая заповеди «об одном Боге» уберечь сознание души от распыления собственной частицы Его. Как тебе такое прочтение? – Хранитель похлопал по плечу Художника, выглядело это так, словно кто-то попытался разогнать дым от костра сухой веткой.

– Он... – выдохнул подопечный, когда губы его завершили необходимое действие. В интонации звучал вопрос.

– Идем далее, – пропустил старания Художника мимо ушей Ангел. – Тот же, кто находит красоту для себя в чем-то одном, пренебрегая многообразием, надевает шоры на очи свои и предаёт Бога, который есмь Все. Заповедь «Не сотвори кумира» учит видеть Красоту Всего Мира Бога, целиком, а не отдельной части его, перед которой встаешь на колени.

Художник, заметив появление «долгожданной» лодки, начал нервничать: щеки его, теряя очертания, все же заметно покрылись пятнами, а безвольные губы невероятными усилиями предприняли очередную отчаянную попытку хоть что-нибудь сказать.

– Знал бы ты, сколько воды утекло на земле, пока разеваешь здесь рот, – снова захохотал Ангел. – Финал близок, слушай. Тот, кто разбрасывает лепестки роз в надежде устлать оными собственную дорогу, есть «болтающий Имя Его всуе», ибо красота лепестков быстро увядает без корней и стебля. Заповедь гласит: не трогай красоту, созданную дланью идеальной, скрюченными пальцами несовершенства, просто наблюдай и наслаждайся в благодарности.

Нос лодки тем временем выдвинулся еще, и можно было разглядеть торчащую из-под плаща ногу, выставленную вперед, остальное все еще скрывала пелена. «Старый знакомый», – улыбнулся Ангел и, взглянув на подопечного (тот силился выдуть что-то из сложенных трубочкой губ, получалось «п-п-п-п...»), сказал:

– На десерт. Тот, кто не желает видеть красоты нигде, на-

рушает заповедь «о дне субботнем», ибо сам Создатель Красоты приглашает в гости, очнуться от забот и рассмотреть, сквозь пот и слезы, дела рук Его, хотя бы в один из дней.

– П-п... прав? – наконец вылетело из уст подопечного. Ангел щелкнул пальцами дважды, Художник в бессилии опустился на черный камень, а лодка Перевозчика, вместе со своим гребцом, с хрустом врезалась в берег.

– Известную человекам фразу, – вместо приветствия «прогрохотал» высоченного роста, худой, обряженный в длиннополый плащ дух, – здесь интерпретируют так: Духовность, истинная Красота Божественного Творения, позволит не разрушиться миру плотному как полигону процесса Познания. Забирайся в лодку, пора.

Художник безропотно подчинился и осторожно ступил внутрь, на шаткое днище. Обернувшись, он крикнул Ангелу:

– Так он прав?

Хранитель помахал на прощание рукой и сказал негромко:

– Красота спасет...

Перевозчик сделал широкий гребок, и лодка растворилась в густом, пурпурно-черном тумане.